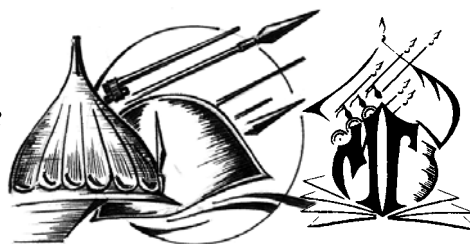

Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2008



Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

ПРОЗА

Юрий ПАХОМОВ. Столкновение. Повесть..... 3
Лидия АРДЫШЕВА. Морские сюжеты. Рассказы..... 255

ПОЭЗИЯ

Вячеслав БОГДАНОВ. По волнам ветра. Стихи 86
Диана КАН. Славянская жила. Стихи..... 91
Ольга ЖУРАВЛЕВА. Уединение. Стихи..... 95
Станислав ЗОЛОТЦЕВ. Осенний путь. Стихи 96

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил АНТОНОВ. Россия XXI века: путь к мировому
лидерству. Продолжение 100
Олег ПЛАТОНОВ. Русское сопротивление грядущему
антихристу. Продолжение 137
Ален ДАЛЛЕС. Задачи в отношении России 150
Валерий ЧАРУШНИКОВ. Мифы и реальность
«пражской весны» 184
Протоиерей Евгений ШЕСТУН. Нет для Бога
невозможного 196
Валерий СОЛОВЕЙ. Мы и они 204

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Юрий ВОРОБЬЕВСКИЙ. **Над Царьградом погасла луна.
На пороге Константинополя** 211

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Иван ДРОНОВ. **Царский наставник** 220

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Сергей ВЕРТЬЯНОВ. **Кем создан мир?** 236

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

Владимир ЮДИН. **Вадим Кожин и национальный
вопрос** 243

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Елена СУХОВА. **На пыльных тропинках Луны** 251

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Василий КИЛЯКОВ. **Заметки неравнодушного** 265
Владимир ДЕСЯТНИКОВ. **Дневник русского.**
Продолжение 276

Юрий ПАХОМОВ

СТОЛКНОВЕНИЕ

ПОВЕСТЬ

1

Восьмизэтажный дом наш на Хамовническом валу торцом глядит на врата Новодевичьего кладбища. Поздней осенью, когда ветер сшибает с деревьев пожухлую листву, с балкона в морской бинокль хорошо видны надгробия. Прошлой осенью у меня гостил старый друг Левон Горгинян. Глянул в окно и говорит:

— Гришка, как ты здесь можешь жить? Всякий раз удивляюсь.

— Нормально. Такая близость настраивает на философское осмысление бытия.

— Не знаю, не знаю... Я себя чувствую сейчас дезертиром с кладбища.

Март стоял дурной — результат глобального потепления климата. Снег сошел, кое-где в сквере на Усачевке среди прошлогодних листьев пробилась трава, на кленах лопнули почки, у голубей съехала крыша: гуляют, притопывают перед подружками. Студентки-медики ходят с голыми пупками, милиционеры перешли на весеннюю форму одежды. Перед очередным футбольным матчем в Лужниках их собираются тучи.



ПРОЗА

3

В конце января Маша в очередной раз улетела в Колумбус. Считается, переждать кислую московскую зиму — от Колумбуса до Флориды рукой подать, а там океан, пальмы, песок и ураганы с женскими именами. Маша звонит два раза в неделю, вопросы задает она. Когда вернется, я тоже ни о чем ее не спрошу. Так лучше. По крайней мере, мне.

Третью неделю я свободен как птица. Только эта свобода мне ни к чему. Свобода не может заполнить пустоту, образовавшуюся внутри. День мой состоит из самых необходимых для поддержания живучести организма действий. Лишь иногда в мою пресную, как армянский лаваш, жизнь, врываются иные события, чаще всего это похороны друзей, однокашников, бывших сослуживцев. Что, впрочем, неудивительно. Время.

С Левоном я дружу с нахимовского. Когда нас, стриженных под «ноль» пацанов, построили в коридоре училища, я оказался рядом с чернявым пареньком, голова у него была дынькой, и сам он бледный, дохленький.

— Ты откуда приехал? — спросил я.

— Местный, питерский.

— Я думал из Грузии.

— Никогда там не был.

В ту пору Левончик был одного роста со мной, это потом на казенных харчах я вымахал за метр восемьдесят и стал правофланговым в роте. Койки наши тоже оказались рядом. Разбирая постель перед сном, чернявый сказал:

— Меня Левон зовут. Не Левка, а Левон. Ясно?

— А то? У меня проще — Гришка!

— Наколку сам делал? — Левон ткнул тонким длинным пальцем в мое левое предплечье.

— Не-е, пацаны.

В умывальнике, глядя на синюю, в желтых пупырышках грудь соседа по койке, на его тонкие, как у паучка, руки, я спросил:

— И что тебя в нахимовское качнуло?

— Папка настоял. Сам бы я ни за что!

— А мать?

Левон опустил голову:

— Померла мамка.

— Ништяк, прорвемся. У меня вообще никого, кроме двояродной тетки.

Первые месяцы в нахимовском дались Левону тяжело, раза два я слышал по ночам, как он плачет, уткнувшись

носом в подушку. Мне-то что, я — капотнинский, вырос в бараке, где селили рабочих с нефтеперегонного завода и речников из Южного порта. В ту пору Капотня была поселком, примыкавшим к столице. Считайте, рос на природе. Окна барака глядели на желтую полоску Москвы-реки, по которой буксиры-толкачи проводили сухогрузные баржи и ржавые лайбы с песком и мусором, а на противоположном берегу, на высоком угоре, белела церквушка без креста, лепились домишки деревни Беседы. Слева, за мостом, шлюз, а перед ним заводь с кувшинками и лапчатыми листьями на черной воде. В низине на нашем берегу капотнинские рыбаки держали самодельные лодчонки, а потом, через несколько лет, там выросла лодочная станция.

В шесть лет я научился плавать, а в семь уже с пацанами на плоскодонке выгребали в заводь перед шлюзом, рискуя попасть под форштевень проходящих судов.

К тому же оказалось, что Левон — профессорский сын, отец его, капитан первого ранга, возглавлял кафедру в Военно-морской академии. Неужто профессор не мог поднять своего хилого сынка без помощи государства? Видать, жлоб еще тот.

Левон через полгода обвык, притерся. И насчет отца я оказался не прав. Аршак Мартиросович оказался человеком мягким, добрым, ростом чуть выше десятилетнего Левончика, лысенький, настоящий профессор из анекдотов. Не верилось, что в финскую кампанию он плывал на линкоре «Октябрьская революция», пережил ленинградскую блокаду — с линкора наши били двенадцатидюймовыми снарядами по немцам. Войну закончил в Порт-Артуре, командовал крейсером на Тихоокеанском флоте, вернулся в Ленинград, защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию.

В квартире Аршака Мартиросовича в многоэтажном доме с башенкой на Московском проспекте неподалеку от Парка Победы перебивал весь наш класс. За хозяйством приглядывала тетка Левона, двоюродная сестра отца, полная женщина, одетая всегда в черное, — вся семья ее погибла во время войны.

Нас, нахимовцев, она всегда встречала приветливо, в просторной гостиной накрывала стол и следила, чтобы мы как следует ели. Мне еще никогда не приходилось бывать в таких домах: резная, на гнутых ножках мебель, картины, пианино, телевизор, много книг и различных

вещиц из Японии и Китая. Был даже самурайский меч, самый настоящий. Левон утверждал, что меч в воздухе рассекает бумагу. Мы не пробовали, а вот китайские сигареты тайком курили.

В нахимовском училище я учился кое-как, пятерки были только по математике и физике, с русским и литературой дела шли плохо, плелся на троечках, читал мало, и интерес к литературе появился лишь много лет спустя. Над моими сочинениями по литературе хохотал весь класс, когда воспитатель читал их вслух. Особенно понравились строки: «По Австралии шкандыбали страусы, а на ногах у них были огромные музули». Впрочем, потешались, оглядываясь. Кулаки у меня уже тогда были чугунные. А Левон шел круглым отличником — все предметы давались ему легко, хотя на самоподготовке вроде бы не корпел, как другие зубрили, тайком от старшин почитывал книжки о путешествиях, раза два он побеждал на областных математических олимпиадах. Кликуха у него была соответствующая — Пифагор.

«Питоны» — так называли нахимовцев, которые малолетками поступили в училище, — в основном ребята, потерявшие в войну родителей, для которых казенный кошт стал единственным шансом выжить и получить образование. Профессорских сынков и морских начальников — единицы. Позже в училище стали набирать ребят постарше, уже с седьмого класса, права носить высокое звание «питон» они не имели и именовались просто воспитанниками или нахимовцами.

Обстановка в училище царила сурово-дружелюбная. Истеричным дамочкам из сообществ солдатских и матросских матерей и разного рода блюстителям прав человека, дня не прослужившим в армии, порядки в училище тех времен показались бы жесткими. Нахимовцы не только учились, но и стояли в нарядах, участвовали в повседневных и авральных приборках, чистили картошку огромными лагунами, а вечерами печатали шаг и пели строевые песни. Из нас бережно, но твердо готовили мужчин, воинов, а не хлюпиков, «отмазаться» от армии считалось позором.

Кормили неплохо, но растущий организм требовал, чтобы в топку все больше подбрасывали калорий. Жрать хотелось постоянно. Лучшими местами общественной деятельности считались хлебозерка и камбуз — там при определенной изобретательности можно было кое-что

перехватить, а заодно обеспечить и товарищей. Редкие посылки от родственников делились строго поровну, самыми страшными пороками считали доноительство и подхалимаж, любимчики, стукачи в училище долго не задерживались, и столь необходимый для флота постулат: сам погибай, а товарища выручай, — выковывался в уличных драках с гражданской шпаной, когда в ход шли ременные бляхи и подсобные средства.

Имена и прозвища преподавателей и прямых начальников помню до сих пор. И оттуда, из затянутого дымкой далека, до меня доносится голос командира нашей роты, фронтовика, капитана третьего ранга Кокшева по прозвищу Кока: «Э-э, Старчак, что ты ползешь, как вошь по мокрому пузу? Гляди веселей, свисти соколом!»

Кока научил нас, огольцов, заправлять койки, держать иглу, гладить, швабрить палубу, — кроме него, научить нас было некому. Он многим заменил отца, мать, бабушку и бабушку, и именно от него мы, старшеклассники, узнали, что сделать, чтобы во время увольнений в город «не намотать на винт», и, вообще, как вести себя с дамой.

Среднего роста, крепко скроенный, стриженный под ежик, Николай Николаевич Кокшев, острого взгляда которого, не говоря уже о зычном голосе, боялись даже самые отчаянные «питоны», вечерами заходил в спящие кубрики, поправлял мальчишкам сползшие одеяла, а если кто-то из пацанов начинал метаться на койке, переживал страшный сон, подходил и гладил по голове. Другой личной жизни у Коки не было.

Наши командиры и учителя готовили нас к жизни, для нас не был пустяком марш юных нахимовцев: «Простор голубой, земля за кормой, гордо реет на мачте флаг Отчизны родной», и в десятом классе нам не нужно было ломать голову, куда поступить учиться. Я твердо решил: только в Высшее военно-морское училище имени Фрунзе и только на штурманский факультет. Левончик выбрал Высшее военно-морское училище радиоэлектроники имени Попова. Друга привлекали тонкая техника, вычислительные машины и новые технологии. Посверкивая антрацитовыми глазами, Левончик насмешливо говорил:

— Это раньше мореплаватель поплевал на пальчик, глянул на светила и определился с дикой погрешностью, сейчас без навигационных систем, ЭВМ шагу не шагнешь. Вам что? Стой на мостике и изображай из себя Колумба. Одно слово — водила!

— Не зарывайся, Левон, — осаживал я друга, — командир наиглавнейшая фигура на флоте, каков командир, таков и комфлотом и даже главком. А ты кем станешь? Бычком. В лучшем случае флагспецом эскадры, каперангом. По твоей специальности адмиралом хрен станешь.

— Я в науку пойду, Гришка, с противником разными средствами бороться можно. Да и нужно же кому-то вас, недоумков, учить, снабжать новой аппаратурой.

2

После мартовской ростепели в апреле похолодало. Как-то проснулся, глянул в окно — валит густой снег. Деревья с доверчиво раскрывшимися почками разом побелели, замело газоны, снег лег на черный, парящий асфальт. Серо, сумрачно.

Включил свет, приготовил нехитрый завтрак: надоевшую до смерти овсянку (помогает от склероза!), пару ломтиков хлеба, поджаренных в тостере, кофе. На это утро у меня было запланировано посещение военкомата. Еще одно тонко продуманное издевательство над ветеранами. Дотошные ребята раскопали любопытный факт: оказывается, военным пенсионерам в обход закона, приказов и постановлений недоплачивали пенсию. Сумма, по нашим меркам, набежала приличная. Народ возмутился, стал стучать костылями в разные чиновные двери — глухо. Дело дошло до суда, и началась канитель. Мой однокашник по училищу отставной контр-адмирал Балашов, возмущенно сопя в телефонную трубку, разъяснил мне порядок и тактику борьбы за свои права:

— Первым делом, Гришка, ступай в военкомат и подай заявление, чтобы тебе перечислили пенсию за означенный период. Чиновникам, конечно, это не понравится, и они недельки через две дадут тебе отлуп в виде мотивированного, на их взгляд, отказа. Отказ сунь в папочку, подколи к своему заявлению и садись строчи исковое заявление в Мещанский районный суд родной столицы.

— Погоди, на кого исковое заявление подавать? На министра, что ли?

— А то? Не на дядюшку же Сэма. Тот своих ветеранов в нищете не оставляет и не пытается обдурить, потому как закон! И между прочим, пенсии у американских ветеранов в разы больше.

— Неловко как-то.

— Неловко, Гриша, иметь дело с бабой на потолке, одеяло будет сваливаться. А теперь бери бумагу и штурманский карандаш, я тебе продиктую всю эту лукомудистику.

Я записал. Балашов пошуршал чем-то в трубке, прокашлялся, спросил:

— Понял?

— Не очень.

— А ты не вникай. Текст выверенный, обсосанный, я через всю эту мерзость прошел. Знал бы ты, что в суде делается. Ветераны войны и Вооруженных Сил, седые, лысые, некоторые на костылях, толкуются в приемной, валидолом себя взбадривают. Мат-перемат клубится в воздухе. Один старичок, неведомо, в чем душа еще держится, говорит: «Братцы, я в мясорубке под Сталинградом себя лучше чувствовал, там я хоть на своей земле стоял, а сейчас какая подо мной почва? Может, совсем мы сдали страну? И супостат на ней утвердился и правит?» И так повсюду. Мне из Питера Мишка Глаголев звонил, ты его должен помнить, он выпускался из училища тремя годами раньше, старшиной роты у нас на первом курсе был. Так там, в суде, в очереди какой-то адмирал концы отдал. В газете статейка появилась: «Двести первый умер». Скандал, городское начальство обеспокоилось, и вроде бы пенсионерам все положенное выплатили, до копеечки. Так что наберись терпения, хлопни коньячку для укрепления мужества — и вперед, на баррикады. Если отступишь, нас и дальше будут держать за лохов и повсеместно обжужливать.

Меня и задело за живое. Что же это, в самом деле, творится? Побрился, надел выходной костюм и отправился в военкомат, девки у нас там сочувственные, ветеранов не гнут, не унижают. Авось и сладится. «Жигуль» свой заводить не стал, на метро сподручнее, а от станции «Парк культуры» идти совсем ничего.

Улицы под снегом выглядели празднично, как перед Новым годом, только елочных базаров не хватает. В вагоне метро толкотня, утеснение, люди жмутся друг к другу, а треть вагона пустая, там, на лавке, вольготно пристроился бомж, здоровенный, ражий мужик с черным заплывшим лицом, в дамской искусственного меха шубе, раскоряченных опорках, и вонища от него невыносимая. Народец носы затыкает, морщится. Милиционер в звании капитана в детективчик углубился, отстранен-

но улыбается — ему, охранителю общественного порядка, давно уже все до фени.

Надо было мне ехать попозже, когда схлынет рабочий люд и останутся в вагонах старики в заношенной одежке середины шестидесятых годов минувшего столетия да гости столицы из бывших южных республик. И вот что любопытно, молодежь из Узбекистана, Таджикистана, словом, азиаты, уступают старшим место. Сохранилось, видать, там уважение к старости, к сединам, наши ребята — никогда не уступят. Сидит пустоглазый амбал, качок, как их еще называют, лет ему двадцать пять, не более того, в прорехе модной рубахи отсвечивает православный крест — верующий, значит, крещеный, а старика, что рядом из последних сил корячится, ухватившись за поперечину, в упор не видит. Заскакивают в вагон курсанты из какого-то пехотного или инженерного училища, шапка в руке, шинель расстегнута. Мода сейчас такая в демократической армии ходить без головного убора. Я за последние десять-пятнадцать лет ни разу не видел, чтобы рядовые, а тем паче курсанты отдавали офицерам честь. Попался бы патрулю такой расхристанный молодец в мое время — прямиком ему дорога на губу, на полные пять суток, а если от него еще и запашок, так и двойной срок отхватит. На скудной пище, шагистике во дворе исправительного заведения и наружных тяжелых работах время ох как долго тянется.

Вроде бы чепуха, мелочь, большая ли беда в том, что розовощекий курсантик шапку не надел, офицера не поприветствовал? Нет, господа хорошие, порядок с мелочей начинается. На лодке обстановка демократичней, чем на надводных кораблях, а неряшливый трюмный или какой другой матрос у меня всегда вызывал сомнение, не верил я таким, потому что от мелочей зависит, как поведет он себя в аварийной ситуации.

В подземном переходе через Зубовский бульвар шла мелкая торговля. Слепица, сидя на скамеечке, пела тонким, дребезжащим голоском песни советских композиторов, рядком прилепились к стенам старушки-нищенки с медалями, приколотыми к ветхой одежке. И какими! «За победу над Германией», «За оборону Москвы». Отстояли русские бабы столицу, а теперь стоят с протянутой рукой. Были бабули и со значками «Ударник социалистического соревнования». А рядом рослый, коротко стриженный паренек, вместо рук — оголенные култышки

у самых плеч, на шее картонка висит с надписью: «Помогите собрать деньги на протезы». Перехватило спазмом горло, хоть на улицу не выходи.

Припомнился мне рынок в Костроме военной поры, куда из детского дома отправлялись мы, огольцы, чтобы сшибить что-нибудь из жратвы, оголодали до прозрачности. Гул плыл над барахолкой, народ месил ногами жидкую грязь, торговал, чем мог, что у кого осталось от лихого времени, а у стены стояли и сидели в инвалидных колясках, но чаще на самодельных, с шарикоподшипниками вместо колес каталках инвалиды войны. Защитники Родины предлагали самодельные зажигалки, вонючие кубики для выведения пятен, папиросы в россыпь. Одноногий, вечно пьяный весельчак по кличке Пистон с орденом Славы на вылинявшей гимнастерке наявничал на гармошке, пел срамные частушки, а рядом, в инвалидной коляске, не то сидел, не то лежал обрубок без рук, без ног, его дружок Самовар, укутанный по самый подбородок телогрейкой. Самовар тоже был пьян и подпевал дружба-бану, шевеля обметанными сыпью губами.

Инвалидов я застал и в Москве, в Капотне, пока их в одночасье не смахнуло в небытие властной рукой. И вот в нынешнее время, спустя десятилетия со Дня Победы, увечные, жертвы несправедливых войн вновь вернулись на улицы процветающей, погрязшей в грехе столицы. Это ли не знамение? А народ равнодушно шел мимо, ничего не замечая и ни о чем всерьез не задумываясь. И лица у большинства были сосредоточенно-усталые.

В военкомате у двери пенсионного отдела посетителей было немного, все чинно сидели на стульчиках и одеты были прилично — Центральный округ как-никак. А главное, не было траченных склерозом болтунов, для которых военкомат стал последним прибежищем, вроде клуба по интересам.

Через неделю получил я из военкомата ожидаемый отказ — ксерокопию с типовой канцелярской бумажки, в которой, со ссылками на какие-то приказы и указы, сообщалось, что претензии мои на ограбление казны беспочвенны. Дальнейший шаг — исковое заявление в суд. Все как в правовом и демократическом государстве.

Отсутствие жены дает мне некоторые преимущества. Теперь вечером, как следует утеплившись, натянув старую, еще командирскую куртку и валенки покойного тестя, могу подолгу сидеть на балконе. Балкон — моя пос-

ледняя боевая рубка. Угрюмая беззвездная темнота дымного неба снизу подсвечена миллионами огней гигантского мегаполиса, они роятся в розовой мгле, перемигиваются между собой. Если взять бинокль, можно различить светящиеся линии — магистрали, по которым струятся светящиеся точки, на юго-западе они разбросаны горстями, часть из них как будто висит в воздухе. Слева проступает подсвеченная пирамида МГУ с красной точкой на маковке.

Вечерняя столица гудит, потрескивает, глухо рычит. Чуть раньше, когда школьников младших классов еще не загнали домой, гул ворочающейся во мгле столицы простреливают взрывы петард — следствие китайской экспансии, потому как все эти трещалки изготавливаются в массовом порядке в набирающей силу Поднебесной. Раза два в неделю, уж никак не меньше, небо над Воробьевыми горами озаряется причудливым фейерверком, тупо долбят орудия — сотрясаются оконные стекла, звенят фужеры на полках серванта, во дворе испуганно лают собаки. Многовато для наших многочисленных праздников. Сосед по лестничной площадке пояснил мне, что новые хозяева жизни салютом отмечают свои корпоративные праздники и свадьбы.

От легкого морозца каменеют скулы, сухая крупка счет лицо, я и в самом деле на мостике подводной лодки, входящей в Видяево, только огней многовато, кажется, я даже слышу равномерное постукивание дизелей, и порывы ветра доносят кисловатый запах дизельного выхлопа.

* * *

В полночь позвонил Левону. Он — сова, работает по ночам. На кафедре у него два присутственных дня в неделю, в остальное время он дома, пишет учебник. Недавно вышла монография, написал ее Левончик, но к нему прицепили еще двух авторов из начальства, иначе книгу не пробить. В семьдесят Левон не снижает темпа, у него расписан каждый час. «Эффект юлы, — поясняет мне профессор, лауреат, членкор и прочая, — пока я вращаюсь, стою, кончится энергия вращения — и я свалюсь».

Левон взял трубку сразу, словно сидел у телефона и ждал моего звонка.

— Привет, Левончик! Как жизнь?

— Замечательно. Вчера вечером в подъезде обнаружили труп, выступаю теперь свидетелем. Часа полтора давал следственные показания.

— Труп — обычное в наше время дело. По-прежнему один кукуешь? Или бабу завел?

— Пошляк ты, Гришка. К сожалению, этот вопрос давно уж так не стоит. За мной приглядывает, готовит, обстирывает соседка. Ты должен ее помнить. Маленькая такая девочка, хохотушка с косичками. Всегда кричала нам: «Моряк, с печки бряк!»

— Господи, ты стал педофилом?

— Кретин! Ирина Вячеславовна вдова, одинокая учительница на пенсии. Какая пенсия у школьных учителей, знаешь? А так наш симбиоз дает взаимные выгоды. Одно плохо: она занимается моим воспитанием. Скоро буду писать диктанты. Лучше скажи, Машка опять улетела в Колумбус?

— Как обычно, сижу один. И Ирины Вячеславовны рядом нет. Когда приедешь?

— Не раньше чем через три месяца. Состоится сессия Академии наук. Да и то, если получится.

— Что так?

— На операцию ложусь, друг. Аденома предстательной железы. Интересно, у неандертальцев были аденомы?

— Не знаю, у меня, кроме тебя, ни одного неандертальца в корешах не было.

— И на том спасибо.

— Операция серьезная?

— Черт ее знает? Радости мало. Помнишь, как мы с тобой в Анапу к деду Мартиросу ездили?

— Как не помнить! В ту сторону, куда ни глянь, всюду солнце и «море Черное, песок и пляж, и жизнь прекрасная чарует нас!». Это сейчас впереди одни потемки.

— Все равно, Гриша, во тьме должен проблесковый маячок посверкивать, туда-то мы всегда поспеем, небось апартаменты уже заготовлены. Друзья и родные давно ждут. Вот и пусть ждут, у меня дел запланировано лет на двадцать, как минимум.

...Тем летом отец Левона отправил нас, нахимовцев, перешедших в выпускной класс, в Анапу к деду Мартиросу. Ехали по гражданке, чтобы не засветиться перед патрулями, тетя Шура раздобыла для меня и Левона джинсы — это сейчас все человечество перешло на эту форму одежды, а тогда, в середине пятидесятых, джинсы были редкостью, только у фарцы и всяких там деток, чьи родители за бугор мотались, и встретишь. И с размерами сошлось в самую пору, я тетке все параметры в письме обрисовал.

Брюки только подвернуть пришлось. А «бобочки», рубашки с короткими рукавами, мы в Гостином дворе присмотрели. Форма нахимовца с собой, в чемоданчиках, если куда на танцы сходить. Нам семнадцать, интерес к девочкам обостренный, я при своем росте за двадцатилетнего сходил, мне вино и сигареты запросто продавали. Хотя ни Левон, ни я не курили и к вину всего два прикладывались, в училище с этим делом строго. А тут взяли с собой бутылку портвейна «Три семерки», высосали ее и обалдевшие залегли на верхних полках. Ревел в ночи паровоз, в приоткрытые окна бил духовитый ветерок, временами перебивал его кисловатый запах угольного дыма, и, когда поезд загибался на повороте дугой, видно было, как из трубы паровоза вылетали искры, гасли в степи, а в отдалении уколами иглы в черную бумагу просвечивали огни селений.

«Поеду я в город Анапу, куплю себе черную шляпу и выйду на берег морской со своей непонятной тоской», — поется в песенке. Какая там тоска, да еще непонятная! Море, бесконечные песчаные пляжи, белые пароходы у среза горизонта, миражи, дрожащие в знойном мареве. На рынке продавали свежую камбалу, уродливых, с ядовитыми шипами морских ершей-скарпен и еще длинных, похожих на лезвие палаша глянцевито-синих рыбин. А дальше, на деревянных рядах горы черешни, уже отходящей, мягкой, облепленной осами, грузинская простокваша — мацони, стаканчики прикрыты капустными листьями, золотистые горки только что испеченного лаваша, мед в глиняных кувшинах, домашнее вино в бутылках, заткнутых кукурузными початками. И над всем этим великолепием жужжали голоса, пронзительно кричали гуси, кричали утки...

Деду Мартиросу принадлежал каменный одноэтажный дом неподалеку от центра города. Во дворе хозяйственные постройки, курятник, гараж, просторный флигель, комнаты в котором сдавались курортникам, ухоженный сад: жердели, вишни, яблоки. У парадного входа два кипариса, замерли, словно часовые у знамени. В доме жили сам дед — крепкий сивобородый старик, его сестра, полная, с трудом передвигающая ноги старуха, и племянник деда, инвалид, с женой — им чуть за сорок. Они и обихаживали курортников.

По случаю прибытия моряков-нахимовцев собралась многочисленная армянская родня. Такого стола я сроду не

видывал: паюсная икра в глиняной макитре с торчащей посредине деревянной ложкой, севрюга с острым, задраным носом — в пасть воткнут пучок зелени, армянские голубцы — долма, буро-коричневая бастурма, шашлык покарски, хапами — фаршированная тыква. На отдельном блюде рыхлой горкой лежала трава, вино в оплетенных бутылках и, конечно же, острый, с душком сыр.

Пришлось надеть форму. Дед Мартирос облачился в парадный костюм, среди более поздних боевых наград тускло отсвечивал солдатский Георгиевский крест на гвардейской ленте. Гуляли до вечера, гости пели старинные армянские песни, у нас с Леоном уже глаза слипались. Нам отвели светлую горницу, в которой пахло сухой травой, пучки ее были подвешены на стене вместе с ожерельями янтарного лука, а в углу висела совсем черная икона, на которой с трудом проглядывался лик какого-то святого.

Началась пестрая, стремительная жизнь: море, песок, раскаленные дюны, на которых загорали голыми толстыми, похожие на тюленей женщины, провожавшие нас насмешливыми взглядами. Заплывали мы далеко, то и дело натываясь на крупных медуз, ложились на спину и глядели в небо, где кружили чайки.

— Лафа, Гришка, лафа. Так бы вот и прожить всю жизнь, — расслабленно говорил Левон ломким, сбивающимся на петушиный клекот голосом.

— Не выйдет, Левончик. Черное море еще не море, настоящее там, на Севере, в Заполярье, где нам служить придется.

— Не скажи. Знаешь, какие здесь осенние шторма бывают? А новороссийская бора? Многоэтажные суда на берег выбрасывает, как спичечные коробки. Хотя я тоже буду проситься на Северный флот и только на подлодку.

— Погоди, нам еще в училище поступить нужно, а заодно и закончить.

— Поступим. Куда мы денемся.

Все это было очень давно. Было, да сплыло, остался только старчески пришепетывающий голос Левона в телефонной трубке.

3

В кабинете — так называлась бывшая наша с женой комната — на стене среди фотографий родных и близких

висит увеличенный портрет моего отца. Он в форме речника, улыбается. Улыбающимся я видел его редко.

Мать я почти не помню — нечто теплое, ласковое. И еще в памяти остался запах оладий — мое любимое блюдо. В последнее время Маша редко балует меня оладьями, я стал грузнеть, а это, по утверждению жены, вредно для сердца. В семьдесят все вредно: есть, пить, не говоря уже о других земных радостях. Матери не стало, едва мне исполнилось четыре года. Отец, вернувшись с войны, разыскал меня в детском доме под Костромой, куда нас эвакуировали в сентябре сорок первого года. Детдомовский период почти выпал из памяти. А что вспоминать? Голодуху, чужую ношеную одежку, драки в умывальнике из-за куска хозяйственного мыла? Биография моя началась с того момента, как мы с отцом сели на паром, у которого на носу еще стояла пушечка, правда, уже без снарядов. В дороге я объелся американской тушенки, и батя отпаивал меня кипятком.

Отец оказался однолюбом, не привел в дом мачеху, нас, мужиков-отломышей, окружили заботой обитатели барака, где гуляли все сообща, дрались, ругались и все же жили одной семьей. С тех времен стал я ценить людскую доброту, которая нынешним москвичам неведома.

Помнится, любимым моим делом было собирать отца в рейс, укладывать его капитанский чемоданчик. Первоначально поллитровку «Московской» с белой головкой, затем огурцы бочечного посола, шмат круто посоленного сала, летом — овощи с капотнинского рынка.

— Водка, сынок, только для сугрева, ежели простуда случится, рюмка-две, не более, — пояснял отец, — да с друзьями посидеть в отстое. На работе ни-ни. У нас с этим делом строго, как у шоферюг. Один прокол — и прости-прощай штурвал.

Потом шли мы от барака к остановке автобуса, на котором отец добирался до Южного порта. Капотня еще подермывала, попадались лишь редкие рабочие с нефтепергонного — пересменка уже схлынула. Шли мимо приткнувшегося к обрыву кладбища, поросшего цепким репейником едва ли не в человеческий рост. Жужжали шмели, порхали бабочки, в дождь с кладбища тянуло мокрой землей.

Отец шагал неспешно, слегка прихрамывая на левую ногу, — ранение.

— Ты, брат, не балуй, — наставлял он. — И с водой поосторожней. Река внимания требует. А ты у меня

один, другого не будет. И учишь, без учебы нынче шагу не сделаешь.

На автобусной остановке уже стояли речники. Степено с отцом здоровались:

— Привет, Степаныч. Никак пацана с собой в рейс берешь?

— Рано ему. Вот второй класс закончит, тогда и возьму. А пока он и швабры в руке не удержит. А на судне, сам знаешь, лишний балласт ни к чему.

— Неужто Гришка только первый класс одолел? — удивлялся другой, старичок с виду, в выцветшей мичманке. — Крепкий шкет, по росту дак пятиклассник.

— В нашу породу. У нас в роду мелких не было. Батя мой, дед его, — чумак, обозы по шляху гонял, тот росту был чуть меньше трех аршин. Меня голод в тридцать третьем укоротил маленько, так ведь тоже Бог не обидел.

Об отце знал я немного. Родился в селе под Полтавой, в голодные годы поредевшая семья стронулась с места в поисках хлеба и заработков. У деда кум работал в Москве на заводе «Мостижарт», при нем кое-как и устроились. Отец способный был к учению, закончил семилетку, речной техникум, прочно осел в Москве, перед самой войной стал капитаном буксира. А дед с бабкой и двумя моими дядьями вернулись в родное село. Во время войны все погибли: дядя на фронте, деда с бабкой вместе с хатой немцы спалили.

Про войну отец говорил неохотно и то, когда выпьет.

— Эх, Гриша, ведь и рассказывать нечего. Буксир мой включили в Волжскую флотилию, пулеметик на палубе поставили, так, пукалка, больше для звука. Под Сталинградом такая заваруха была — страх. «Мессера», как коршуны, наседали, вода кипела. — Отец шевелил густыми бровями, отрешенно глядя в угол. — И вот что удивительно. Рядом маломерные суда и пароходы побольше в клочья рвало, а у нас лишь пробоины от крупнокалиберных пулеметов. Убитые были, как им не быть, а буксирчик мой на плаву оставался, будто заговоренный. Потом на Дунайскую флотилию перекинули, десанты высаживал... Ранили, в госпитале чуть ноги не лишился. Да что гуторить, повезло, жив остался.

Рейсы в навигацию длились неделю, а то и две. За мной присматривала соседка, старуха из бывших монахинь. Умер отец скоропостижно, стоял в рубке, ждал разрешения на прохождение шлюза и вдруг осел, стал соскальзывать по

переборке — сердце отказало. Кореша потом говорили: «Повезло Алексею. Настоящая капитанская смерть».

Отца хоронили друзья речники, народу собралось много, было и начальство. На красных подушечках несли ордена и медали, я и не знал, что у отца столько наград. Еще запомнилось кладбище в Кузьминках, воронье на надгробиях и ясное голубое небо, с которого вдруг стал накрапывать дождь. Ушел оркестр, капли дождя падали на медные трубы музыкантов.

Меня приютила дальняя родственница по материнской линии, до того видел я ее раза два — тетя Шура работала проводницей, моталась на поездах по всей стране. Так я оказался в огромном доме у станции метро «Студенческая». Станция тогда еще строилась, с балкона видны были груды рыжего грунта, а дальше, в дымке, проступали сооружения Киевского вокзала, слышно было тяжелое громыхание поездов, которое временами перебивал пронзительный крик маневрового паровоза «кукушки».

Тетка занимала в просторной коммунальной квартире две смежные комнаты. Такого беспорядка мне еще не приходилось видеть: повсюду — на полу, на диване, под обеденным столом — лежали груды новой одежды. Тетя Шура сбывала ее каким-то людям, они никогда не заходили в квартиру, а ждали на лестничной площадке у лифта. Маленькая комната, спальня, завалена была кулями с крупой, макаронами, о стекла билась серебристая моль, а на подоконнике стояли пирамиды банок с забродившими овощными консервами. На балконе громоздился старинный ларь, в щели пробивались бледные ростки картофеля. И пахло в комнатах чем-то гнилостным, кислым.

Я ошеломленно озирался. В нашей «каюте» в бараке поддерживался суровый порядок, отец по субботам устраивал авральную приборку, привлекая меня, а уж на буксире я девяти лет швабрил с матросами палубу, и в мои обязанности входила малая приборка в отцовской каюте.

Тетя Шура, заметив мою растерянность, рассмеялась:

— Чего глядишь, Гришуня? Ни до чего руки не доходят. Устраивайся в спальне, продукты, что испортились, выкинь к едрене матери. Хлопчик ты самостоятельный, хозяйствуй сам.

Я и хозяйствовал.

Через неделю, вернувшись из очередной поездки, тетя Шура замерла на пороге, изумленно оглядывая жилье.

— Ой, Гришуня, у меня отродясь такой чистоты не было. Неужто все сам?

— Сам. Я и места общего пользования мыл — по графику наша очередь. Батя меня с восьми лет к судовой жизни приучал.

Тетя Шура осела кулем на стул, подбородок у нее задрожал, и она заплакала:

— Сиротинушка ты мой. К судовой жизни сызмальства... — Утерла ладонью слезы и, остро глянув на меня, спросила: — В нахимовское училище пойдешь?

Я представил себя в морской форме, и у меня сладко заныло под ложечкой:

— Я бы пошел, да разве туда поступишь? В нахимовское небось только отличников берут. А у меня тройки.

— Глупость! Ты сын моряка.

— Речника, тетя Шура.

— Героя войны — вот главное. И сирота. Я до министра дойду... В соседней квартире старая училка живет, заслуженная, она тебя по всем предметам подтянет. А отметки выправим. Я те отличником сделаю.

Я тогда еще не знал могущества тетки, ее удивительную пробивную способность. Позже я ни разу не встречал человека, который бы с такой легкостью проходил в различные высокие инстанции, добываясь своего. Ее малограмотные, с чудовищными грамматическими ошибками заявления, да и сама она, простецкая, в форменном кителе с колодками медалей — человек из народа — производила на чиновников завораживающее впечатление. Тетка могла пробить автомобиль «Москвич» без очереди, дачный участок, талоны на мебельный гарнитур, и знакомства у нее были соответствующие: директора распределителей, жены начальников главков, генеральши. Их властные и вместе с тем заинтересованные голоса час-тенечко звучали в телефонной трубке. «Тимохина у аппарата», — неизменно отвечала тетя Шура, и лицо ее во время разговора постоянно меняло выражение — от внимательно-напряженного до лукаво-насмешливого. Всем этим знакомым и полужнакомым людям она что-то привозила, что-то бралась отвезти, сдавала вещи в комиссионку, добывала дефицит, похоже, ее увлекал сам процесс, потому как реальный приварок был незначителен.

Меня приняли в нахимовское училище, насколько я знаю, по протекции вдовы какого-то маршала.

* * *

Сказать по совести, я, как и Левон, в двадцать первом веке чувствую себя неуютно. Мой век — двадцатый, и

лучшие годы в нем середина пятидесятых — начало восьмидесятых. Та самая «оттепель», плавно перетекшая в «застой». Ни «оттепели», ни «застоя» я не заметил. Я просто жил.

Курсантские годы — золотая пора. Мы, «питоны», особой разницы прежней жизни с учебой в нахимовском не почувствовали: привыкли к дисциплине, порядку, казарменной жизни, а вот ребятам, пришедшим с гражданки, со школьной скамьи, в первые месяцы пришлось туго.

Память удерживает только хорошее, светлое, то, что похуже, — неудачи, провалы, укладывается на самом доньшке, чтобы однажды, в горький час, когда придется подводить итоги, проявить себя. Но ведь когда это будет? А пока на тебе суконная форменка, ладная бескозырка, перешитая известным портным Абрамом Моисеевичем, а на плечах погоны с белым кантом и золотыми якорями на черном фоне, ты молод, полон сил и живешь предощущением счастья.

Высшее военно-морское училище имени Фрунзе — бывший его Императорского Величества Морской кадетский корпус — представляет собой единый архитектурный ансамбль и занимает едва ли не целый квартал с небольшой долей гражданских построек, глядящих окнами на Большой проспект Васильевского острова. Мудрые проектировщики позаботились, чтобы было побольше шхер, закоулков, спрятанных от глаз начальства уголков и закоулков, где можно укрыться для своих надобностей кадету, гардемарину и курсанту более поздних времен. Помещения эти были уютно обставлены скрипучими шкафами, продавленными креслицами и ветхими столиками красного дерева. Там, одурев от занятий и муштры, можно было расписать «пульку», выпить украдкой пива и поговорить на далекие от службы темы, там же сочинялись стихи, создавалась история курсантского братства.

В казармах поражало обилие галюнов, такое впечатление, что кадеты и гардемарины периодически страдали кишечными расстройствами и недержанием — болезни утонченные, дворянские, не то, что у простого курсантского люда: «Рукой отламывай, ногой откатывай».

Кроме уголков и шхер в училище была, конечно, и парадная часть: галерея Героев, Зал революции, картинная галерея с полотнами Айвазовского, Боголепова и других художников-маринистов, и, наконец, Компасный зал, пол которого изображал картушку, выложенную из разноцвет-

ных ценных пород дерева. Наступить на один из лучей картушки мог только недотепа, салага или случайный посетитель — традиция свято хранилась со времен Морского кадетского корпуса.

От одной мысли, что по коридорам и лестницам ходили великие флотоводцы, на душе делалось светло и возвышенно, и ты сознавал свою причастность к большому делу, ощущал на плечах приятную тяжесть адмиральских погон, а в воздухе слышались сухие хлопки тугой, наполненной ветром парусины, и из вентиляционных отверстий веяло йодистым запахом моря.

Конечно, все это для особо одаренных, романтически настроенных курсантов, простой курсач старался избегать парадных мест, не дай бог еще налетишь на начальство или на какого-нибудь любознательного старичка-адмирала. В шхерах надежней, да и дышится легче.

Курсант, бывший нахимовец, знает множество способов сорваться в самоволку, к тому же во время учебы наверняка пополнит новыми приемами эту сложную, требующую хладнокровия, дерзости и личного мужества науку. Свистануть в окно в трусах и маечке под видом бегуна-спортсмена — полдела, потому как самовольщик и в самом деле спортсмен, но как объяснить дотошному дежурному по училищу, зачем ему для пробежки понадобится пятилитровый флотский чайник? Ибо опытный офицер знает, что при более удачном раскладе чайник непременно наполнился бы «Жигулевским» в ближайшем чепке и был бы передан на самодельных таях в Артиллерийский корпус училища.

На волю уходили через чердаки, соседние крыши, ловкачи спускались по опасно потрескивающим водосточным трубам, а один любитель свободы покинул «систему» (так курсанты называли училище) в пустой бочке изпод квашеной капусты, загруженной в кузов грузовика. От самовольщика потом несколько дней разило запахом этой славной закуски, а в кубрике стоял тревожащий душу бражный аромат.

Склонность к самоволкам обычно увеличивалась осенью, когда Питер накрывала очередная волна эпидемии гриппа и в училище объявлялся карантин. Увольнений в город нет, манящий мир смутно проглядывается в окно, и организм, еще не пораженный инфекцией, испытывает неукротимое желание, требующее немедленной разрядки. Меня за напитками не отправляли, причина — мой

вес почти центнер, подымать на пожарном шланге такую махину себе дороже. Использовать же водосточные трубы я не мог по причине их незамедлительного обрушения. Я входил в бригаду подымальщиков.

Куда можно было курсанту бросить кости во второй половине пятидесятих годов? Голова кругом. Для людей, опять-таки утонченных, существуют Мариинка, Пушкинский театр, БДТ, филармония, музеи, вернисажи. Курсант попроще выбирает танцевальный вечер в Мраморном зале или клубе имени Капранова — девушки там стоворчивее, и счастливец может пережить несколько сладких мгновений в коммуналке на Лиговке или улице Рубинштейна, чутко прислушиваясь к шагам в коридоре. Для подлинных любителей танцев больше подойдет клуб имени Первой пятилетки, ибо церемониалом там руководит известный в городе танцмейстер Хавский, эlegantный господин с плешью, прикрытой рыжеватым париком. Говорит он аристократически картавя и делает деликатные замечания, если рука танцующего курсанта соскальзывает значительно ниже талии партнерши. Знакомства здесь завязывались более прочные, иногда на всю жизнь. Но, конечно же, самый высший уровень — танцевальные вечера в самом училище, в знаменитом Зале революции. Сюда, как мотыльки на огонек, слетались самые красивые девушки Северной Пальмиры, с этих вечеров, после производства их суженых в офицеры, разъезжались они на флоты, в отдельные, спрятанные между сопок гарнизоны, и долгие годы в их ушах звучала музыка училищного оркестра, рождающая приятные воспоминания...

4

Меня распределили на подводную лодку Северного флота в Полярный — там я мичманом проходил стажировку и знал все прелести закрытого гарнизона. Дружок мой, Левон Горгинян, отличник и золотой медалист, имел право выбора, однако Северу не изменил, напросился на атомоход, только что спущенный со стапелей и готовящийся к государственным испытаниям. Пути наши на долго разошлись.

Тот, кому довелось служить на средних лодках 613-го проекта, знает, что это такое. На всю жизнь в ноздрях застрянут запахи железа, мокрой резины и дизельного вых-

лопа. Во втором отсеке стол, над ним софиты, на этом столе в случае необходимости доктор будет нас резать, отсекая ненужное. В надводном положении во время качки тарелку со щами на столешнице не удержать, елозит, норовя обдать горячим варевом соседа, а в случае резкого дифферента на корму — и такое бывает — створки посудного шкафчика распахиваются, тарелки и кружки превращаются в летательные аппараты, и горе тому, кто попадет в зону их воздействия. Я уже на третий день похода получил тарелкой по кумполу и ходил с героической повязкой.

Одна из важнейших задач штурмана определиться с координатами, получить точное место корабля — без этого ты не штурманец. Гукнет голос командира из динамика «Каштана», и ты с секстаном, как акробат на трапеции, уже балансируешь на трапе, а в мыслях одно: скорее бы на мостик и успеть схватить звездочку, пока небесные светила не заволкло снежной моросью. Желательно при этом определить, что это за звезда, и лучше, когда она не одна, а несколько. Далее следует успеть совершить ряд действий, пока торчит антенна и лодка не пошла на погружение.

Но это что, в крайнем случае, тебя разок волной ополснет и будет, а вот ребятам на верхней вахте приходится круто. Водолазное белье, «канадка» и поверх всего химкомплект защищают от мокряди относительно, особенно в шестибалльный шторм. А если волна величиной с поморскую избу — крепенький такой пятистенок — заходит с кормы, тут бабочек не лови и рта не раскрывай — стихия приложит твою морду лица об ограждение рубки, и тогда не отчитаешься перед женой или подругой по возвращении в базу, потому как ссадины очень напоминают царапины от женских коготков.

Отпуск проскочил незаметно. Махнул сначала в Ленинград, думал, Левончика застану, тот уехал за день до моего прилета. Вернулся друг в Северодвинск до срока, его атомоход уходил в Западную Лицу. Левон сорок суток просидел в библиотеках, сдавал кандидатский минимум и сдал. Я на такие подвиги не способен. Аршак Мартиросович предложил пожить у них, я поблагодарил и отказался, в отпуске я предпочитаю одиночное плавание. Снял номер в гостинице «Октябрьская», оторвался по полной программе, дальше в Москву, к тетке. Ее что-то разнесло, ходит с одышкой, но работу бросать не собирается. Ни с

того ни с сего о загробном мире заговорила, о завещании, а ей только шестьдесят стукнуло.

Вернулся из отпуска — сразу в море. В базу пришли крепко побитые штормами, не успели почистить перышки, так навалилась береговая муть: комплексные проверки, строевые занятия, дежурства, политзанятия и уж полная глупость — социалистическое соревнование. Люди зверели от всей этой рутины, особенно доставалось холостякам. Матросов веди в кино, в баню, мотайся в Североморск в комендатуру за разгильдяями, задержанными патрулем. Да мало ли? А полярная ночь давит плитой, снежные заряды бьют наотмашь, в небе дрожат сполохи, наводя на мысли об инопланетянах и о бренности жизни. А жизнь требовала любви, молодая кровь кипела.

Сажу я как-то в служебной комнате, пялюсь в окно, в котором отражаются плафоны, входит старпом Егорыч и спрашивает:

— Тоскуешь, штурманец?

— Тоскую.

— Ладно, я дам тебе послабление. Отправляйся после обеда в Североморск, раскрутишься там на полную катушку, а на другой день трезвый и чистый, как цейсовское стеклышко, дуй в Мурманск на вокзал, встретишь жену минера, минер, как тебе известно, ждет наладчиков из «ящика». Жена при ребенке. Так что напряги свою тыквочку — такси, цветы, игрушки, все за твой счет. За свободу и за удовольствия, штурманец, нужно платить. Как?

— Служу трудовому народу. А жена-то у минера ничего. Мы знакомы.

— Учти, я свидетелем на их свадьбе был, потому в случае чего я тебе яйца рубочным люком прищемлю. Усек?

— Куда уж яснее. Форма одежды?

— Парадно-выходная без кортика, звездочет хренов. Отпускной и пропуск для семьи получишь у писаря. А теперь сгинь с глаз долой, а то я передумаю.

Ступив на суровую почву главной базы флота, следовательно незамедлительно собраться, сосредоточиться, оглядеть себя внутренне и внешне, чтобы не было ни одной зацепочки для острого взгляда старшего комендантского обхода. Не то вместо земных радостей тебя ожидает унылая разбираловка в комендатуре, где, как во всяких худых казенных местах, всегда разит хлоркой, клопомором и безнадёжностью. За лейтенантами ведется прицельная

охота, ибо самый младший чин на флоте всегда является потенциальным нарушителем дисциплины и общественного порядка.

При моем росте сложно укрыться на ярко освещенной улице Сафонова, потому двигался я задворками, мелкими перебежками от дома к дому, цель — ресторан «Ваенга».

С официанткой Ларисой у меня уже год тянулся вялый, с периодическими обострениями роман, и ее, и меня такая форма отношений вполне устраивала. Лариса, черноглазая, полнеющая красавица, прикатила в Заполярье в поисках мужа. Везло ей не очень, уже два раза в ее паспорт ложился жирный штемпель загса, но мужики попадались квелые, склонные к выпивке, а ее организм требовал утех значительных и энергичных, пусть даже с перерывами.

Я был встречен ласковой улыбкой, накормлен обедом по высокому разряду. Лариса, забирая мои тарелки, горячо дохнув в мое ухо, шепнула:

— Гришик, ключ от квартиры под меню. Ополоснись в душе и жди. Я подменюсь. Никому дверь не открывай и на телефонные звонки не отвечай.

— Бу сделано.

Я вывалился в полярную ночь, тотчас, ожидая меня, грянул снежный заряд, город словно мокрой простыней накрыло, двигаться пришлось на ощупь и руководствуясь штурманским чутьем. Минут через десять я уже взбирался по деревянной лестнице на сопку, встречая фигуры, залепленные снегом.

О, радость тепла и света, запах обжитого жилья, уюта, когда даже стоптанные женские шлепанцы после длительного воздержания вызывают неукротимый подъем душевных и физических сил.

В самом начале шестидесятых обязательными атрибутами любой квартиры, по крайней мере на Севере, были хилые креслица и столики на тонких ножках. В ходу был и болгарский гарнитур «Роза» для однокомнатных стандартных квартир. На стене портрет Хемингуэя в свитере или Есенина в лихо заломленной шляпе и с трубкой. Мода на чеканку пришла позже. У Ларисы весь этот набор присутствовал, некоторую вторичность обстановки сглаживали очаровательные подушечки на тахте. Угол у окна украшал телевизор «Рубин» на рахитичных ножках.

После холодной «камеры» в общежитии с железными койками под синими флотскими одеялами, с пятилитро-

вым графином с желтой водой на казарменной тумбочке, кэчевским столом с биркой, на котором отливала латунью срезанная гильза от крупнокалиберного снаряда, служившая пепельницей, однокомнатный рай казался вершиной счастья.

Что и говорить, оторвались мы с Ларисой на все сто. Умела она все обставить должным образом. И музыка, и стол, и даже, что-то вроде стриптиза с черными итальянскими чулками на подвязках — такие раздобыть можно только у знакомых моряков, ходивших в заграничку. Последнее — уже перебор. Меня взбадривать не нужно, я и так был повсеместно бодр и всегда находился в полной боевой готовности. Но игра есть игра.

С женой минера Валентиной я был знаком по дружеским застольям, знал и пятилетнюю Кристину — резвое пятилетнее дитя, которое тут же протянуло мне лапу в пестрой варежке и сообщило, что бабушка у нее баба Яга, потому как у нее вставные зубы. Вещей было немного, в сумке уютно и весело побулькивало, да и вес говорил, что радующие душу напитки присутствуют.

— Ты, Валя, с сумкой поосторожней, — предупредил я. — На КПП в Североморске генеральный шмон устроили. О шлагбаум «Столичную» раскололи, варвары. Понесешь сама, сверху положи что-нибудь интимное, женское.

Валентина сверкнула глазами:

— Подскажи.

— А я знаю? Лифчик, трусики, что еще? Шмональщики постесняются сунуться.

— Распутный ты тип, Гришка.

— Ой, распутный! — весело заорало, топоча ножками, гарнизонное дитя.

С таксистом я заранее сговорился. Дал задаток. А с цветами вышел прокол. Снежная метель выдула с мурманского рынка кавказцев, торгующих тронутыми морозом цветами. Печальное зрелище являл собой заполярный рынок: пустые ряды, рыжие ледяные надолбы, горстка краснолицых старух, предлагающих семечки, сало и носки ручной вязки.

Вроде как посветлее стало. Поезд пришел вовремя, таксист доставил с ветерком, на КПП дежурили знакомые хлопцы, шмона удалось избежать, а вот обстановка на Портопункте мне не понравилась: на причале копилась молчаливая, угрюмая толпа полярников.

— В чем дело? — спросил я у пожилой женщины.

— А-а, катера нет и неизвестно, когда будет. Учения там какие-то у вас.

Знакомый мичман Изюмов с минно-торпедного склада отвел меня в сторонку и, дыша перегаром, сообщил:

— Хреново дело, товарищ лейтенант. Говорят, две лодки взорвались, четверть Полярного — в пыль, сколько людей полегло, неведомо.

Я помертвел:

— Когда это случилось?

— Сегодня утром, сразу после подъема флага шандала рухнуло. Я вовремя на торпедолове отвалил. Велено молчать, да вас-то я знаю. Такие пироги с творагами.

Меня передернуло от озноба. Мичману стоило верить, у них, мичманов-сверхсрочников, как и у женщин в гарнизонах, свое радио, своя связь. Комфлотом еще только подумал, а мичмана уже его мысль по всей базе разнесли.

Я изобразил улыбку, чтобы не пугать жену минера, и деревянными губами сложил:

— Все нормально, катер вот-вот подойдет.

Катер и в самом деле минут через двадцать высветился в темноте, к причалу подошел пустой, что было необычно, — значит, из гарнизона никого не выпускают, необычным было лицо и у пожилого капитана, мертвое какое-то, как застывший гипс, лицо, а расхристанный гражданский матросик был изрядно пьян.

Военный народец, жители заполярного гарнизона, сразу учуяли недоброе, попритихли, настороженно глядя во мрак. И дизель катера стучал как-то нервно, будто в лихорадке, и прореженные огни впереди глядели недобро, предвещая беду.

У причала в Полярном встречали усиленные патрули и какие-то люди в штатском, они отгородили нас от причалов и повели окольным путем, охраняя от темного, недобро притихшего пространства. В окраинных домах стекла в окнах были высажены, осколки звонко хрустели под ногами. Волоча на оттянутой руке заветную сумку, Валентина была бледна и все горячечно приборматовала: «Я знала, я чувствовала», а гарнизонное дитя шагало уверенно, громко стуча утепленными сапожками, и на лице девушки застыло выражение, говорившее о том, что знает она куда больше, чем мы, взрослые. Люди молча рассасывались по омертвевшим домам, исчезая в темных подъездах. Ближе к вершине сопки возникла желтеющая в полярной ночи четырехэтажка, где жили минер и дру-

гие семейные офицеры с нашей лодки. Я распахнул дверь, крытую дерматином, тишина, нежилой дух. В комнате старпома Егорыча, соседа минера, было темно, дверь полуоткрыта, там — никого, судя по пугающей тишине в доме, жильцы покинули его.

Я поставил чемоданы и, не глядя на Валентину, сглазавая застрявший в горле волглый ком, сказал:

— Обустраивайтесь, я в штаб бригады на разведку. Узнаю, что за хреновина.

Валентина, цепко ухватив меня за руку, обморочно прошелестела:

— Гриша, ты поскорее возвращайся, нам страшно. Как ты разознаешь — назад.

Вернуться довелось мне не скоро, на подходе к штабу нагнал я знакомого старлея Сашу Платонова, тоже штурманца с лодки, тот испуганно глянул на меня, отшатнулся, как от выходца с того света, и черными губами сложил:

— Ты, Старчак? А тебя уже списали... Ну, Гришка, долго жить будешь.

В этот момент посветлело, в небо взметнулись сполохи, оранжево-зеленые столбы закачались во тьме над Полярным, обнажая дома с выбитыми стеклами, темные фигуры матросов, спускавшихся по обледенелым трапам.

— Пояснить можешь, что произошло? Я только из Мурманска. Поезд встречал.

— Повезло тебе.

Платонов остановился, пошкрябал в карманах, достал сигареты, прикурил, прикрывая огонь от ветра, — вспышка зажигалки осветила его бледное, осунувшееся лицо.

— Знаю в общих чертах. Особицы все каналы перекрыли, зверствуют. Кругом патрули. Мне с трудом удалось вырваться проведать семью. Баб с детьми оттеснили от причала: вой, гвалт, никакой информации, политотдельцы, как ошпаренные, пытаются погасить панику. Твоя лодка рядом с буки тридцать седьмой стояла?

— Да, вторым корпусом. Ребята на тридцать седьмой в автономку готовились, на днях загрузили боезапас.

— Короче, сразу после подъема флага начали, как обычно, проворачивание оружия и технических средств в электрическую. Рвануло где-то в половине девятого или около того, я на часы успел взглянуть. Буки тридцать седьмую — в лоскуты, сразу затонула, а твоя триста пятидесятая получила пробоину в прочном корпусе и сейчас ра-

ком у пирса стоит, с дифферентом на нос. Вроде бы затоплен центральный пост, первый и второй отсеки. Сколько людей погибло — неизвестно. Какой-то раздолбай в это время устроил строевые занятия на причальной стенке — их всех смело взрывной волной, серьезно пострадала торпедно-техническая база. Рассказывают, баллоны воздуха высокого давления с лодки при взрыве летели в сторону жилого городка, но вроде бы дома шибко не пострадали. Медики с ног сбились...

В ярко освещенном коридоре штаба едва не столкнулись с незнакомым капитаном первого ранга, тот слепо глянул на нас и сипло рыкнул:

— Кто такие?

Мы доложились. Каперанг, ухватив меня за лацкан шинели, пригнул к себе:

— Повтори фамилию!

— Старчак. Командир группы БЧ-1. Находился в командировке в Мурманске.

— С триста пятидесятой?

— Так точно.

Каперанг посветлел, достал записную книжку офицера и, что-то вычеркнув обломком карандаша, задумчиво просипел:

— Не хрен здесь торчать. В казармы, к команде, у кого она, конечно, осталась. Как семья, Старчак?

— У меня нет семьи.

— А ты?

— Нормально, дома они. Жена и сын.

— Это хорошо.

Мы с Платоновым выкатились на крыльцо, переглянулись.

— Не могу я сейчас в свою казарму идти, — сказал я, пытаюсь унять прыгающие губы. Я взмок, по спине бежала холодная струя пота.

— Заскочим ко мне домой, тут рядом, у меня бутылка «шила» припрятана. Врежем, а уж потом гори оно все синим пламенем.

Дальше — путаница. Запомнилось, что «шила» — неразбавленный гидролизный спирт, идущий для технических целей, на меня как-то странно подействовал. Вроде бы, то, что происходило, было не со мной, а с кем-то другим. Каменные лица уцелевших офицеров, старшин и матросов, запах чеснока и перегара, вялый, какой-то необязательный разговор... Только вечером я вспомнил об

обещании, данном Валентине. Ринулся во тьму, по дороге потерял шапку, а когда подбежал к знакомому дому, наверху, на втором этаже, послышался женский вопль. Так не может кричать человек, так кричит раненое животное. У меня не хватило мужества подняться, я повернулся и, спотыкаясь, побрел прочь. По дороге в казарму беспокоила мысль: «Мне ведь на вахту пора заступать... На вахту. Какая вахта?»

На другой день все более-менее прояснилось. Определилось и общее число погибших: сто двадцать два человека.

Северному флоту не везло: два подряд «черных января». В январе прошлого года неподалеку от полигона при загадочных обстоятельствах затонула подводная лодка «С-80».

О подводной лодке «С-80» ходили невероятные слухи, один, самый нелепый: лодка со всем экипажем ушла к... супостату. Говорят, семьям погибших какое-то время даже не выплачивали пенсии. Пресса в те годы угрюмо отмалчивалась. Первые сообщения появились лишь в 1990 году.

Из рассказов участников ЭОН — Экспедиции особого назначения — документов, публикаций мне удалось более-менее точно восстановить события, происшедшие много лет назад.

...27 января 1961 года подводная лодка «С-80» под командованием капитана третьего ранга Ситарчика шла под перископом в режиме РДП — работы дизеля под водой. Штормило. В том районе Баренцева моря всегда неспокойно. Выдвижные устройства покрылись коркой льда. Когда волна захлестывала шахту РДП, дизель начинал стучать с перебоями, в отсеках падало давление, и рулевой-горизонтальщик морщился, удерживая штурвал.

Командир лодки не отходил от перископа. Ударил снежный заряд, видимость резко снизилась, а тут, как всегда бывает по закону подлости, забарахлила радиолокационная станция. Командир развернул перископ и сквозь белесую муть с трудом различил тень судна, скорее всего траулера, пересекающего курс лодки, коротко скомандовал: «Лево на борт!», пытаясь разойтись с траулером, но через несколько минут понял: опасность столкновения сохранена, и тогда последовала команда: «Срочное погружение!» Дизель замер. Наступившую тишину разорвал нарастающий гул поступающей воды, и лодка стала стремительно проваливаться на глубину. Трагедия произошла в 14 часов 20 минут.

Это потом комиссия установит, что у «С-80» была конструктивная особенность: шахта РДП оказалась значительно шире, чем на других средних подводных лодках, на верхней крышке шахты намерз лед, и она не могла закрыться. Когда вода ринулась в пятый отсек, два моряка пытались предотвратить аварию, но было уже поздно. Их так и нашли вместе. Установлено и то, что экипаж до конца боролся за живучесть корабля, и ему удалось сделать почти невозможное — мягко опустить лодку на грунт. Они пытались всплыть, но иссякли запасы воздуха высокого давления...

До глубокой осени в районе, где затонула «С-80», шел интенсивный поиск. В поиске участвовало свыше 40 кораблей, судов, самолетов и вертолетов — безрезультатно. Флот еще не располагал эффективными средствами поиска, еще не было ни гидрографического эхотрала, ни подводной телевизионной установки, ни буксируемого магнитного металлоискателя. И только спустя восемь лет в районе промысла рыбаки случайно зацепили тралом подводный объект. Им оказалась «С-80».

Подводную лодку подняли и отбуксировали в бухту Завалишина. Для извлечения тел погибших были созданы бригады врачей. На лодке погиб мой однокашник.

* * *

«Аварийщиков» в управлении кадров не любят, стараются разметать по другим кораблям, спихнуть на другой флот, а еще лучше пристроить где-нибудь на берегу — «меченый», хотя в большинстве своем невинный народ. Не помогают даже выводы в акте высокой комиссии, где черным по белому отмечено: «В аварийной ситуации вел себя грамотно, проявляя личное мужество».

Мне еще повезло, в бригаде лодок в Ура-губе на одной эске 613-го проекта списали за пьянку командира группы штурманской боевой части, нужна подмена.

Кадровик, лысый мужик с рыжими завитушками у оттопыренных ушей, глянув на меня желтыми, как у рептилии, глазами, спросил:

— Группеноем пойдешь на урагубинскую лодку?

— Я вроде до командира бэ-чэ подрос, второй год в должности.

— А ты покобенься еще. Или не понимаешь? Есть у меня еще местечко, помощником командира плавбазы в Лице. Прямиком в начальство и никаких автономок.

Чтобы отвлечься, взять себя в руки, я прикинул: вот ежели врежу я правой по его пухлой роже, на какое расстояние он отлетит и сшибет ли эта бумажная кукла при падении графин, стоящий на сейфе? Вышло, что непременно сшибет. Заманчивая картина меня сразу успокоила.

— Ну что? Решил что-нибудь? — выцеливал меня глазами аспид.

— Назначайте на лодку. Главное ведь служба, а до каплея мне еще пахать и пахать.

— Вот и ладненько, жди приказа. — Аспид изобразил улыбку. Язычок у него точно был двойной, как у гадюки, только зубы вставные и наверняка из чистого золота высшей пробы.

5

Алгоритм моих утренних действий доведен до совершенства. Есть несколько вариантов, мало чем отличающихся друг от друга, маршруты давно прочерчены и выверены: прогулка вокруг пруда у Новодевичьего монастыря, Усачевский рынок или воскресная ярмарка на задворках у Дома молодежи на Комсомольском проспекте, два-три продовольственных магазина — все. Ход мыслей тоже давно устаканился. Суровые стены монастыря не позволяют соскользнуть на пустые, бытовые мелочи. Мыслию, как и положено пенсионеру, исключительно в государственных масштабах.

Мы все же живем в удивительной стране. Утром слушал президента. И идеи у него интересные, все путем, но вот закавыка: между идеями и их окончательной реализацией — бездна. А идеи, даже частично реализованные, так и остаются лишь идеями. Благими намерениями, как известно, выстлана дорога в ад. Сколько шума было вокруг игорных автоматов, социологи, психологи, врачи, политологи пену подняли, как в хамаме — турецкой бане. Лас-Вегасы в труднодоступные для простого обывателя районы перевести — пусть богатенькие там усердствуют, летают на личных самолетах, просаживают свои состояния, нажитые несправедным путем. Психиатры даже открыли новую болезнь — игроманию. Но вот пена опала, а «однорукие бандиты» как стояли, так и стоят, шелкая своими электронными челюстями, даже активизировались. И заворачивают в игровые залы не только миллионеры, а простые, слабые люди, пораженные бесовским недугом, желанием разбогатеть на халяву.

То же самое с рынками, давно на корню скупленными пришельцами из Закавказья, собственность — магазинчики, палатки, базы — так и остались в их руках. Выиграли разве что продавщицы, имеющие соответствующую прописку и разрешение на торговлю, — им хозяйчики вынужденно повысили зарплату, теперь она раза в три больше, чем у учителей, библиотекарей и служителей музеев. А цены на овощи, фрукты и зелень на Усачевском рынке как удерживали на верхней планке, так и удерживают, дорогих иномарок у рынка больше, чем у Государственной думы. А россияне из Подмоскovie все так же жмутся со своей продукцией у рынка, как туземцы, прибывшие из резервации. Продажные журналисты тут же завопили с телеэкранов, что русские отродясь торговать не умели, а сейчас и вовсе разучились. Полистайте, господа нехорошие, историю, вспомните, как и чем торговала Россия с древних времен и в какие неизведанные дали забирались русские купцы.

Москву нынче не узнать, как грибы-поганки в теплую дождевую пору, полезли к небу сизые от натуги, причудливой формы небоскребы, царапающие тучи острыми шпилями башен и башенок. Не город — фата-моргана. А старый Арбат с его знаменитыми переулками ныне выглядит ветхим пенсионером, посиживающим на скамейке на Тверском бульваре, того гляди, и Арбат скоро раздавят архитекторы-громилы, поддерживаемые московским начальством. Я ничуть не удивлюсь, если на месте Серебряного бора воздвигнут пирамиду — точную копию пирамиды Хеопса. И притом найдутся десятки искусствоведов, которые станут утверждать, что без египетских пирамид Москва — не Москва, ну просто жить без них столица не может. Да и экономически выгодно: пирамида, мол, одновременно станет многоэтажным гаражом и торговым центром. А махните верст на триста от Москвы — оторопь берет: бездорожье, грязь, пустые брошенные избы, поля, заросшие чертополохом, как после нашествия Мамая. Сосед по подъезду, художник, на лето уезжает в родовое гнездо — поселок, неподалеку от Няндомы, Архангельской губернии, там у него еще дедов дом остался. Так в этот поселок скоро каменный век вернется, топоры из кремней делать будут.

Года три назад отправились мы с Машей в путешествие по Волге на теплоходе, до Чебоксар и обратно.

От причала отходили в дождь — первый дождь за лето. Каюта оказалась крохотной, грязноватой, с двухъярусными койками, общим туалетом, но все это были мелочи по сравнению с запахом речной воды и небесным простором, зависшим над каналом имени Москвы.

Путешествие на теплоходе не вернуло душевного равновесия, ибо глаза выделяли не роскошные виллы нуворишей, выросшие в природоохранной зоне Подмосковья, а серые избы на берегу, обезлюдевшие поселки, старух в ветхих платочках, просящих на дебаркадерах милостыню, пьяных подростков с озлобленными волчьими глазами.

Среди всеобщего запустения мелькнул чудо-городок Космодемьянск, чистенький, праздничный, где предприимчивые люди создали для туристов музей Остапа Бендера, утверждая, что городок сей и есть те самые, описанные Ильфом и Петровым знаменитые Васюки. В Космодемьянске сохранился и прекрасный музей художника Александра Григорьева с полотнами Айвазовского, Коровина, Машкова, Юона, Кончаловского. А перекусить можно было в харчевне «На дне», где окрошка стоила семь рублей, а котлета двенадцать.

Блеснул в серой дымке и погас чудо-городок, где удивительным образом сохранился дух русского предпринимательства, и потянулись вновь вдоль берегов серые останки былой России. Одно утешало: на храмах кое-где возводились леса и глядели на Восток восстановленные кресты.

Но есть нынче в России и процветающие губернии. После увиденного глазам своим не поверил, то и дело ущипнуть себя хотелось — не сплю ли? А вышло так. Весной минувшего года шел я по Остоженке в аптеку, там лекарства дешевле и надежнее. Иду, радуюсь, что хоть Остоженку новоделами не изуродовали, и вдруг меня останавливает солидный мужик с пузцом, седой, одет с иголочки, при галстукe, и радостно так приветствует:

— Здравия желаю, товарищ командир!

Пялю я на него в изумлении глаза, а мужик тискает меня и со слезой в голосе бормочет:

— Не признали, Григорий Алексеевич. Разрешите напомнить: старшина первой статьи запаса Белобородько Иван, старший рулевой-сигнальщик вверенной вам подводной лодки.

У меня туман с глаз опал, и вспомнил я справного кудрявого паренька цыганистого вида, классного горизонтальщика.

— Иван! Вот так встреча! Да и как тебя признать, сколько лет прошло.

Белобородько утер лапшей слезы:

— Ваша увеличенная фотография у меня в доме в Алексеевке в красном углу висит. Как родня в день Военно-Морского Флота соберется за столом, я про вас только и рассказываю. И все считают вас родичем, вроде отца, я же безотцовщина, батька мой голову под Прохоровкой сложил в великую битву. После дембеля я и подался на Белгородчину, чтобы к батьке поближе быть. Там и женился, два сына, четыре внука.

Все верно, Иван из детдомовцев, шпаной, однако, не стал, ФЗУ закончил, руки золотые, такого второго горизонтальщика у меня после не было, все на лету схватывал, я еще его уговаривал на сверхсрочную службу остаться, да его к земле тянуло, поюжнее.

— Как хотите, товарищ командир, но я вас не отпущу, встречу нужно отметить. Вот и ресторан рядом. Я ведь в Москве по делам, сегодня вечером уезжаю. Окажите милость.

Короче, в аптеку я не попал, засели в ресторане и крепко на грудь приняли. У Ивана память — компьютер, весь экипаж лодки по имени-отчеству помнил. После третьей в гости пригласил.

— Проезд и прочее я на себя беру, Григорий Алексеевич, в Белгороде на машине встречу, только дайте отмашку. С супругой приезжайте, не пожалееете.

— Ну, дорогу я и сам осилю, не обнищал пока.

— Вы всегда слово держали, товарищ командир. Жду. Вот моя визиточка.

Белобородько окончил педагогический институт, учительствовал в сельской школе. В конце девяностых годов стал заместителем главы администрации Корочанского района Белгородской области, а потом и сам у руля встал.

Ничего определенного я бывшему сослуживцу не обещал, решил посоветоваться с женой. Маша только что вернулась после очередного вояжа в Колумбус, была в расстроенных чувствах, но посоветовала: «Поезжай проветришься, про Белгородчину чудеса рассказывают. Только не перебирай там. Сельчане народ радушный».

Ждали меня и впрямь чудеса. И начались они с дороги в ту самую Алексеевку. Еду я, гляжу в окошко новенькой «Волги», и донимает меня ощущение, что видел я все это, видел. Но где и когда? Дорога ухоженная, без колдобин,

по обеим сторонам деревья с белеными стволами, аккуратно прореженные, чтобы, значит, можно было любоваться окрестностями, сизыми увалами, скатывающимися к горизонту, полями, крепенькими домами из белого кирпича в один, а то и в два этажа, с садами за ажурными, в разный цвет выкрашенными оградами — все сработано любовно, с придумкой. И вот что поразительно, вдоль обочин нет ни мусора, ни искореженных контейнеров с хламом, на проезжей части аккуратная разметка. В ближнем Подмосковье такого нет. И тут словно меня кто по башке огрел, видел я такое в Финляндии, куда махнули мы как-то с Машей по туристической путевке. Час там шагай по лесу, и ни окурка, ни пластиковой бутылки не сыщешь, земляничные поляны, прибранный лес.

— Кто у вас за дорогами следит? — спросил у Ивана.

А тот скалится в улыбке:

— Сами и следим. Губернатор велел разбить дороги на зоны ответственности, за одну отвечает администрация района, за другую — руководство птицефабрики, за третью — школа. Учителя со школьниками выходят с граблями и иным подсобным инвентарем и обихаживают свой участок, как у нас экипажи лодок убирали причалы в Видяево. Губернатор наш непоседа, в кабинете штаны не просиживает. Сел в машину и вперед, где какой недостаток увидит, жди выволочки. И команду он себе подобрал: будь-будь. Мужики и бабы хваткие, их об колено не переломишь, взяткой хрен возьмешь. Народ состоятельный. Разные, конечно, бывают, только губернатор с ними не церемонится.

— Погоди, а сельские дома? Каждый немереные деньги стоит. Откуда?

— А сами и строим. Я свою хатенку восемь лет возводил. С женой и сынами цемент на горбу таскали. Кирпич у нас свой, дорог, но не кусается. Белгород разглядели? Сразу ясно: Белый город. Дома разные, а приглядишься, все на одну масть. У губернаторской команды не размахнешься. Главное достижение — народ к труду повернули, потому, как видит он результат. Без этого нельзя, зарплата у людей не московские, хочешь жить достойно — работай. У нас с женой шестьдесят соток, сами все и робим. Огород, корова, сад. И хлопцев своих к труду приучил, с пацанячьего возраста в земле ковыряются.

Домок у моего бывшего подчиненного был о двух этажах, с нехитрыми, но к месту, украшениями, были и под-

ворье, и сад, и огород, впору совхозовскому советских времен. И встречали меня по-царски, разве что ковровую дорожку не выстлали. В красном углу светлой горницы и в самом деле висел мой портрет, довольно легкомысленный, я улыбался, пилотка сбита на затылок, «канадка» распахнута и виден был тельник, прямо скажем, не очень свежий. Но по манере держать голову, по позе, устойчивой, прочной, сразу чувствовалось — командир. И не просто начальник, облеченный властью, а командир любимый. Меня с устатку от впечатлений чуть слезой не прошибло. Держал, однако, марку.

Порадовали и сыновья Ивана, рослые, крепкие мужики в самой силе, таким в рот лом не суй, откусят, чужого не возьмут, но и своего не упустят. И жены у них были неброские, зато с осанкой, с крепостью в теле, а главное — с готовностью выполнить и перевыполнить президентский указ о повышении деторождаемости. Остальная родня — вся от корня, от того самого, степного. Тут я понял, что оплошать мне никак нельзя, коли мой портрет в красном углу висит: надо будет дуть водочку стаканами — буду, надо будет речи в застолье говорить, тоже найду нужные слова.

А стол-то, стол! Елы-палы! Как раз то, что мне Маша есть не велит. А я буду, потому как сегодня мне все можно и все дозволено. И окорока собственного копчения с хреном я хряпну, и грибков маринованных непременно попробую, а уж шмат сала, настоящего, и подавно съем. А ведь еще пироги были и рыба, и утка с черносливом. Кто сказал, что нас заграница кормит? Утки, вот они, на заднем дворе крикают, и поросенок повизгивает, горюет о безвременно погибшем дружбане, что лежит теперь на блюде посреди стола, загадочно прищулив один глаз.

— Товарищ командир, разрешите приступить? — спросил руководитель Корочанского района.

— Разрешаю!

И пошло-поехало, как во времена лейтенантской юности, когда можно было все есть, пить все, что горит, а уж... Ну, тут все ясно. Вернула мне Белгородчина юность, уверенность в себе и вновь воздвигла в боевую рубку моей лодки 651-го проекта. Не чудеса ли это, не фантастика? Однако ж и на землю грешную опускаться приходилось.

На почетном месте за столом рядом со мной сидел сосед Ивана, старичок, ветеран войны, на пиджаке ордена, медали. Усохший уже весь, сморщенный, а глаза зоркие, как у ястреба-степняка.

— А скажи мне, командир-подводник, как такое может случиться в наше время, — начал он, не обращая внимания на сторожащие взгляды хозяина. — Я здесь сызмальства, и отец мой, и дед. Баба моя сказывала, когда под немцем стояли, дело понятное, фашист чернозем наш, цены ему нет, вагонами в Германию вывозил, чтобы свои усадьбы облагородить. Так то немец, захватчик. А что нынешние творят, свои же русские? Бизнесмены, мать иху в пережат! Ваша московская бизнесменка или, как там ее, сучонку, поместье в шестьсот гектар выкупила, да ладно бы для дела. Так нет, нонеча она наш чернозем тоже в вагонах вывозит, только не в Берлин, в Подмосковье. Это-то как понимать? Похуже супостата, мил человек.

— Ладно тебе, Степаныч, — начал было хозяин.

— А ты помалкивай, Иван, земельку свою отстаивать нужно. Мы, фронтовики, слава богу, отстояли. А командир твой, мужик головастый, все и сам понимает. Или как?

— Знаю, — вздохнул я, — просочилось кое-что в прессу.

— Какая пресса? Брехуны те за деньги на отцовской могиле гопак спляшут. Стыд там, в вашей Москве потеряли, нехристи. Я своим хотел запретить телевизор смотреть, куда там, они еще компьютер прикупили.

Иван почесал в седом затылке, вздохнул:

— Степаныч прав, проблемы имеются. А все же мы своих молодых не сдадим. Не получится. Внучка у меня в Белгородский университет нацелилась, но чтобы после учебы со своей земли стронулась — ни-ни. Не пушу.

Плыла над Белгородчиной весенняя ночь. Пели в застолье песни. Русские и украинские. Подпевал и захмелевший сосед ветеран войны. Я сидел и с горечью думал, расскажи я им о своей дочери и внуке, не поверят.

А утром пригласили меня на встречу в школу, где жена Ивана, Галина, учительствует. И опять ждала меня радость.

Школа, сложенная из светлого кирпича, построена была в середине семидесятых годов, трехэтажная, с просторными коридорами и классами. Парты новые, есть компьютерный класс. Поразил меня и холл (не уверен, что это так называется), где на стенах висели живописные работы учеников, встречались и, на мой взгляд, профессионально выполненные работы. Выяснилось, что у школы художественно-эстетический профиль. При входе за столом сидел мальчишка лет четырнадцати с повязкой де-

журного на рукаве, при нашем появлении он встал, поздоровался, и я бы не удивился, если бы он подал команду: «Смирно! Встать к борту!» Меня, конечно, ждали, но никакой суеты, никакого показного мельтешения. Глава администрации района был здесь своим человеком, учительствовал много лет, а гость, то есть я, тоже был не в диковинку. Ветераны не оставляли школу своим вниманием. Мой командирский глаз, привыкший к быстрой оценке обстановки, с ходу определил: и здесь есть хозяин, точнее, хозяйка, миловидная, в строгом костюме директорша.

Поразили лица детей: ясные, светлые, без нашего столичного лукавства, а то и надменности. Впрочем, когда я бывал в последний раз в московской школе? Лет пять назад комитет ветеранов обязал меня выступить в школе, встретиться со старшеклассниками. Девки совсем уже взрослые, обабившиеся. Одна сидела, закинув ногу на ногу, юбочка короче некуда, глядела на меня насмешливо, словно прикидывала: годится ли этот старец на что-нибудь. Пацаны — попроще, еще совсем дети, но один кудрявый красавчик прямо мне заявил, что «военка ему по фигуре» и он все сделает, чтобы «отмазаться» от армии. А на вопрос: «А кто же будет Родину защищать?» — не моргнув, ответил: «А чего ее защищать? На нас никто нападать не собирается».

Пожалуй, такие глаза, как у учеников Алексеевской школы, видел я в Школе юных моряков, что у остановки метро «Водный стадион» в Москве. В школе преподавал мой однокашник контр-адмирал Гоша Гольцев, он и пригласил меня на встречу. По команде «Построиться», в шеренге на шкентеле узрел я пацаненка лет шести в форме. «А этот здесь почему?» — спросил я у Гоши. — «Брат привел. Семья неблагополучная, мать пьет, отец сидит. Мальчишки жили при бабке, голодали. Что же братухе голодать? Офицеры скинулись, купили мальцу форму, подогнали, теперь строем ходит. Все не на улице. Вырастим кадр для флота. Мальчонка смысленный».

Нет, не перевелись еще в России добрые люди. И не переведутся. Глянул я, как замер пацаненок по команде «Смирно!», и с трудом сдержал слезу, вспомнил покойную тетю Шуру, построения в нахимовском училище. Если слеза близка, старость. Да и шут с ней!

Возрождение России, уверен я, придет из провинции, с Белгородчины, да и мало ли у нас областей, где сто-

ящие люди у власти стоят, не все же скурвились. Есть, есть настоящие мужики. Какой уж месяц судится директор сельской школы, которого обвинили в том, что он контрафактный диск для установки программы на школьный компьютер использовал, нанес ущерб Биллу Гейтсу. Уже и Билл отступился, а судьи все одно тянут кота за хвост. Лучше бы съездили на нашу московскую «Горбушку» или на радиорынок, там пиратской продукции на «тонны» зелени тянет, но те веселые места властям не по зубам, на директоре сельской школы отыгрываются. Только директор им тоже не по зубам, хрен сломишь. И таких директоров в России немерено, если разом плечами пошевелят — мало не покажется. Неужто понять это ума не хватает? На что надеетесь, господа нехорошие? Сверкнуть задницей в Зазеркалье? Может и не получится.

Вернулся я из Алексеевки поздоровевший, степным ветерком всю хмарь с души выдуло. Но одну мысль с собой увез: будет в России хозяин, будет и добро. И еще: каяться нам, как призывают губошлепы-либералы, не в чем и не перед кем.

* * *

...Ура-губу я толком не успел разглядеть, лодка только-только вернулась из автономки, ее ставили в ремонт, и часть офицеров в срочном порядке отправляли в отпуск. Я даже не успел познакомиться с ребятами, через неделю после прибытия вызвал меня к себе командир лодки капитан второго ранга Владимир Евгеньевич Бубнов и, весело постреливая черными глазами, спросил:

— Штурманец, ты, оказывается, столичный? Верно?

— Так точно, товарищ командир.

— Отпускной я тебе подписал. Но у меня будет особое задание. Готов?

— Конечно.

— Так вот, отвезешь нашему бывшему комбригу посылку, так сказать, презент. Груз скоропортящийся, лети самолетом и перед тем, как загулять, отвези посылку к месту назначения. Записывай адрес и телефон.

Я записал.

— Знаешь, где это?

— Найду.

— И искать нечего. Метро «Спортивная», выход в сторону Новодевичьего монастыря, там минут семь ходьбы. Посылку возьмешь у боцмана перед отъездом. Вопросы есть?

— Никак нет.

— Сначала позвони для приличия. И чтобы вид у тебя был соответствующий: тужурочка, белая рубашка, ботинки первого срока. Комбриг Белов Александр Николаевич добрейшей души человек, но устав блюдет, так что лица не теряй, представь урагубинцев в полном ажуре.

Любимого командира помнишь, как первую женщину. Владимир Евгеньевич был небольшого росточка, но кряжист, широкоплеч — бывший штангист. Говорил с одесским вывертом, сдабривая речь крепким флотским словом. Про него гулял по гарнизону анекдот: вызвал он молодого лейтенанта, задержанного в Североморске патрулем в нетрезвом виде, посадил перед собой и спросил, прищурясь:

— Ребусы любишь разгадывать?

— Не очень, товарищ командир, — ответил лейтенант, стараясь дышать в сторону.

— Зря! Гимнастика ума. А теперь напряги свою единственную извилину. Как меня зовут, знаешь?

— Так точно.

— Озвучь.

— Владимир Евгеньевич Бубнов.

— Правильно. А теперь возьми мое имя, после буквы «веди» добавь «ы», от отчества используй «е» и присоедини две первые буквы фамилии. Уразумел?

Похмельное лицо лейтенанта порозовело.

— Так точно.

— Молодец! А теперь запомни: подводник должен знать свою норму — выпил литр коньяку под лимончик, и остановись.

Экипаж обожал командира, гордился им — подводный ас, у него за торпедные стрельбы часы от главкома. Одним из первых за автономку удостоен ордена Красного Знамени, каждого матроса знал по имени-отчеству со всей подноготной. Голос — труба иерихонская — перекрывал мощь. Оркестр во время строевых смотров, зато в море самый тихий, самый спокойный человек и надежный, как базальтовая скала.

Вечером в мою каюту на ПКЗ (плавказарме) постучал боцман по прозвищу Чапай и вручил аккуратно увязанный шкертом сверток, весил он никак не меньше десяти килограммов.

Боцмана командир подбирал под себя: такой же кряжистый, с ручищами, схожими с клешнями каменистого

краба, без ключа отвинчивал гайки и очень любил здороваться за руку с заезжим начальством. После чего у начальства надолго портилось настроение.

— Значится так, товарищ лейтенант, в кульке семужка урагубинского посла. Хранить следует в холодильной камере.

— Знаю, боцман, командир инструктировал.

— Тогда, как говорится, семь футов под килем и перо в задницу. А теперь до свиданьица, привет городу-герою.

— Обойдемся без рукопожатий, боцман. Наслышан.

— И чего только люди не наболтают. Дак ведь и вы не махонький. Вашим кулачком вполне можно сваи в мерзлый грунт вколачивать. Как?

— После отпуска померяемся. А пока правая рука мне нужна, чтобы за дамами ухаживать.

Все мне удавалось в ту пору, потому как летел я навстречу своей судьбе. До аэропорта в Килп-Явре довез меня на своем «Москвиче» флагманский механик — он жену встречал, самолет взлетел минута в минуту, и через положенное время совершил мягкую посадку в аэропорту Внуково. Во время полета от спиртного я воздержался по причине визитации, захмелел от минералки и от воздуха грядущей свободы действий. А в Москве бушевала весна, охажки влажной сирени продавали у метрополитена, такси удалось отловить сразу, сговорчивый паренек за двойную цену с ветерком докатил меня до теткиного дома. Тетка отсутствовала, в рейсе, ключи от квартиры у меня при себе, помылся, побрился, окатил себя «Шипром», сменил рубашку и отправился напрямик к дому на Хамовническом валу. О том, что следует позвонить, вспомнил только в лифте, да уж что тут делать, извинюсь. Дверь открыла девица в коротком голубом халатике, видать, комбригова дочка. У меня сердце сразу и зашло. Фигура, брови вразлет, волос светлый, прическа «бабетта», изпод халатика коленки, единственные по красоте в мире. Глаза серые, спокойные, бесстрашные.

— Ну и что мы стоим? — спрашивает низким голосом.

— Здравствуйте. Имею поручение передать посылку контр-адмиралу Беляеву.

— Из Ура-губы, что ли?

— Оттуда.

— Подводник?

— Вроде того. Штурман.

— И как вы, штурман, при таких габаритах в рубочный люк пролазите?

— Я по частям. Извиняюсь, конечно.
— Заходи, только целиком. Мамы с папой нет. Позавчера в санаторий «Майори» отправились. Что в свертке? Господи, тяжеленный какой!

— Не могу знать. Но предположительно семга.

— Ой, а я только вчера вечером об урагубинской семге вспоминала. В Москве такой нет, даже в Елисеевском. Заходи, располагайся. Я сейчас шлепанцы принесу. Звать как?

— Григорий.

— Маша. И где вас таких бровастых нынче выращивают? На Украине?

— Корни оттуда, по отцу. А вообще-то местный, капотнинский. До нахимовского проживал у тетки в доме у Киевского вокзала. Забросил к тетке вещички и к вам.

— Правильно сделал. Снимай тужурку, будешь помогать с семгой, мне одной не управиться.

Так и потек разговор. Через час мы сидели на кухне, пили коньяк, закусывая адмиральской семужкой и прочими столичными деликатесами, от которых я, моряк-североморец, успел уже отвыкнуть. Вкушал я яства и мучился мыслью, что видел я Машу, но когда и где? Озарение пришло позже, но это уже не имело значения. Под каблук адмиральской дочки я угодил сразу и навсегда. И ни разу об этом не пожалел.

У тетки я побывал только разок, заскочил за вещичками. Весь отпуск в доме на Хамовническом валу провел. Что там Ромео и Джульетта, пацанье, Монтекки вместе с Капулетти я бы в ту пору собственными руками порвал, чтобы не вертелись под ногами. Значит, все-таки бывает, чтобы вот так сразу и на всю жизнь. Удивительно, как мы тахту в Машиной комнате в щепки не разнесли. Я ведь не мальчик уже был, кое-что повидал, но ничего похожего не испытывал, всякие сравнения неточны, разве что постижение мироздания, полет к звездам, по которым мы, штурмана, ориентируемся в хорошую погоду.

Для меня только потом дошло, как Маша тонко и верно уловила тон, особенности моего характера, никогда не перечила, всегда соглашалась: «Как скажешь, любимый», а потом поступала по-своему, причем так, что мне, дураку, казалось, что воплощена моя неукротимая мужская воля. А что в том плохого? Я с лейтенантов привык командовать, а тут приходишь домой и вместе с флотскими ботинками на микропоре снимаешь с себя всякую ответственность. За всю жизнь я себе сам рубашки не купил,

ни разу в отпуск один не ездил и ни одну бабу на стороне не имел. Дай Бог, как говорится, с Машей управиться, выкладываешься целиком, вне зависимости от военно-политической обстановки, климатических и прочих условий.

Через две недели стремительной, как полет в космос, жизни, решили подать заявление в загс. Отпуск у подводника сорок пять суток плюс дорога и осложнения в пути — всякое же бывает: отстал от поезда, заболел свинкой, да ведь сотрудников загса не пальцем делали, каменные бабы там сидят, их флотскими байками не разжалобить. Месяц срока на отрезвление от любви и ни днем меньше. Маша только посмеивалась.

— Все уладится, Григорий Алексеевич. Только, милый мой, нам нужно стратегию выработать.

— Какую еще стратегию?

— Внимай! Родители у меня люди прежней закалки, папа за мамой два года ухаживал, подарки дарил, цветы, переписка, то-се, а тут является бравый молодец и сразу скок в койку, считай, к непорочной девушке. Непривлекательная история.

— А что же теперь делать?

— Нужна легенда прикрытия. Мы с тобой знакомы два года — срок достаточный, познакомились в Ленинграде в филармонии. Ты хоть знаешь, где она находится?

— Нет. Мне медведь на ухо наступил.

— А вот это не надо. Мама в музыкальной школе преподает, для нее отсутствие музыкального слуха такой же порок, как отсутствие у тебя первичных половых признаков. Ладно, я тебе справочку напишу на предмет музыкальных знаний, только заучи и как-нибудь подбросишь в разговоре, мол, без Генделя ну просто жить не могу.

— Не получится, я врать не умею.

— Получится. Врать я буду, тебе нужно только поддакивать. Слушай дальше. За три дня до возвращения родителей съедешь к тетке. Кстати, нам познакомиться нужно.

— Она в рейсе «Москва—Владивосток». Семь дней туда, там денька два, семь дней обратно.

— Значит, успеется. Уяснил легенду?

— Типа того.

— Я, как родителей подготовлю, позвоню тебе, дам последние инструкции. Явишься просить моей руки, цветы купишь на Усачевском рынке. Не удивляйся, если я вдруг расплачусь. Невестам положено. Правда, я не помню, когда в последний раз плакала. Все ясно?

-
- Так точно.
 - Тогда продолжим морально-бытовое разложение.
 - Может, передохнем?
 - Это еще что такое? Р-разговорчики в строю! Учти, я в гарнизонах росла. Кто в душ первый пойдет?

С родителями сошло все гладко, как по писаному. Один вечер посвятили классической музыке, и теперь я по цвету наклеек на пластинках мог отличить Баха от Генделя. Смотрины прошли строго по инструкции: цветы, прочее. Пока женщины накрывали на стол, вышли с Алексеем Николаевичем покурить на балкон. Контр-адмирал Беляев очень на моего батю походил, высокий, худошавый, с густыми бровями. Ему бы усы — точная копия.

— Ну, как вы там? — спросил он.

Рассказал я про беду в Полярном. При упоминании имени моего командира Алексей Николаевич поплыл в улыбке:

— Мой ученик. Все так же матерится?

— Да вроде не очень...

— Ладно тебе! — адмирал засмеялся. — Володя Бубнов из беспризорников, с юнг на флоте. Командир — милостью Божьей, тебе повезло, Григорий, учись у него. Только подумай Бубнова дальше двигать, он такой номер отколлет, хоть стой, хоть падай.

Свадьбу отпраздновали в «Славянском базаре», сняли отдельный кабинет, присутствовали сослуживцы тестя и тещи, три-четыре подружки Маши, с моей стороны — никого. Обещала поспеть с рейса тетя Шура, везла из Новосибирска свадебные подарки, да сняли ее с поезда с сердечным приступом. У меня даже свидетелей не было. Согласились пойти свидетелями соседи по лестничной площадке — отставной генерал-майор юстиции Глеб Михайлович, осанистый, похожий на певца и киноартиста Вертинского, и его супруга Ираида Агафьевна, профессор МГУ. Погудели умеренно. Через два дня я улетел на Краснознаменный Северный флот для дальнейшего прохождения службы.

Отвертеться от продолжения свадебной церемонии в Урагубе не удалось. Через неделю выдернул к себе Владимир Евгеньевич Бубнов и, наливаясь краснотой, заорал:

— Ты что же, поганец, молчишь? Увел у моего любимого адмирала дочку и сопишь в тряпочку!

— Да я... Да как-то...

— Так тебя и разэдак! Офицерской семьей, родным экипажем пренебрегаешь! Почему я информацию должен получать не от тебя, а от твоего тестя?

Топтал он меня, топтал, потом смилостивился. Сошлись на том, что, когда Маша приедет из Ленинграда (она оформляла документы, чтобы перевестись на заочное отделение), сыграем флотскую свадьбу. Свадьба без невесты как-то не очень, пустая пьянка.

Молодая жена явилась в Ура-губу через полтора месяца и заключительный бэмс устроили на квартире у Бубнова под присмотром его жены Галины Ивановны и с соблюдением строгой секретности — в гарнизоне «сухой закон», начпо бригады кавторанг Голубец, усохший, как моль, с профилактической целью совершал подворные обходы. Чтобы отпугнуть его, вырубил в подъезде свет: проводник идей партии панически боялся темноты и крыс.

Дочь бывшего комбрига встретили в Ура-губе радушно — Беляева любили, а Машу старожилы помнили еще девочкой. Командир береговой базы подполковник Иван Сидорович Франчук сразу предложил студентке-дипломнице место бухгалтера, должность деликатная, требующая особого доверия. И месяца не прошло, как нам выделили однокомнатную секцию в только что отстроенной пятиэтажке, правда, на первом этаже. Зато со всеми удобствами, разве что колонку в ванной пришлось топить безрезными чурками. Я обо всем этом понятия не имел, был в море, а когда вернулся из похода, глазам не поверил: квартирка отремонтирована, паркетный пол отциклеван, мебель хоть и кэчевская, но вполне приличная. Особенно меня поразил магнитофон «Комета» — достать такую штуквину в ту пору, да еще в Ура-губе, было трудно, дефицит.

— Доволен? — Маша торжествующе улыбнулась.

— Знаешь, как-то даже неловко. Семьи офицеров с детьми такого жилья не имеют.

— Так то офицеры, дурачок, а я — молодой специалист. Думаешь, от щедрот нынешнего комбрига? Ничуть. Квартира-то на меня записана. Желторотому лейтенанту такое жилье не по зубам.

— Ну, ты не очень...

— Увянь.

— А как я ребятам в глаза смотреть буду? Они с ребятами по углам маются.

— Молча. Да и не распускайте сопли, лейтенант Стар-

чак. Мы из нашего бунгало клуб сделаем. Клуб веселых и находчивых. Ребята пьют в подъездах, к старухам из рыбсовхоза шастают, а тут все на виду. И выпить, и закусить. Думаешь, бухгалтер — простая работа?

— У меня командир такого жилья не имеет.

— Опять заладил. Уйдешь в автономку, я семью какого-нибудь лейтенанта к себе возьму. Я же на работе с утра до ночи, да еще диплом. Пишущая машинка на бербазе, там и строчу. А рожать поеду, на это время многодетных поселишь, а сам в общежитие. Три к носу, муженек.

— Рожать?

— А ты не знал, что бабы рожают? Тебя уж точно не в капусте нашли. Не вырос еще такой кочан. Иди в душ. Белье, свежая рубашка в шкафу. У нас сегодня гости.

— Гости? Кто?

— Иван Сидорович Франчук с супругой.

Глянув на мою вытянувшуюся физиономию, Маша расхохоталась:

— Завтра тоже гости. Не догадываешься кто? Офицеры экипажа твоей подводной лодки во главе с Владимиром Евгеньевичем Бубновым. С женами, у кого есть. «Добро» уже получено. Ты служи, Гриша, а думать я за тебя буду. Шутка юмора. Жена да убоится мужа своего. Хозяин-то все равно ты. Для проформы.

Маша зашлась от смеха:

— Вали в душ, штурманец, а я постель раскину. Прояви внимание к жене...

В тот денек я окончательно утратил волю, целиком положившись на мудрость жены. И все вышло ладом. «Клуб веселых и находчивых» вскоре обрел в гарнизоне популярность. Был даже свой устав, где наиглавнейшими пунктами были: не перепивать, не говорить пошлости и ни слова о политике. С первым пунктом, правда, не всегда получалось, но на стреме всегда была «группа спасения»: перебравшего аккуратно укладывали в ванной или тайком, под покровом полярной ночи, транспортировали в общежитие. Когда наступала пора белых ночей и гарнизон пустел — жены с детьми отправлялись на юг, поближе к витаминам и солнышку, члены клуба по воскресным дням перемещались на сопку Пикник (географическое название — Слоновка), там, в укромном месте, припрятан был кухонный инвентарь, шашлычницы и даже хрустальные фужеры. Ура-губа, ставшая впоследствии поселком Видяево, располагалась в заповедном на Севе-

ре месте. Не то что Лица, Гаджиево и, Боже упаси, Гремиха — тундра, скалы и оголтелое комарье. Комарья в Ура-губе тоже хватало, зато были и озера с прозрачной водой. Плавать рекомендовалось только на поверхности, прогретой солнцем, ногу опустишь — ледяная водичка. Причем лучше плыть на спине, чтобы веточкой отмахиваться от комаров. Зато гарнизон окружали сопки, поросшие всамделишными березами и сосенками, а не карликовыми уродцами. В речке Урица водилась семга, Рыбнадзор в те годы не свирепствовал, да и походи поймай флотских умельцев, когда они с двух буксиров сеточкой устье полноводной реки протравливают, обозначая учения.

Солнце целый день у горизонта, на небе ни облачка, бакланы да чайки, на сопке Пикник то там, то здесь дымки курятся — народ шашлыки поджаривает или ушицу из семги варит, и, куда ни глянь, все зеленью выкрашено — благодать.

А угастро короткое полярное лето, публика перебиралась в дома, и клуб функционировал исправно. Пели песни, слушали магнитофонные записи. В моду входили барды: Клячкин, Анчаров, Визбор. Дребезжащий тенорок Окуджавы уже тревожил неокрепшие души. Политруководство песни эти не одобряло, но особенно и не препятствовало. Как-то прибился к нашей компании стукач, работающий на особый отдел. Заглянул старший лейтенант послушать, о чем в застолье травят офицеры, и выяснить, нет ли недозволённых настроений. Стукача мгновенно раскусили, и вечера в клубе какое-то время напоминали флотскую партийную конференцию. Старший лейтенант ушел ни с чем, с твердой уверенностью, что в клубе собираются круглые дураки, которые и понятия не имеют, что происходит в стране, руководимой Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Двери в квартирах офицерских домов никогда не запирались. От кого? Маша гнула свою линию: у нас появилось пианино. На нем жена обучала детей музыке. Как только энергии на все хватало? С моря придешь, сидят чистенькие, ухоженные мальчики и девочки, разбирают нотную азбуку. Под брэнчание пианино я дрых без просыпу, все лучше, чем тревожный межвахтенный сон на лодке под стук дизелей. Штурмана и командиры отсыпаются только на пенсии. В часы застолья пианино превращалось в бар, и на крышке деликатного инструмента вырастала пирамида бутылок. Принцип: подходи и сам наливай, как в лучших домах Лондона.

Сидение на продуваемом холодном балконе, как известно, ни к чему хорошему не приводит. Особенно в моем возрасте и в отсутствие жены. Проснулся от жутковатого ощущения: не могу оторвать голову от подушки и встать. Первая мысль — кондрат стукнул, потом все же отлепился от дивана и, подбадривая себя матерком, поплелся на кухню поставить на плиту чайник.

Шея не действовала, ее вроде как перекосило, для того, чтобы повернуться и посмотреть в окно, пришлось вращать все тулово. Поясницу тоже ломило. В народе подобное увечье называют, кажется, прострелом. Во всяком случае, без родной поликлиники не обойтись. Что же, можно порадоваться, я при деле, нашел себе занятие.

Утро выкрасило Москву в серый петербургский цвет — серые дома, серые деревья на фоне серого неба, даже вороны устойчивого серого цвета. «Жигуленок» мой еще подремывал на стоянке. Среди монстров-вседорожников он походил на подростка, прибившегося к компании взрослых хулиганов. Пришлось его разбудить, после того, как я основательно прогрел мотор, он солидно, даже с некоторой долей самодовольства, зафурыкал. Ездить по Москве стало невозможно, а если ты еще и не можешь вертеть головой, то и опасно. Но на метро мне не добраться. Два раза попадал в пробку на Беговой: где-то впереди случилось ДТП, вереница машин замерла и, похоже, надолго. С неба летело черт-те что, не то дождь, не то снег, не то перхоть. Я поступил в точном соответствии с английской инструкцией для женщин-военнослужащих: «Если вас насилуют и вы лишены возможности сопротивляться, расслабьтесь и попытайтесь получить удовольствие». Я включил приемник, расслабился, но удовольствия не получил. На волне радио «Шансон» кто-то пел гнусным голосом:

*С Одесского кичмана
Сорвались три уркана...*

Пришлось переключиться на «Маяк», передавали новости, а новости меня редко радуют: без конца падают самолеты, вздуваются реки, в Сахаре наводнение, в Берлине адова жара, а политики ведут себя так, словно объелись белены, хлебная из одного котелка.

В поликлинике — я не был там лет пять — новшество: заставляют натягивать на обувь пластиковые хрустящие бахилы, вроде презервативов для моржей средней величины. Взял медицинскую книжку, талончик к невропатологу и прошелестел к лифту. У дверей кабинета ученого эскулапа в скорбных позах сидели отставники из нашего отдела боевой подготовки подводных лодок. Почти в полном составе во главе с бывшим начальником вице-адмиралом Виктором Касьяновичем Коркиным. Мы не виделись давно, и все значительно изменились. Коркин, в прошлом бодрячок, крикун, живчик, стал походить на высушенного кузнечика. Пошевелил усиками, сказал:

— Глядите, Старчак. Григорий Алексеевич, ты вроде бы как еще подросток. Питаешься, видать, хорошо. Этими добавками, что ли?

— Просто я стал значительнее.

— Ясенько. Никак тебя тоже радикулит расшиб?

— Вроде того.

— Ну и дела! Разом весь отдел раскорячило.

Капитан первого ранга Юра Силов солидно пояснил:

— Радик теперь заразный, вроде летучего триппера. Я в «Московском комсомольце» читал.

Бывший командир атомного ракетносца капитан первого ранга Коля Галкин грустно вздохнул:

— Это ты верно, в наши годы триппер разве что воздушно-капельным путем и заполучишь. Слышали, какую свистопляску вокруг «Юрия Долгорукого» устроили? Подводный ракетный крейсер, супер, новые технологии, ноу-хау, а его, мать иху, заложили в девяносто шестом году, он на стапелях уже устарел. Это как? Гонят туфту для непосвященных. Гидроакустические станции на крейсере, как были глухими, так и остались. Ни одного порядочного полигона для замера шумности атомоходов нет. Наше слежение за америкосами длится пять-восемь минут, а они нас пасут до пятидесяти суток, впритык ходят и наглеют с каждым днем. Выйдет такой крейсер в море, изготовится стрелять, а американская субмарина у него на хвосте, выжидает. Только откинут наши ребята крышки контейнеров, а супостат уже на кнопку жмет...

— Дробь! — скомандовал Коркин. — На ветеранские темы не переходить, тоска зеленая. Жив и радуйся. Нас все равно уже никто не слушает.

За дверью послышался короткий, сдавленный вопль. Компания переглянулась.

— Кто это там? — насторожился Силов.

— Саша Бояринов, из надводников. К этим костоломам только попади. Мужики, новые анекдоты есть?

— Какие анекдоты, Виктор Касьянович? Сейчас сама жизнь — анекдот.

— Опять — двадцать пять. Галкин, неужели даже ты анекдотов не знаешь?

— Знаю.

— Так не тяни.

— А чего Саша Бояринов так орет? Он же не у хирурга.

— Не отвлекайся.

— Знаете, как нынче флоты расшифровываются? Северный флот — современный флот, Тихоокеанский флот — тоже флот, Балтийский флот — бывший флот, а Черноморский — чи флот, чи не флот.

— Развеселил, твою мать. И это смешно?

В дверной проем протиснулся Бояринов, точнее, его бледная тень. В руке костылик, в глазах испуг. Мы учились на одном факультете, Саша был чемпионом Ленинградского гарнизона по вольной борьбе, входил в сборную училища. Ныне Бояринов не смог бы победить даже первоклассника, а уж одолеть себя, сохранить лицо — и подавно. Саша переложил палку из одной руки в другую и, страдальчески морщась, спросил:

— У кого транспорт есть? В метро не доеду. Сделали блокаду, но все равно болит.

Я откликнулся на просьбу:

— Довезу, Сашок, если доктора меня с тобой не уравниют.

— Добро.

Пока мы утешали Бояринова, в коридоре появилась сестра Ангелина Павловна — я знал ее лет тридцать и помнил еще нескладной девушкой. Сейчас-то она раздалась вширь, округлела лицом и страдала одышкой. Сестра вела под руку здорового, с бритым черепом бугая в дорогом клетчатом пиджаке, тот ступал тяжело, упористо, словно хотел проломить пол остроносыми башмаками.

Ангелина Павловна коротко кивнула нам и, распахнув дверь, слегка подтолкнула туда бугая. Дверь плавно закрылась, и мы изумленно переглянулись.

— Может, действующий адмирал? — сделал предположение Галкин.

Виктор Касьянович пошевелил усиками-сяжками и покачал головой.

— Не знаю такого адмирала. С этакой рожей только в тылу служить, а там, кажется, только одна адмиральская должность осталась. Скорее, блатной, родственничек чей-то, мать иху так... Ветераны стоят в очереди, а это мурло...

Сомнения разрешила Ангелина Павловна. Доставив высокородного пациента, она вышла.

— Ангелина, золотце, что это за туз?

— А я знаю, Виктор Касьянович? Он деньги за прием заплатил, таких велено без очереди пускать.

— Новости! А мы что же, бомжи какие? Куски пришли сшибать?

— Вы — бесплатно. Да поймите же, без приработка со стороны поликлиника не выдюжит. Лекарств и так нет...

— Нормально, мужики! Мы теперь на содержании у разной шелупони. У этого болящего рожу за три дня не обсе... Прости, Ангелина, вырвалось. Ладно, перетерпим. Голод перетерпели, а уж изобилие переживем. Галкин, выходи на сцену, а то мне хочется кому-нибудь в морду дать. Давай из старых анекдотов, про подводников...

Мы прослушали несколько серий. Галкин знал несметное количество анекдотов. Мордоворот выполз наконец из кабинета, двинулся он едва ли не на четвереньках. Коркин его даже пожалел:

— Видать, обделался с перепугу, видите, как ступает. Да и разит от него... Господи, теперь моя очередь. Начну орать, выручайте, братцы.

Доктор — миловидная женщина с усталыми глазами — прописала мне финалгон и велела ходить на физиопроцедуры.

— А выпить можно?

— Нужно. Причем только водку. Морьякам помогает от всех нервных болезней.

— Спасибо, доктор, вы меня спасли.

Я отвез Сашу Бояринова домой, сдал на руки жене, заскочил за водкой, мои запасы иссякли, и на другой день уже вертел шеей, как какаду, на триста шестьдесят градусов.

* * *

С тестем и тещей мне повезло. Круглый сирота, выкормыш закрытых военно-морских заведений, я обрел семью, по гроб жизни буду обязан я Алексею Николаевичу и Елизавете Павловне, пусть земля им будет пухом. Сейчас, когда их давно уже нет, я с обостренной зоркос-

тью вспоминаю фрагменты нашего совместного бытия, и картины эти яркие, насыщены красками, звуками и даже запахами.

...Май, старый, еще дедов дом в Немчиновке, подланный, восстановленный, сохранил детали быта ушедшего времени. Стол в светлой горнице, сработанный сельским столяром, крепкий, рассчитанный на столетия, за которым мы собирались у добродушно пофыркивающего самовара, кисловатый запах догорающих древесных углей, сквозь накрахмаленные кисейные занавески падает закатный свет, горка блинов в керамической миске, сметана в глиняном глечике, графин с рябиновкой. В доме никакой роскоши, но все надежно, все к месту, на стенах, оклеенных простенькими обоями, даггеротипы, более поздние фотографии, кованный железом сундук, покрытый пестреньким рядном, сшитым из лоскутов, — произведение искусства. Дом устоял в войну, только баня во дворе сгорела, вместо нее поставили новую, из бруса. Мы с тестем только что из бани, распаренные, благодатные. Алексей Николаевич, худой, выветренный болезнью, с серыми запавшими висками, в вылинявшей тельняшке, Маша сидит надутая, никак не могла докричаться Маринку — та ушла куда-то с подругами. Елизавета Павловна, округлая и какая-то вся уютная, домовитая, заканчивает накрывать на стол. Ее говорок успокаивающе звучит в горнице: «Пусть погуляет девочка, есть захочет, придет». Из распахнутого окна ветерок доносит запах черемухи, бьется о кисею шмель. Чуток похолодало, как всегда бывает при цветении черемухи, пришлось протопить печь, да перестаралась, дом хранит тепло.

...А вот мы с Алексеем Николаевичем на рыбалке, махнули на машине за сто двадцать верст на Волгу, в деревню Свердлово. Тесть заядлый рыбак, остановились мы у его знакомого, Ивана Изосимовича, бывшего балтийского старшины-сверхсрочника, у того лодка «казанка» под древним уже моторчиком. Выскочили мы на приглубое место, закорились неподалеку от поворотного буя, опустили снасть с подкормкой, в этом месте берет крупный лещ, нужно только запастись терпением да не сплеховать, когда начнется клев.

Тишина, слышно, как в деревне заволошно кричат пелухи, в прозрачном воздухе скользят чайки, то и дело падая на крыло, ударят грудью по воде, схватят рыбу, и с лапок их падают янтарные капли. У Алексея Николаевича

ча крупные кисти в стариковской крупчатке — он из семьи потомственных железнодорожников, его отец дослужился до машиниста, отсюда и дом, и достаток в нем.

Братья и сестры Белова сгинули в Гражданскую войну, у него самого судьба непростая — по комсомольскому набору пошел на флот, потом Высшее военно-морское училище, то же, что и я, закончил. К началу Великой Отечественной войны он уже командовал подводной лодкой — «щукой» на Балтике. О войне, да и вообще о службе, Алексей Николаевич не любил рассказывать, отмалчивался, больше интересовался нынешними делами на флоте. Кое-как, по частям, из рассказов Елизаветы Павловны и Маши восстановил я, склеил его военную биографию. Были в ней и взлеты, и падения. В пятидесятые годы Белов, закончив Академию Генерального штаба, командовал соединением подводных лодок на Балтийском флоте, дела шли неплохо. Атомные подводные лодки тогда еще строились, одновременно испытывались энергетические установки на жидком кислороде, позволявшие увеличить длительность плавания под водой на дизелях. Штука пожароопасная, с фокусами, подводники такие лодки-малютки назывались «зажигалками». Точнее не скажешь. В конце ноября пятьдесят шестого года подлодка вышла на испытание и затонула, погибли люди, Алексей Николаевича сняли с должности и направили на Северный флот в Ура-губу командовать бригадой дизельных подводных лодок.

В городке Палдиски видел я памятник морякам, погибшим на «зажигалке». Не знаю, стоит ли он ныне или снесли его эстонские упыри-гробокопатели. Лишь тридцать пять лет спустя из журнала «Морской сборник» узнал я подробности катастрофы. Как и во многих других случаях, первопричиной стал пожар в отсеке энергетики. Лодка всплыла по-срочному, радист дал SOS, людей вывели наверх — ждали взрыва, при такой массе жидкого кислорода жажнуло бы так, что «малютка» все равно бы затонула. Командир принял единственно правильное решение: спасти экипаж. А помощь все не приходила, командование флотом медлило. После пятичасовой болтанки в штормовом море лодка потеряла продольную остойчивость и за несколько минут с дифферентом на корму ушла под воду. Спасли лишь семерых, двадцать восемь офицеров, старшин и матросов во главе с командиром погибли. Виноватым в катастрофе посчитали командира,

который, видите ли, на этой бочке с кислородом не организовал борьбу за живучесть корабля. Окажись рядом хоть баржа-грязнуха, люди остались бы живы. Мертвого не накажешь, потому наказали комдива.

Ура-губа во второй половине пятидесятых годов, если не смотреть на эту базу глазами юного влюбленного лейтенанта, была, пожалуй, самым неблагополучным, мрачным местом на Северном флоте. Плавпричалы, деревянные казармы, кубарь штаба на возвышении, убогий, как в зоне, клуб, магазинчик, лазарет — все. Дороги с укатанной шлаком проезжей частью в распутицу превращались в дегтярную липкую жижу. Офицерам тогда разрешалось носить галоши, в этой жиже они застревали навсегда. Дорогу так и называли «галошный путь».

Комбриг Белов принялся наводить порядок, средств выделялось мало, все деньги шли в Западную Лицу, Гаджиево — там обосновался атомный флот. Кое-что удалось сделать, при Алексее Николаевиче начали возводить первые пятиэтажки для семей офицеров, появились госпиталек на пятьдесят коек, складские помещения. Во время одного из выходов в море у комбрига открылось желудочное кровотечение — дала о себе знать застарелая язва, еле вытащил его с того света корабельный врач, оперировали на берегу, и, как результат, — негодность к плавсоставу. Главком знал Белова лично, уважал и предложил ему должность заместителя начальника управления кадров при Главном штабе ВМФ.

С юной учительницей музыки Лизонькой старпом Белов познакомился в тридцать девятом, шла война с белофиннами, Лиза работала санитаркой в Кронштадском военно-морском госпитале, куда и был доставлен из Либавы тяжелораненый моряк-орденоносец, при участии которого в Ботническом заливе пошел на дно финский военный транспорт «Больхейм». Нежные руки санитарки быстро вернули в строй сурового старпома, убежденного холостяка. Убеждения эти поистаяли, как балтийский утренний туманец. Молодые люди, после затяжного ухода, получив благословение командира лодки и старшего политрука, отправились записываться в загс.

* * *

О том, что у меня родилась дочь, я узнал в море из радиограммы, потому и нарекли девочку Мариной. Имя только-только входило в моду. Мне оно не нравилось,

хотелось назвать новорожденную Ольгой в честь моей матери, чтобы частица ее воплотилась в крохотное существо, однако нрав жены я уже хорошо знал и не решился артачиться. К тому же дочурка досталась Маше нелегко, беременность протекала тяжело, с осложнениями, беспокоенные врачи посоветовали отправить жену в Москву, как приспеет, положить в клинику на сохранение беременности. Плод сохранили, но пришлось делать кесарево сечение.

Подробности дошли до меня лишь через полгода. Когда прилетел в столицу, дите уже глазами лупало и улыбалось. Марина появилась на свет в знаменитом родильном доме на Арбате. Нынче, когда прохожу мимо этого здания, замкнутого со всех сторон безликими тупыми прямоугольниками сооружений на Новом Арбате (хорошо хоть церквушку Симеона Столпника сохранили), я вновь ощущаю парной запах пеленок, слышу негромкое попискивание, и ко мне возвращается удивление: надо же, крохотное, несмышленое существо, а сколько радости доставляет. Но видел дочь я тогда редко.

Продвижение по службе шло у меня убыстренными темпами, хочется верить, что не потому, что я адмиральский зятек. Алексей Николаевич при всей своей доброте и хорошем ко мне отношении, там, где касалось службы, мужик был суровый: барахтайся сам, сам выбивайся в люди. Только ведь кадровики меж собой связаны, там, где тесть пальцем не пошевелит, могли продвижение поправить его северные коллеги. Поплавал я полтора года командиром штурманской боевой части под началом Владимира Евгеньевича Бубнова, и меня кинули на годичные командирские классы в Ленинград, а оттуда помощником командира на новую по тем временам дизельную ракетную подводную лодку 651-го проекта. Экипаж под сто человек, девять отсеков, четыре контейнера с крылатыми ракетами — америкосы назвали их «убийцами авианосцев». Супостаты к этим лодкам проявляли особое внимание: шла война во Вьетнаме, и, если бы мы серьезно ввязались, этим господам подставлять свои дорогостоящие махины не очень хотелось.

В помощниках я не задержался, через год стал старпомом, тут уж пришлось и совсем круто, ибо «должность старпома несовместима с частым пребыванием на берегу». Выныривал только в отпусках, те годы и запомнились отпусками: Крым, Кавказ, Прибалтика. Но сначала,

конечно же, столица, дом на Хамовническом валу, дача в Немчиновке.

В тридцать лет стал я командиром ракетной крейсерской лодки водоизмещением четыре тысячи тонн. Оглядываясь назад, я думаю, что те годы в Видяево были самыми счастливыми в долгой моей жизни: хотя и непростыми. Командир — должность ответственная.

* * *

Случаются события, которые одним ударом раскалывают твою судьбу на части, как лед на могучей северной реке в преддверии буйного весеннего паводка.

...Поход был ответственным — стрельбы модернизированными крылатыми ракетами. Отошли от причала ночью, миновали пост СНИС на Выевом-Наволоке, который, как и случалось и раньше, не сразу ответил, видать, резались дежурные в «козла», погрузились, отдифферентовались как положено и пошли дальше в подводном положении. Я сидел в центральном посту на разножке. Булькало, посвистывало в закутке у радистов. Шли обычные доклады с боевых постов, пахло щами — на камбузе колдовали коки. Старпом Вася Володин, в просторечии Ваво, хрустел сухариками, считалось, что так он спасается от морской болезни, хотя и не качало. Какая качка в подводном положении? Привычка. Старпом у меня золото, вполне созрел, чтобы привинтить на китель командирскую лодочку. Жаль будет его отпускать.

Стрелять мне приходилось уже не раз, даже призы за стрельбы брал, в ракетчиков своих я верил, знал — не подведут, а все же смутно было как-то на душе. Поступил доклад, что в полигоне нас ждут, обеспечение на месте — полный порядок.

На лодке даже при режиме молчания тишины нет, но каждый звук привычен, определяем, имеет свое объяснение. За час хода до полигона лодку внезапно встряхнуло, послышался треск, переходящий в скрежет, лодка, будто споткнувшись, резко пошла в глубину с дифферентом на нос, да так, что я еле удержался на разножке.

— Вот, блин, поцеловались с кем-то, — вороном каркнул старпом.

Я, как мне показалось, спокойно, не повышая голоса, скомандовал:

— Продуть среднюю!

— Есть продуть среднюю!

— Рули действуют?
— Действуют.
— Снять давление в средней. Прослушать горизонт. Доложить по отсекам, что наблюдали.
И сразу тревожный доклад:
— Удар в районе первого отсека.
— Слушать в отсеках. Всплыть на глубину семь метров. Звонкий голос акустика:
— Слышу шум винтов по пеленгу триста двадцать. Шум удаляется.
— Боевая тревога, вид готовности один, определить элементы движения цели. Режим докладов — одна минута.
Акустик:
— Шум уменьшается, контакт потерян. Установить его не удалось!
— Всплыть в надводное положение! Приготовить дизеля к пуску.
Зашипел, загомонил воздух, выдавливая из цистерн воду, лодка замерла, стала всплывать, и вот уже ее качнуло легкой волной. Я потянулся к «Каштану»: «Помощник и боцман — наверх!» — натянул перчатки, полез по осклизлому трапу, отдраил верхний рубочный люк, выбрался в рубку, огляделся. Мир был заполнен солнцем, от бликов резало глаза, на поверхности ничего постороннего, что говорило бы о столкновении. Но командирский глаз вычленил детали, оценивал обстановку: в носовой части по левому борту торчали ошметки легкого корпуса, как раз в районе ракетного контейнера, в шпигатах пенялась вода, баклан прочерчивал свой путь в небе. Прижал к глазам окуляры бинокля. Волна, казалось, лизнула стекла, вроде бы я даже запах морской воды унюхал. Чистый горизонт и локатор ничего подозрительного не засек. Навалилась секундная слабость, я ее тут же подавил, голова работала четко — сомнений в том, что произошло столкновение, нет. Но с кем? В этом квадрате наших лодок не должно быть. Шли мы на глубине шестьдесят метров, лодка завершала циркуляцию влево, я готовился подвсплыть на перископную глубину, чтобы выйти на радиосвязь. И садануть меня мог неопознанный объект лишь в случае, если находился он рядом, англичане и норвежцы такого себе не позволяли, а вот если лодка американская, то от них можно было ждать чего угодно. В последнее время, по данным разведки, американцы вели себя нагло, авиаторы засекли их атомную субмарину у входа в

Мотовский залив, обвеховали буями, корабли ПЛО кинулись в погоню, но лодке удалось оторваться.

Доложил по команде: «Имел столкновение с неопознанным объектом. Всплыл, широта, долгота. Имею повреждение, не влияющее на выполнение задач плавания». И вскоре получил ответ: «Вернуться в базу. Следовать в надводном положении».

Дальше — все черным цветом: комиссия штаба эскадры, высокая комиссия из Москвы, беседа с операми КГБ, объяснительные записки с последующим раздолбом — все обычным путем. И еще знобкое ощущение свалившейся беды, мысль: снимут, не снимут, вызов на парткомиссию, строгаж с занесением в учетную карточку, неполное служебное соответствие в приказе комфлотом.

Бог спас, оставили в должности, дали шанс загладить вину.

Лодку направили на ремонт в Северодвинск. Залатать легкий корпус можно было и в Видяево, но приспел срок среднего ремонта. Северодвинск в семидесятые годы был уже вполне современным городом со всеми признаками цивилизации — с многоэтажными домами, широкими проспектами, ресторанами, стадионом, театром, величественным Домом культуры в центре.

Машу с места срывать не стал — у нее работа, Мариша в Москве под присмотром деда с бабкой, ремонт продлится минимум полгода, а там, глядишь, отпуск. Все бы ничего, угнетала мысль: «Командной карьере конец, при грузе таких «фитилей» надежду на учебу в академии можно похерить, а значит, проститься с мечтой об адмиральских «мухах» на погонах». До столкновения служба у меня шла гладко, не считая, конечно, досадных мелочей. И вот на тебе!

Стояло душное поморское лето. Экипаж разместили в бревенчатой казарме бригады ремонтирующихся подводных лодок на острове Ягры. До завода пехом полчаса. Офицеры бригады харчили в столовке — мрачном скособоченном сооружении. За столовкой — ровная, убегающая к морю пустошь. По рассказам старожилков, в этом невеселом месте хоронили эсков. Ни могил, ни даже холмиков не сохранилось. Кое-где были воткнуты таблички со стершимися номерами.

От Маши пришла телеграмма: «Срочно позвони отцу». Три слова — и никаких комментариев. Я переполошился. Тесть второй год на пенсии и чувствовал себя неважно.

Переговорный пункт помещался на главпочтамте, в центре города, рядом с рестораном «Северный», напротив, через сквер, городской драматический театр. Все строения деревянные и одинаковой архитектуры — строили по одному проекту зэки. Голос тестя звучал в телефонной трубке ослабленно, но достаточно четко: «Гриша, я тут консультировался... Боюсь, что после происшествия строевая карьера тебе заказана, перспектив не вижу. В управлении боевой подготовки Главного штаба освобождается должность заместителя начальника отдела по твоему профилю. Штатная категория — первого ранга, приличный оклад. Подумай. Только не тяни с ответом. Такой второй случай может не представиться».

А что тут думать? Жилье в Москве есть, дача опять таки. Маришка там, тесть болеет, да и теще одной тяжело стало управляться. Короче говоря, я дал согласие на перевод в столицу.

Наивный северянин, назначенный в Главный штаб ВМФ, в первое время дуреет, все ему непривычно, все странно. И пройдет не месяц и не два, пока он поймет, нутром уловит так называемую специфику центрального аппарата. А специфики этой много и она весьма разнообразна. К примеру, звякнуло восемнадцать часов — море на замок, штабист все должен успевать, задержка офицеров в служебных домах после завершения трудового дня не поощряется, за исключением особых случаев (командно-штабные учения, подготовка к флотским конференциям и прочее). Как тут не одуреть от обилия свободного времени? За минувшую службу я дня не помню, когда сваливал домой в строго обозначенное время.

Служба в Главном штабе таит в себе и немало деликатных моментов. Прежде чем отправиться на Большой Козловский, следовало позвонить дежурному по управе и поинтересоваться, в какой рубашке прибыл сегодня главком. Белой или кремовой? Потому как, если тебя угораздит встретить в коридоре главкома, и ты будешь в кремовой, а он в белой рубашке, тебя, конечно, не расстреляют и не сошлют служить в бухту Ольга. Но главком, находясь в дурном настроении, может коротко бросить адъютанту: «Поразительно распушенные у нас офицеры. Выясните, кто таков!» И тогда жди «поощрения», разумеется, не за рубашку, повод всегда можно найти. Далее — аппаратчику следует во всех тонкостях освоить штабную

культуру, всякие там словеса, вроде «полагаю целесообразным», «докладываю на ваше решение» и много чего другого. Оно и понятно, документы идут на самый верх, каждое слово должно быть выверено, стоять на месте и означать только то, что означает.

Я писанину всю жизнь ненавидел. В первое время страшно маялся, натываясь на неизбежную канцелярщину, зверея от всяких там отчетов и докладов. Потом привык, и о прежней жизни напоминала теперь только штурманская линейка.

Но есть у московских паркетных офицеров и определенные преимущества: оказавшись на флоте в свите главнокомандующего, начальника управления или в группе инспектирующих лиц, он как бы окружен небесным сиянием, и говорят с ним сдержанно, уважительно, а нередко и с подострастием. Черт его знает, что этот хрен с бугра выкинет, занесет в свою записную книжечку — проку от него никакого, а неприятностей целый вагон. Даже однокашник, с которым пару килограммов соли перемолотил, теряется, говорит «вы», потому как светит ему перевод в Москву, да пока туманно, вдруг дружан по кубрику в училище словечко замолвит. Так что лучше перебдеть, оказывать внимание, удерживая дистанцию.

Для москвичей заранее разрабатывались сценарии культурной программы: охота, рыбалка, застолье с выездом на природу. Ну и, конечно же, сувениры, подарки, на каждом флоте свои, с налетом местной экзотики.

Дураков в Главном штабе я не встречал, блатные были, с «рукой», вроде меня. Правда, тесть мой был уже не у дел, но связи-то остались. Отсюда и спасительный звоночек, и перевод в Москву. Но ведь не по своей воле я с мостика сошел, командиром, судя по аттестациям, я был неплохим, одна фраза чего стоит: «Любит море». И не я врезался в супостата, а он в меня, да еще в наших, советских водах. Комиссиям лучше бы разобраться, почему америкосы пасутся в секретных полигонах и караулят наши лодки при выходе из баз. Но тогда следовало признать несостоятельность нашей техники. Кто же это будет делать? Кто допустит? А так, перекрыл кислород командиру, и пусть он штаны в штабах и прочих конторах просиживает. Ребята в нашем отделе тертые, с опытом, свой брат командир, да и в других управлениях, как не раз я убеждался, мужички с ясными головами, а то и с подлинным управленческим талантом, учиться было у кого.

Штабные штучки-дрючки я освоил быстро, держал себя соответствующе, не теряя лица, соблюдая при этом, конечно же, правила игры. В годы «застоя» жил в другом мире, огражденном от остального советского пространства.

А теперь представьте, каково мне было рушиться с постаamenta веры, когда задули западные ветры, заштормила «перестройка» и на экранах телевизоров замелькали «народные заступники», упакованные в дорогие импортные костюмчики, и миру явился сверхсекретный физик, ныне же ниспровергатель системы, диссидент номер один. Тут уж запахло серьезным, кровушкой запахло и соляжкой, чем заправляют танки и бэтээры. Я и на балкон перестал выходить своей крепости на Хамовническом валу, с которого слышны были в Лужниках вопли одурманенной «свободой» толпы.

И у нас в ГШ ВМФ как-то разом все перевернулось, незыблемая, казалось, твердыня на Большом Козловском приняла вдруг водичку в носовые балластные цистерны и пошла на погружение. Вскоре поступил циркуляр, точнее рекомендация: в связи с нестабильностью в столице являться на службу в гражданском, а в форму переодеваться в служебных комнатах. Дожили, как говорится, приехали. Во флотской форме, добытой нелегкими курсантскими годами, появляться в городе нельзя. И потекли через КПП бывшие командиры с постными лицами в заштатных плащиках, и в кафе «Шоколадница», что у метро «Лермонтовская», сбивалась теперь серая, безликая масса, спасающаяся от стыда и негодования коньяком. Благо «перестройка» на вкус коньяка не повлияла. Превжний был вкус, да и крепость та же.

Я рекомендациями пренебрег, в первое время подкапывал к КПП на своем «жигуленке» в форме, а потом махнул рукой. Наступило время перевертышей. С флотов поползли слухи: там адмирал проворовался, сел в тюрьму, другой толкнул на сторону за хорошие деньги флотское имущество и обогатился. И ведь не тыловики, тем по службе тырить положено, а строевые командиры. Особенно поразили меня политработники, тут уже мутация приняла сокрушающие масштабы. Бывшие марксисты-ленинцы, идеологи и воспитатели, не все, конечно, но многие, быстренько перекрасились. Поменяли партбилеты на иные ценности и через несколько лет трубадуры КПСС стали крупными предпринимателями, пооткрыва-

ли фирмы, фирмочки, пересели из персональных «Волг» в «Мерседесы», да еще с телохранителями. Мне с замполитами на лодке везло, нормальные ребята, бессребреники, не стучали, не боролись за власть, а помогали. Последний мой замполит Костя Зеленцов сдал экзамены на вахтенного офицера и, как все, нес в походе верхние вахты, чем значительно повысил свой авторитет у экипажа. У береговых политотдельцев уже тогда чувствовалась кастовость — свои кадровики, свои наградные листы и иные привилегии. Мой старпом выпорил ящик коньяку, побившись об заклад с механиком, что среди инспектирующих лиц по внешним признакам определит сотрудников военного отдела ЦК. И ведь выиграл спор, коротко пояснив: «В лицах у них что-то специфическое, вроде как на кануне они дерьма наелись».

Осенью восемьдесят девятого года я приехал в Питер (плановая проверка Ленинградской военно-морской базы), созвонился с дружкой своим Левоном Горгиняном, вечером мы сидели в кабинете его старой квартиры у Парка Победы. Левон прожил здесь долгие годы, почти всю жизнь.

Мой приезд совпал с годовщиной смерти жены моего друга, красавицы Мариам, мы изрядно выпили по этому грустному поводу. Левон был сумрачен, зябко поводил плечами и, нервно потирая руки, слушал московские новости.

— В Главном штабе мертвый штиль, шуршит по углам народец, — рассказывал я, шаря глазами по книжным полкам. — Боевая служба свертывается, на флотах воровство, офицеры бегут с кораблей, в Лужниках каждый день митинги...

— У нас то же самое. У Казанского собора до мордобоя доходит. И откуда взялось столько витий, ораторов, крикунов. Демократы, черт бы их побрал! Ладно, это дело не наше. Скажи, ты что-нибудь слышал об операции «Атрина»?

— В общих чертах, в пределах дозволенного.

Я знал об операции немного. Весной 1987 года пять атомоходов эскадры подводных лодок на Северном флоте вышли в Атлантику, поддерживая между собой устойчивый гидроакустический контакт на расстоянии ста миль (факт невероятный, учитывая несовершенство наших гидроакустических комплексов). Лодки благополучно преодолели американскую противолодочную оборону, дока-

зав, что вполне можно прорваться к берегам США и в случае войны нанести ответный удар.

В НАТО начался переполох, сведения попали в открытую печать. В наш отдел пришли переводы статей из норвежских и американских газет. Кое-кто из подводников наверняка уже крутил в тужурках дырки для орденов.

Все это я изложил Левону. Мой ученый друг закурил и, провожая взглядом струйку дыма, сказал:

— Внешняя сторона изложена, как ты выразился, «в общих чертах», но за всем этим стоит весьма и весьма драматическая история, которая, я убежден, будет у нас усиленно замалчиваться. Как ты знаешь, моя специальность — вычислительная техника, непосредственно проблемами гидроакустики я не занимался, но сопричастен, конечно же, был. Компьютеры, то-се. Положение с гидроакустическими комплексами на наших лодках тебе, как командиру, известно.

Я пожал плечами.

— На уровне середины семидесятых годов...

— История как раз и начинается в семидесятых. К этому времени уже стало ясно, что наши гидроакустические комплексы в разы, точнее, в десятки раз проигрывают американским и нужно срочно решать этот вопрос, иначе «ядерный щит Родины» — фикция, не более того. Но ученые из НПО и слышать об этом не хотели, у них своя, незыблемая концепция. Откажись от нее, и сам докажешь свою научную несостоятельность.

— Погоди, мы же плавали и имели контакт с американцами.

— Ну и сколько длился контакт? Минуты! Если честно, успел бы ты привести боевые средства в готовность за это время? Ясно, нет! Слушай дальше. Когда ученые мужи отпали, за дело принялись флотские энтузиасты, талантливые умельцы, рукоделы. И главный закоперщик среди них — выпускник нашего училища старший лейтенант Курышев. Этому старлею удалось сколотить нештатную группу, в которую вошли гидроакустики, разведчики, вычислители — все подводники. Работой группы Курышева заинтересовались первый заместитель главкома, командующий Северным флотом и еще ряд адмиралов и каперангов. Умельцам был дан карт-бланш, выделили место во флотской лаборатории шумности, дали кое-какие средства, а главное, предоставили возможность прокатиться по стране и лично изучить все, что делается по столь важной проблеме.

Эти пацаны пробились к академикам Глушкову, Колмогорову, и те их встретили с интересом, поддержали, помогли раздобыть редкие в те годы компьютеры и другие штуки, необходимые в работе. Курышев разработал математическое обоснование, молодцы создали штуковину, стыковали анализатор с простеньким компьютером, и получилась чудо-приставка. Уже первые испытания дали поразительные результаты: штатный гидроакустический комплекс «Рубикон» потерял цель уже на расстоянии двадцати кабельтовых, а приставка вела лодку-мишень до семидесяти пяти кабельтовых, вела бы и дальше — сдох отечественный компьютер. Поставили два компьютера, провели повторные испытания, и с помощью приставки удалось обнаружить лодку-мишень на расстоянии ста сорока кабельтовых, а атомную на расстоянии более трехсот кабельтовых. «Рубикон» показал результаты в пять раз меньше. Как тебе?

— Круто!

— По флоту выходит директива по установке на лодках этой самой приставки. Дело-то простое, не требующее больших затрат: подсоединил приставку к действующему комплексу, и начинаешь слышать супостата в несколько раз лучше. Что еще нужно? Вот тут-то и начинается главная интрига. Лодки, оснащенные такими штуковинами, начинают засекают иностранные субмарины в наших территориальных водах, а это означает, что нужно принять решение и, прежде всего, политическое: шандарахнуть торпедой по наглomu нарушителю границы или в очередной раз промолчать и утереться? Раньше-то была тишь да гладь, да бодренькие рапорты наверх: морские границы на замке, подводный щит страны непробиваем. А американцы уже в Мотовском заливе плавают, с помощью приставки их не раз засекали. Над Курышевым и его группой стали сгущаться тучи. Ученые и промышленники выказывают недовольство, старший лейтенант с его новациями им как кость в горле, ученых активно поддерживает военный отдел ЦК, деятели которого не раз уже поражали моряков своей некомпетентностью. Стали по-маленьку избавляться от неугодных. Результаты испытаний приставки были названы шарлатанством, к тому же имеющим вредные последствия: «увести лучшую в мире советскую гидроакустику с правильного пути». Флот упорствует, все испытания проводит тайно. Наши подводники гребешком прочесывали океан, и в этот гребешок по-

падали американские атомоходы, и контакт с ними на этот раз длился не считанные минуты, а более десяти часов. И обнаруживали их с помощью приставок с расстояния четыреста кабельтовых. Каково? А знаешь, чем кончилось? Высоколобые научные эксперты, к которым все-таки попали результаты похода, в один голос заявили: «Этого не может быть, потому что не может быть вообще». Все в наших лучших традициях: генетика и кибернетика — чепуха, лженауки и сплошное мракобесие. Когда началась перестройка, Курышева со товарищи турнули с флота, даже пытались отдать под суд, но ребята они упертые, копошатся, что-то там делают, а какой прок? Ничего не меняется.

7

А меня ждало еще одно «столкновение», только уже не в Баренцевом море, а в семье. И по разрушительной силе было оно посильнее первого.

Маришка большую часть времени жила не при нас, родителях, а с бабушкой и дедушкой. Какое-то время обитала в школе-интернате в Мурманске, школ с английским уклоном в Видяево не было. А без этого самого уклона, по мнению Маши, нынче далеко не уедешь. В Мурманск не наездишься, более ста верст, вот и вызревала деваха без родительского внимания.

Маша до поры считала, что так и нужно — девочка быстрее станет самостоятельной, а когда прозрела, было уже поздно. Я дома бывал редко, во всем полагался на жену, а у нее свои заморочки, свой интерес — работа, общественная деятельность. Маришка дичилась нас, от ласк не теплела, рос человечек себе на уме, ни в отца, ни в мать и уж точно не в деда с бабкой. Хотя особых проблем с ней не было, даже в пубертатном, как говорят медики, возрасте. Училась хорошо, тяготение имела к наукам гуманитарным. В Москве дело поправилось, жили уже одной семьей, но опять-таки в роли главных воспитателей оставались дед с бабкой. Я в командировках по пять месяцев в году, Маша раскручивала карьеру экономиста в Госплане, так поперла, не остановить, вот и дали старики слабинку. Но в чем? В безоглядной любви? Любовь не поруха, не баловство, не делает из человека скрытня, готового к широкому нравственному маневру.

Конечно, я хотел еще сына, продолжателя морской

династии, и имя было заготовлено в честь дедов — Алексей, не вышло. И Маринка стала для меня родничком, опустишь в его прохладную воду руку и начинаешь верить в вечную жизнь.

Любовь мою дочь приняла, но как-то сразу установила дистанцию в отношениях, иногда, в разговоре, ловил я на себе ее внимательный, острый взгляд, губы ее вздрагивали в тщательно скрытой усмешке, и тогда казалось мне, что держит она меня за дурачка, что ли. Отношения ее с матерью я бы тоже не назвал близкими, хотя потаенной доверительности было, конечно, больше — женщины, другой пол. Не будет же она мне докладывать о первых месячных или о первой влюбленности.

Но помнится, думать так, анализировать стал я сейчас, когда все уже случилось, выгорело в переживаниях, в ночных бессонных разговорах с самим собой, когда судишь себя с особой строгостью, взвешивая все «за» и «против». И картина складывается неутешительная, с веками выверенными горьким выводом: за все нужно платить.

А тогда ведь ничто не предвещало беды, и беспокоились мы совсем о другом, точнее, беспокоилась жена, а не я, видно, я и в самом деле был и остаюсь, выражаясь современным языком, лохом в житейском смысле. Первые предвестники надвигающихся проблем не заставили себя ждать.

За завтраком, было это в понедельник, я сменился с дежурства и поэтому клевал за столом носом, Маша сказала:

— Тебе не кажется, что Маринка довольно странно себя ведет?

Я от удивления чуть вилку не уронил.

— В чем это выражается?

— А в том. Девица — старшекурсница, хороша собой, одевается со вкусом, а ни друзей, ни подруг. Театр, филармония, институт. Далее — в обратном порядке. Тихоня, синий чулок, монахиня. Меня это настораживает.

— Она же не в финансово-экономическом учится. «Как много девушек хороших», — так ведь ваш вуз именовался. Вот, где девки были лихие.

— Рот закрой, дуралей. Тебе плохая жена досталась?

— Ты — особая статья. Вне критики! Погоди, — я почесал кончик носа, веки набухли, и от усталости гудело в голове, — на той неделе я, проезжая на машине, видел Маришку с мужиком, шли по скверу на Усачевке в сторону метро.

— Обознался.

— Глаз-то у меня, извини, командирский. Не притупился.

— Значит, учитель из школы, где она проходит практику. Коллега! Тоже мне, женишок.

— Учителя так не одеваются. Парень весь в заморской джинсе и в ковбойских сапогах.

— В чем, в чем?

— Ну, такие короткие сапожки на завышенном каблуке. Как у ковбоев из вестернов.

— Гриша, шел бы ты спать. Сейчас со стула упадешь. Откуда здесь взяться ковбоем? Незнамо что мелешь. Я тебе о дочери, а ты шутки шутишь. — Маша обиженно поджала губы.

— Ладно, ложусь. Может, и впрямь померещилось?

Не померещилось. Ковбой заявился месяца через три. И появлению его удивился, пожалуй, только я. Маша с Мариной давно уже за моей спиной все обговорили и взвесили. Маришка, любимая доченька, поцеловав меня, сообщила в пятницу вечером:

— Папа, завтра к обеду у нас гость. Отнесись к визиту серьезно.

— Не понял.

Тут Маша встряла:

— А что тут понимать? Марина хочет представить нам своего жениха.

Меня как колом по башке садануло. Попытался отшутиться:

— Форма одежды парадная, при кортике?

Жена усмехнулась.

— Вольно, товарищ капитан первого ранга. Форма одежды партикулярная: светлые брюки, рубашка в полоску. Та, что я тебе недавно купила. Все выглажено, висит в шкафу.

— А на ноги что?

— Не выпендривайся, отец. Подумай лучше, чем гостя будешь потчевать. С утра двигай на Усачевский рынок, список покупок я тебе составила.

— Раньше не могла предупредить?

— Сама недавно узнала. Ты только в споры политические с парнем не вступай, лучше внимательнее приглядись к будущему зятю. Опыт работы с личным составом у тебя есть, в людях разбираешься. И еще учти, человек он гражданский, к нему со стандартной меркой подходить нельзя.

У меня впервые защемило сердце. Не скрою, была у меня мечта — зятем станет офицер флота, раз уж сына нет, а внук родится — той же дорогой пойдет, в родную «систему» на Васильевском острове. Сколько раз представлял себе, как иду я по набережной Невы, солнышко светит, корюшкой пахнет — свежий огуречный дух в воздухе, а навстречу мне первокурсник в ладном бушлате с золотыми якорями на погонах, ветерок треплет ленточки на бескозырке. Господи, да после этого и помирать не страшно!

Мечты, мечты, где ваши звуки? Ковбой на этот раз был не в джинсе, а в бархатном черном пиджаке, каких я сроду не видывал, светлых брючках, остроносых мокасинах, без галстука, рубашка вольно так расстегнута и все сидело на нем свободно, ладно. Помню, в голове тогда у меня сверкнуло, что никогда я не умел так свободно носить гражданское шмотье, да и не научусь теперь. А когда было учиться? То парусиновая курсантская роба, что после стирки стоит колом, то ватные штаны, сапоги и канадка из дубленой свиной кожи. Парадную форму несколько раз в году надевал в праздники и во время строевых смотров. Это уже в Москве, на штабном паркете пришлось нарядиться в тужурку, скроенную в швальне на Дорогомиловке, в зауженные брюки и штиблеты с резинкой облачить. Идешь, бывало, по бесконечным коридорам ГШ, а каблуки цок-цок, как копытца у козла.

Справившись с формой одежды, оглядел я и самого жениха. Парень крепкий, спортивный, ростом чуть ниже Марины, отсюда и завышенные каблуки на мокасинах. Лицо загорелое, словно вернулся с юга, шатен, а глаза черные с этакой поволокой. Не красавец, но есть в нем, как любит говорить Маша, этот... шарм. Глянет такой ковбой на девку, и та кипятком писать начинает. Словом, пропала Маришка. Кранты.

А жених тянет мне руку.

— Аркадий.

— Григорий Алексеевич.

— Очень приятно.

Рука у Аркадия хоть и узкая, но сильная, жесткая. Я терпеть не могу вялых, как дохлая рыбина, рук. Еще плюс. Понравилось, что жених не стал ерзать в прихожей, сдирать обувь, как у нас принято. Вошел в гостиную спокойно, не вошел, поплыл, точно на воздушных.

Не мог не отметить я реакции на гостя и у моих дам. У Маринки на лице застыло глуповато-влюбленное выра-

жение, глаза лучились, казалось, щелкни сейчас женишок пальцами, она зайдется ненатуральным смехом и сделает антраша или спляшет собачий вальс. Не без горечи я отметил: все у них уже было, и не раз. Такого опытного мужика, как я, не проведешь, дело ясное. Аркадий имеет над моей дочерью власть, от которой ей уже не избавиться.

Старуха моя, приняв было боксерскую стойку, расплылась в улыбке, не фальшивой — Маша врать почти не умела. Если кто ей не глянется, все, церемониться не станет, а тут и сама, видно, уже готова завальсировать, подключить женское обаяние.

Далее смотрины покатались по точно расписанному сценарию. Аркадий кушал, ловко пользуясь приборами, умеренно поддерживал светскую беседу, словом, был непринужден и не чувствовал себя стесненно.

Я налегал на водочку, жених ограничился сухоньким, да и то одолел один фужер — неплохо, хотя мужики, не пьющие водку, всегда вызывали у меня недоверие. Так ведь куда денешься? Сам-то я выращен на «шиле».

Маша, похоже, совсем потеряв голову, носилась на кухню, стуча каблуками по паркету, как курсант «гадами»-ботинками из яловой кожи — по железным полам. В хмельной дымке застолья отметил я один таинственный факт. То, что молодые, сидя рядом, все время старались прикоснуться друг к другу — нормально для влюбленных, хорошо еще, что жених, как сейчас принято, не лапает невесту за коленки при родителях. А вот один эпизод смутил меня. Вилка у Аркадия вдруг исчезла, электро-вспышкой вспыхнула под потолком — я ожидал, что она со звоном упадет на пол, с кем не бывает. Но вилка исчезла, растворилась в пространстве. Аркадий слегка поморщился, полез во внутренний карман пиджака и оттуда... достал другую, а может, ту же самую. Такого быть, конечно же, не могло, потому я решил перейти с водки на минеральную воду.

Пока женщины убрали со стола, доставали из стенки кофейный сервиз — предстояло пить кофе с коньяком, как принято в лучших домах Лондона, мы с Аркадием вышли на балкон.

Погода в конце апреля стояла теплая, ни ветерка, Новодевичье кладбище уже подернулось зеленью, макушка колокольни золотилась на солнце. Я ничуть бы не удивился, если бы Аркадий из кармана бархатного пиджака

извлек сигару, но он вытащил пачку «Мальборо», тоже неслабо против моего «Пегаса».

Закурили. Я отметил, что жених не курильщик, так, за компанию дымит, не затягиваясь. Чувствовалось, что он с трудом сдерживает волнение.

— Григорий Алексеевич, я предпочитаю прямой разговор, не скрою, я пришел просить руки вашей дочери. Уж простите за церемонность, по-другому не умею. Но вы должны кое-что обо мне знать. У меня, как минимум, два серьезных недостатка.

Я насторожился.

— Первый — профессия, — продолжил будущий зять, — я артист цирка на Цветном бульваре. Акробат, клоун-эксцентрик, жонглер. У меня свой номер. Зарабатываю неплохо, особенно во время заграничных гастролей. Второй недостаток, пожалуй, похуже — по отцу, а значит и по паспорту, я еврей. Мама русская. Фамилия моя — Шик, и это не артистический псевдоним, а подлинная фамилия. Папа — потомственный циркач, в последние годы работал режиссером отдельных постановок, писал скетчи, репризы. Был... Мамы нет шесть лет. Как видите, сальдо не в мою пользу, но я люблю Марину и постараюсь сделать ее счастливой. Все...

У меня затвердели скулы. Я затаился и подумал, что ожидал нечто в этом роде. Почему-то мне стало жаль парня.

— Послушай, зачем все это? Артист, еврей? У меня на лодке одно время механиком плавал Сеня Либензон, мы дружили домами. Мужик железный, в любых ситуациях не терялся, с ним в море я был спокоен. И потом, на моей субмарине каких только национальностей не было: армяне, грузины, абхазы, эстонцы, казахи. Был даже немец, трюмный, Костя Ледков. Когда ты в прочном корпусе, важно, какой ты человек, ведь от тебя зависит судьба всего экипажа.

— А как же пятый пункт?

— Тут перебор есть, согласен. Но Сеня Либензон дослужился до флагмеха флотилии, первого ранга получил. Сейчас преподает в училище. А что касается профессии, так это вообще ерунда. Не вор же в законе, а творческая личность. Никулин — клоун, народный любимец и мужик, говорят, очень душевный. Не это главное.

— А что?

— Чтобы любили друг друга и жили миром.

Свадьбу, по настоянию Аркадия, сыграли тихую, домашнюю, без колготки, гостей, пластиковых пупсов на бампере лимузина, разных там ленточек, зато уж цветов было море разлитое. Полыхала, дурманя запахом, сирень — в тот год ее было много. Розы стояли в вазах по всем углам, были и диковинные цветы — орхидеи в прозрачных коробках, часть цветов переместилось на мой командирский мостик — балкон, и выглядели они флагами расцветивания, как в День Военно-Морского Флота.

И стол задался на славу. Даже маринованные миноги были, про икру я уже не говорю — и черная, и красная, и даже какая-то желтая. Девки мои с ног сбились, гоняясь за разносолами. На Усачевском и Тишинском рынках джигиты со мной даже здоровались, сами подбирали баранину и телятину. Платье на Маришке аж из Франции, чуть ли не от известного кутюрье. Просто, без излишеств, но за кабельтов видно, дорогое — Аркадий привез его из заграничных гастролей.

Не скажу, что я очень уж сблизился с зятем. Люди мы из разных миров, но не мог не отметить его положительных качеств. Он любил Маришу, заботился о ней, их трехкомнатную кооперативную квартиру (я бывал там раза три за все годы) Аркадий перестроил, сменил мебель, получилось что-то вроде современного жилья на западный манер. Признаться, я в этом мало разбираюсь. Наша хаза в доме на Хамовническом валу мне нравилась больше — понятно, что к чему. Да и перемен я не люблю.

В нахимовском училище в младших классах нас часто водили в цирк. Мне особенно нравились клоуны: коверные и эксцентрики, в них было что-то близкое, пацанячье, расхристанное. С красными носами, в широченных клетчатых штанах, они играючи смешили публику. Вольницей от них веяло, хулиганством, а наши юные души, стиснутые подогнанными форменками, тянулись к свободе. Мы были детьми войны, не избалованными зрелищами, и потому хохотали до икоты.

А вот Аркадия в роли клоуна я представить никак не мог. Всегда элегантно одетый, сдержанный, молчаливый, не вписывался он в веселую клоунаду. Возможно, клоуны в обычной жизни все такие. На представления с участием Аркадия ни я, ни Маша так ни разу и не пошли. Он не приглашал, а проявлять инициативу мы не стали из осторожности.

В отношениях с зятем ничего тревожного не проглядывалось, и дочь не беспокоила, хотя между нами вырос

незримый барьер — молодые отдалялись все дальше и дальше, и рождение внука ничего не изменило. Единственное, в чем уступили молодые, — назвали мальчика Алексеем.

Мои тесть и теща внука не дождались, ушли в один год, тихо, без мучений, хорошо, что успели до перестройки. Не пережить бы им горя, что рухнуло на нас, когда молодые свалили за бугор. Потом-то выяснилось, что Маша о многом догадывалась, берегла меня, не говорила. Скрыла, что Аркадий накануне отъезда продал квартиру с выплаченным паем, семья временно переехала в пустующее жилье друга, тоже артиста, и стали они готовиться к отъезду. Готовиться скрытно, в заговоре участвовали не только взрослые, но и внук. Малец, а словом не обмолвился, не проговорился. Молчун, весь в отца.

Официальная версия выглядела вполне правдоподобно: Аркадий уезжает в США на гастроли, берет с собой жену и сына, пусть прокатятся, мир посмотрят, а то ведь сидели за «железным занавесом», не продохнуть. Гастроли продлятся три месяца, затем домой. Польза очевидная: Марина и Лешка попрактикуются в языке, а он зарабатывает денежек, и не «деревянных», а в надежнейшей в мире валюте. Чем плохо?

Представить себе, что Марина об этой афере не знала, не могу, более того, допускаю мысль, что это ее инициатива. Последующие события подтвердили это предположение.

Из первых писем Мариши из США, восторженных, отстуканных на компьютере, мы узнали, что молодые путешествуют по юго-восточным штатам, гастроли в небольших провинциальных городах: чистота, покой, магазины ломятся от изобилия, и никаких тебе митингов и ГКЧП. Свободная демократическая страна, населенная исключительно добрыми, отзывчивыми людьми. В России такого никогда не было, да и не будет.

Через два месяца тон писем изменился. Дочь готовила нас к главному событию, из-за чего и затеяна была эта канитель. И вот бах, как кулаком под дыхало: работодатель, который подписывал контракт на гастроли, разорился, застряли в Колумбусе, труппа бедствует, те, у кого были деньги, улетели в Россию. Часть осталась, в том числе и Аркадий с семьей, от добра добра не ищут.

Потом уже, спустя годы, удалось более-менее восстановить подробности их заграничного бытия. Аркадия взяла

под покровительство еврейская община, помогла выправить вид на жительство, грин-карту, устроить семью, выбить пособие. Евреи, не то, что мы, русские, своих в беде не оставляют. Молодые сняли недорогую квартиру на окраине Колумбуса, второго по величине города в штате Джорджия. Мариша при своем высшем образовании пошла в услужение, семья богатых баптистов взяла ее в качестве бэби-ситора, по-нашему нянька при детях, оплата три доллара в час, сводить концы с концами можно. А вот у Аркадия дело не заладилось. Кому в США нужен клоун, пусть даже еврей? У них своих клоунов, да и евреев предостаточно. Пошел в строительную фирму слесарем-сантехником. Это при его-то гоноре, бархатных пиджаках и артистических манерах! Но о том, чтобы вернуться в Россию, и речи быть не может. «Мы вышлем вам деньги, дачу продадим! — орал я через океан в телефонную трубку. — Только возвращайтесь!» Зять холодно и сухо ответил: «Григорий Алексеевич, мы сделали свой выбор, так что разговор на эту тему бесполезен». Голос у него тогда еще был твердый, уверенный. Но талант, как известно, не только благо, но и червоточина, душа-то обнаженная, тонкая. На Родине Аркадий аплодисменты в цирке срывал, веселил людей, отвлекал от горестей, делал нравственную работу, а тут водопроводные трубы, канализация, унитазы и эти долбаные «джакузи», на которых тронулся умом наш российский обыватель из разбогатевших. У тебя и автомобиль, и кредит в банке, и сын в престижной школе учится, а внутри пустота, неудовлетворенность, злой зверек поселился, грызет, высасывает душу. Короче, зятек мой стал попивать, а в Америке это дело не поощряется, с работы турнули, и покатился он под уклон, по буеракам и кочкам, и через два года, пьяный, расшибся о дерево. Я-то думаю, не авария это была, не дорожно-транспортное происшествие: умышленно свел счеты с жизнью Аркадий, чем совершил тяжкий грех. Так и закончилась для него свободная житуха в свободной стране.

Тут бы самое время вернуться Марише с сыном домой, дома и стены помогают пережить беду, но, выходит, не знал я своей дочери, не учел ее характера. Маша метнулась в Колумбус уговаривать, какое там, дочь и слышать не хочет. К тому времени Марина окончила компьютерные курсы, еще где-то подучилась, и ее взяли менеджером в крупный супермаркет. С солидным окладом. А как

мужа похоронила, у нее появился бой-френд, и не какой-то там сантехник, а пожилой вдовец, бизнесмен, миллионер — вилла во Флориде, собственный самолет, яхта. Как тут устоять и без того неустойчивому человеку?

Внучок наш Алеша благополучно закончил школу. Дальше учиться не пожелал, устроился кассиром в закусочной «Виндоу» — сеть этих закусочных рассыпана по всему миру, вроде «Макдоналдса». Погоревали мы с Машей, погоревали, да смирились. Точнее, смирилась жена, я — нет. В день, когда получили мы от дочери отлуп, подал я рапорт на увольнение, офицеров тогда не задерживали, тем более что пенсию свою я давно уже выслужил. Без дела не сидел, одноклассники пристроили меня в одну фирму, работающую на флот.

Прошло несколько лет — и новый удар. Возвращаюсь однажды вечером, а Маша сидит зареванная, на столе письмо, рядом початая бутылка коньяка. Я ни разу не видел жену плачущей, от страха колени подкосились. Значит, горе. Бытовухой ее не прошибешь.

— Садись, Гриша, выпей.

Я стакан ополовинил, молчу.

Маша слезы платочком вытерла и говорит:

— Я от тебя, прости дуру, многое скрывала, а теперь, считаю, незачем. Внук твой в армию записался, по контракту.

— В какую армию? — от растерянности у меня в голове помутилось.

— Соединенных Штатов, естественно. Спецподготовку прошел, и его в Ирак кинули.

— Быть того не может, чтобы мой внук...

— Может. Ты выпей, сердце побереги. Вот смотри, — и сует мне фотографию.

На фотографии заснят бравый морпех в полной выкладке с автоматической винтовкой. Рядом танк, крашенный в желтый цвет, прямо с экрана телевизора. Лицо у морпеха вроде Алеши, а будто и не его. Самодовольный парень, глаза в хищном прищуре, вроде кого-то уже на мушке держит. Я не сдержался, заплакал. Такое горе накатило, коньяком не разбавишь. У Маши плечи дрожат. Впервые я тогда отметил, что у нее волос седой стал пробиваться.

Крепко я тогда надрался. А утром Маша слегла — сердце. Вызвал неотложку — гипертонический криз, положили ее в Центральный военно-морской госпиталь. Взял я отпуск, три недели мотался на машине в Купавну, где

этот самый госпиталь расположен, бульоны навострился варить, фрикадельки на пару готовить. В термосах, кастрюльках возил — в госпитале кормили не очень, да и диету ей прописали такую, что ноги волочь не будешь. Постепенно оттаяла жена, только осунулась очень и блеск в глазах потух. Что же это делается? Дочь, считай, потерял, а теперь и внука отняли, сволочи. Гвоздила, грызла изнутри мысль, что у меня, боевого командира, внук — американский солдат, Ирак разоряет. Выходит, зря я в автономки ходил, во время «холодной войны» американцам противостоял, а они меня через самое дорогое, семью, голой рукой придушили. И такая на меня тоска накатила, жить не хочется. Маша оклемалась, и к концу зимы опять в Колумбус подалась. Полтора месяца, пока она отсутствовала, я вроде как и не жил, существовал в каком-то ином измерении. О беде своей никому не сказал, даже Левону, ему-то зачем переживать лишний раз, своих бед достаточно, один остался на старости лет.

Человек — существо стойкое, многое может пережить, со многим смириться. Смирился и я. Но дал себе зарок: за океан ни ногой. Не выдержу, лететь назад ногами вперед не резон. Маша, чтобы взбодрить меня, уже не раз подходила то с одной, то с другой стороны. Мол, брось ты принимать эту историю близко к сердцу. Время такое, дети по всему свету разбежались, это их жизнь, их выбор, пусть живут, как хотят. Что это, единственный случай?

Может, и так. И время другое, и случаев таких не пересчитать, а от ощущения, что от меня отсеки часть меня самого, отделаться не могу. И ноет укороченная часть, как ампутированная нога, — ноги нет, а фантомные боли остались.

* * *

Отголосок столкновения с американской подводной лодкой в далеком семьдесят втором году докатился до меня в мае 2005 года. Маша, вернувшись из очередного вояжа в Колумбус, привезла мне книжку на английском языке о катастрофах американских и советских подводных лодок во времена «холодной войны». Обложившись словарями, я одолел ее за полтора месяца. Книгу написал американский журналист, и в ней было немало неточностей, а то и просто ляпов, но в целом аварийные ситуации были изложены более-менее достоверно.

Одна глава потрясла меня. В ней я обнаружил массу со-

впадений. В частности, совпадало место столкновения моей лодки с американской атомной субмариной — Баренцево море. Совпадали широта и долгота неподалеку от полигона, да и многое другое. Только теперь я смотрел на столкновение глазами командира американской атомной лодки.

В начале июня 1972 года американская подводная лодка типа «Тотог» патрулировала в советских территориальных водах, поджидая нашу лодку на выходе из Видяево. Перед командиром стояла задача проследить за испытаниями новой советской крылатой ракеты.

В книге была приведена краткая биография командира Брюса Олдингтона. И нужно сказать, была она довольно необычной. Вначале обучался он на биофаке университета штата Джорджия, собирался исследовать интимную жизнь скорпионов в пустынях, но тут случилась Вьетнамская война, и он пошел на нее добровольцем, стал подрывником в спецназе, а оттуда, поверить трудно, прямиком в командирское кресло дизельной подводной лодки. Но теснота отсеков и грохот дизелей не пришлись ему по вкусу, и он перешел на атомоход. Не в качестве рядового офицера или старпома, а сразу командиром. У нас карьера командира довольно типичная: училище, дальше прохождение службы по всем этапам, командирские классы, многочисленные зачеты, экзамены, и только тогда ты допущен к «телеграфам». А Брюс Олдингтон просто так, самоучкой, стал командиром атомохода, от выдвинутых устройств до киля нафаршированного современной электроникой. И привычки у мужика были странные. Пил кофе без кофеина, лопал грецкие орехи килограммами — берег здоровье. Зато в базе мог перебить любого члена экипажа, включая матросов-трюмных, что неоднократно, судя по жизнеописанию, доказывал. Двухметровый сорокатрехлетний атлет, бывший боксер, обладал рыкающим голосом, от которого офицеры и матросы нередко впадали в ступор. Притом был добр, отважен и считался одним из лучших командиров Атлантического флота. В центральный пост Брюс являлся не иначе как в банном махровом халате. И хоть бы что, ни тебе вызовов на партбюро, ни выволочки на парткомиссии за нестандартное поведение. Команда его чудачествами даже гордилась, а начальство смотрело сквозь пальцы, главное — дело.

Итак, если верить автору книги, Олдингтон засек советскую лодку типа «Эхо» (по американской классификации) у выхода из базы и начал ее пасти. «Эхо», следуя в

подводном положении, взяла курс на северо-восток, совершая маневр, который американские моряки называли «подводными танцами казаков», то есть делала резкие повороты и изменения глубины, иногда выписывая восьмерки. Несмотря на опасность столкновения, американская субмарина не отставала. Вскоре слежение превратилось в обычную рутину, и Олдингтон отправился спать. Спать ему все же не пришлось, старпома смутило, что лодка, находясь на глубине 40—60 метров на средней скорости 12—13 узлов, почему-то все время приближалась к «Эхо». Командир разобраться не успел...

Далее пошла хренотень. Либо не моя лодка поцеловалась с «Тотог», либо журналист присочинил. Удар, как он пишет, был такой силы, что спящие посыпались с коек, дальше — больше, экипаж услышал жуткий грохот над головой, советская субмарина винтами проскрежетала по носовой части «Тотог», ухитрившись согнуть один из горизонтальных рулей на рубке. Случись такое на самом деле, я бы, как минимум, остался без одного винта, дизель бы пошел в разнос, сорвал муфты, и в прочный корпус хлынула бы вода. Конец! А я ведь своим ходом в Видяево пришел, имея повреждение легкого корпуса. И всплыл без паники, в штатном режиме.

Совпадений, между тем было много, такого с кондачка не выдумаешь. Присочинить журналист мог, не скрыв, однако, что американец всплывать не стал, чтобы обозреть поверхность — вдруг кто-то из русских моряков в живых остался после столкновения, — а с ходу рванул с места происшествия, как пьяный водитель, сбивший на переходе старушку. И рванул Олдингтон из точки столкновения потому, что произошло это в наших территориальных водах, — на хрен ему международный скандал.

Командир «Тотог» отделался легким испугом, его даже повысили в должности, но путь к адмиральским звездам ему все же был закрыт. О его дальнейшей судьбе в книге говорилось скупо: через несколько лет уволился из ВМС и переехал на жительство в... Колумбус. Круг замкнулся. Не исключено, что отставной командер Брюс Олдингтон живет по соседству с моей дочерью, и они ходят друг к другу в гости.

* * *

Я почти лишен воображения. В деле, которым я занимаюсь, это непозволительная роскошь. Хотя и жаль. На-

пример, я не могу представить город Колумбус, где по закону запрещается резать кур по воскресениям, не представляю свою дочь сорокалетней. Маша утверждает, что Марина очень похорошела, вошла в женскую силу, так же стройна, изящна — аэробика, специальные тренажеры, диета, на которой помешана вся Америка.

Я не могу представить ее в стеклянном офисе огромного супермаркета, отдающей распоряжения многочисленным сотрудникам. Я помню ее неуклюжим подростком на катке, залитом в ЦПКиО имени Горького: вязаная шапочка, розовые от мороза щеки, на тонких ножках фигурные коньки. Музыка, снег и огни, отраженные в отполированном льду. Старшеклассница, студентка педагогического института не сохранились в моей памяти. Точнее, сохранились, но как-то общо. Жила, училась, как все, и вроде бы все в ней было ясно. А вот та, новая Марина, сидящая в салоне джипа или позирующая на борту белой яхты, мне чужда и непонятна.

Сколько раз я пытался вообразить ее бой-френда, пятидесятишестилетнего миллионера Джека Галагана — глухо. Рисовался этакий загорелый ковбой с узким, рассеченным морщинами лицом, в джинсах и техасской шляпе. По утверждению Маши, Галаган милый, обходительный человек, влюбленный в Марину. Он несколько раз уже делал ей предложение, она пока воздерживается, причина — Джек пьет. «Он может за вечер выпить три двойных скотча», — с усмешкой сказала Маша, повторяя слова дочери. Это что-то около двухсот грамм на наши мерки. Ужасающая картина. Я в компании друзей и сейчас могу усидеть поллитровку «Флагмана» и хоть бы что. Я вполне мог бы с этим Джеком потягаться. Галаган сам водит самолет, управляет яхтой и занимается дайвингом, то есть подводным плаванием. Интересно, когда он успевает работать? У него, по словам моей жены, огромный и распространенный бизнес: нефть, отели, рестораны, дилеры, брокеры и разные шпокеры. Он мог бы сделать счастливой молоденькую фотомоделю или кинозвезду, но он любит только мою дочь, и в этом что-то есть. Во всяком случае, душа в нем явно присутствует. Видно, я безнадежно отстал от жизни и многого не понимаю. Прими я ценности дочери, наверняка бы мог сейчас фланировать вдоль пляжа во Флориде в белых штанах, покуривая толстенную сигару. Занятная картина. Не могу. И тоже по причине душевного порядка. Меня не переделаешь, и

Маша, похоже, с этим смирилась, она перестала показывать мне фотографии, а ее рассказ о поездке в США ограничивается теперь перечнем покупок. Так лучше обоим. Может быть, я и не прав. Мое поколение прожило на ветреном политическом юру, но такие слова, как Родина, Честь, Долг для меня навсегда остались значимыми. Надо думать, для моей дочери эти слова не более чем пустой звук. Внук — жертва обстоятельств, его так воспитали. Беспризорные огольцы с площади трех вокзалов в Москве мне более понятны, чем он, морпех армии США.

После истории с внуком Маша зачастила в церковь, ходит на утреннюю литургию и иные службы во время праздников и в родительские субботы. Возвращается притихшая, просветленная, с покрасневшими от слез глазами. И вроде как характер у нее стал мягче, смиреннее. Меня эти превращения стали поугивать. Я же после того, как увидел по телевизору, как церковные иерархи лобзались с Ельциным, в церковь перестал ходить. Там, где политика, подлинной веры нет и быть не может. Впрочем, церковь всегда была при власти, служила ей.

Отвратил меня от церкви и еще один, давний уже случай. В ту пору храм Христа Спасителя только еще отделялся, и службы шли в правом приделе. Я и зашел туда. Гляжу, стоит очередь, в основном старухи, старики, но есть и молодежь. Очередь копилась перед столом, за которым служительница с постным лицом, в платочке под самые брови принимала пожертвования на восстановление храма. Фамилии жертвователей записывала в толстую книгу. Дело, конечно, святое. Лучше храм, чем бассейн с облаком пара над ним, где повизгивающие купальщики выглядят грешниками в аду. Встал в очередь и я. Впереди меня старушка, бедно, но чисто одетая, по виду учительница на пенсии. Лицо у нее бледное, с запавшими висками, видно, питается скудно — много ли разносолов можно себе позволить на ничтожную учительскую пенсию? А в ее усохшей, тронутой старческой крупной руке зажата десятка. Может, последняя, завтра хлеба будет не на что купить, а ведь тоже хочется поучаствовать в благом деле. Дошла ее очередь, а служительница, глянув на купюру, пошмякала шубами и говорит: «Батюшка велел записывать только тех, кто двадцать рублей и более на храм Божий пожертвует». Я опешил, а старичок за мной возмутился: «Как же так? Прежний храм на народные копейки строился. И сколько лет простоял, пока его христопро-

давцы не взорвали. Да принеси сестра трудовую копейку, вы и так обязаны ее фамилию вписать в книгу. Нет в вас святости, а батюшка ваш иному богу служит, Мамоне, если вы про такого слыхивали». Повернулся и пошел, шаркая стоптанными подошвами, отрешиваясь, как от нечистой силы. А я вслед за ним. Вернулся домой, рассказал Маше, она огорчилась, посуровела: «Да пойми же ты, народу без веры нельзя. Куда же ему еще податься? Люди и так спиваются, облик потеряли, вымирают миллионами, другие в сектантство ударились, наркотики, чтобы от реальной жизни ускользнуть, забыться. А восстановить церковное дело после стольких лет гонений непросто. В церкви, в монастыри случайные люди хлынули, из безбожников, на сытость, на горяченькое их потянуло. Сатана тоже ведь из падших ангелов. Много лет должно пройти, чтобы от всей этой накипи очиститься. Ведь были же и Серафим Саровский, и Сергей Радонежский».

Я отмолчался как обычно. Может, и права она, но мокрогубая служительница, собирающая народные пожертвования, так и стоит перед глазами.

Минувшей осенью поехала Маша на экскурсию в старинное село Микулино, что на стыке Московской и Тверской областей, где в четырнадцатом веке процвело Микулинское княжество, от которого остались крепостные валы и собор с усыпальницей местных князей. Зачем жене это понадобилось, без понятия, видно, по той же причине — забыться, найти утешение. Она и в Псково-Печорском монастыре была, и в Оптиной пустыни, и где-то еще. Я от этих поездок уклонился, не тянет меня. Еще книгу почитать — ладно, и то больше читал я сочинения Валентина Пикуля: живо, занимательно, остро, и исторические персонажи как живые.

Так вот к чему я об этой поездке. Из Микулина Маша привезла удивительную историю, точнее легенду. В Микулине есть психбольница, оно и понятно, сумасшедших нынче от «свободной жизни» много прибавилось. Главным врачом больницы был человек незаурядный, знаток культуры, ценитель древности, энтузиаст. Так вот он — фамилию жена не запомнила — усилиями персонала психбольницы перестроил заброшенный клуб, превратив его в сельский музей, галерею живописи. Нашлись и спонсоры. Картины дарили художники, многие стали теперь знаменитостями, кое-что собрали по местным деревням — пейзажи, портреты, натюрморты, чудом сохранившиеся из

помещичьих усадеб, уцелевшие от рук воров и черных собирателей икон. И потекли в этот музей отовсюду туристы, автобус за автобусом, наши и иностранцы.

Среди картин была одна, вроде неприметная, но зато с удивительной историей. На картине была изображена пожилая женщина в платочке, рядом на столе простая вазочка с пушистыми ветками вербы, на столешнице рассыпаны подснежники. Самым важным в портрете, писанном с безымянной старушки, утверждала Маша, были глаза, как на иконе, — светлые, внимательные, укрепляющие душу. Экскурсовод рассказала, что портрет написала неизвестная художница, перед самой войной гостила она в здешних местах, и доставили его из ближней деревеньки. Церкви вокруг в двадцатые-тридцатые годы были порушены, иконы сожжены, и молиться верующим было негде. И вот, когда накатил немец, деревенские бабы повесили эту картину в красном углу избы, перед ней укрепили на гвозде самодельную лампадку и стали молиться за победу русского воинства. Случилось чудо: мужики, призванные на войну из деревни, вернулись домой целые и невредимые. А в соседних деревнях воины все, как один, полегли. Такая легенда. В церкви картину по канону выставлять не положено, отдали в музей, так туда местные ходят теперь частенько, чтобы украдкой помолиться. Призадумался. Кажется, Достоевский сказал: «Изымите из русского человека Бога, и он превратится в зверя». Не этому ли сейчас мы являемся живыми свидетелями? Только ведь зверь — хищник; если сыт, он просто так не убьет, тигра в голубой цвет не перекрасишь, на содомские штучки его не развернешь, зверем управляют разумные инстинкты, выработанные эволюцией. А человек? Тут, как говорят нынешние журналисты и просвещенные деятели, без комментариев.

К подлинной вере, как я думаю, можно прийти только на гребне полной душевной открытости, искренности, а не под влиянием моды и обстоятельств. Как-то зашел я в церковь Иоанна Воина на Якиманке и встретил там видяевца, бывшего бригадного комсомольца, стоял тот со свечой, суетливо крестился и, судя по шевелящемуся рту, даже подпевал церковному хору. Узнав меня, расцеловал по-христиански и без тени смущения сообщил: «Надоумил Господь прийти к вере. Крещен был недавно, теперь грехи отмаливаю». А я, хоть

убей, не верю, что на нетерпимого атеиста, богохульника вот так сами собой снизошли благодать и просветление ума. Скорее, изменилась обстановка, и он изменился.

8

Маша стала неохотно выезжать на дачу. Меня никогда особенно не тянуло к земле, моя страсть — рыбалка, закатиться километров за двести на Волгу, посидеть с удочками, похлестать спиннингом, а потом покемарить у костерка. К тому же вид опустевшего старого дома, грядок, затянутых снытью и крапивой, неухоженных яблонь нагонял тоску.

Дачу сначала сдавали — дело хлопотное, ремонт, договора, да еще неизвестно, какие съемщики попадутся, в Подмосковье обосновались разного рода темные людишки. Ко второй половине девяностых годов вокруг нашего участка вспухли, забираясь в небо, каменные особняки новых воротил, нуворишей, и вместо умерших милых соседей накатили надутые, высокомерные бабы из бывших маникюрщиц и рыночных торговки да ражие мужики в малиновых пиджаках, а местный люд покорно потянулся к ним в услужение.

Годика через два после дефолта Маша за хорошие, как сейчас выражаются, бабки продала родовое «имение» и, пользуясь близостью к банковым кругам, выгодно вложила средства в какие-то бумаги, депозиты, и стали мы вроде как средним классом, рантье, состригателями купонов. Все, как говорится, кока-кола! Если бы не душа, напоминающая пробоину в легком корпусе с развороченными острыми краями.

Маша вернулась в конце апреля, а в мае, сразу за Днем Победы, мы, препоручив соседям квартиру, укатили под Анапу, где каждый год у знакомой хохлушки Евдокии снимали хату-мазанку, стоящую в саду. Комната с печкой, летняя кухня, душевая кабина — чисто, прохладно. Что еще нужно?

Дом Евдохи стоял на высоком берегу, в стороне от шумной курортной Анапы, до моря нужно пройти, да ведь прогулка только на пользу. Завтракали и ужинали дома, обедали в рыбных ресторанчиках, пиццериях, где понадежней. Анапу нынче не узнать, помаленьку становится она курортом, уж, по крайней мере, турецкого уровня. Усадьба деда Мартироса не сохранилась, на том месте нынче торговый комплекс, один за другим отошли в мир

иной родичи Левона, и сам он лет уж десять не появлялся в Анапе, врачи запретили ездить на юг. Жили мы с Машей у самого синего моря до середины сентября. Хорошо было вечером посидеть на скамейке, море напоминало театральную декорацию — таким необыкновенно ярким, красивым было оно, густеющую синь постепенно оживляли огоньки, среди них различал я ходовые огни судов. Светила тоже были необыкновенно крупными, объемными, ночное небо напоминало звездный атлас. Думалось отстраненно. Иногда казалось, что мы с Машей одни в опустевшем мире: нет ни дома на Хамовническом валу, что торцом глядит на кладбище, где гении, яркие таланты лежат рядом с негодяями государственного масштаба, нет ни Колумбуса, ни предательницы-дочери, ни внука-перевертыша. А коли нет, нет и боли, нет душевного смятения и греховных мыслей о бессмысленности, пустоте жизни.

Из садов накатывал духовитый ветерок, пахло нагретыми на солнце сливами, политой к вечеру землей, дымком летних кухонь.

Вернувшись в Москву, недели две обвыкали, отзванивались знакомым, а потом, чтобы оттянуть надвигающуюся осень, срывались в Турцию или в один из уголков Испании.

Связь с Видяево поддерживалась, информация приходила теперь уже от сыновей моих однокашников и была она горькой и неутешительной. В девяностые годы рушилась страна, рушился и флот. Необузданный президент с испытанным лицом вкупе с младореформаторами резали боевые корабли на металлолом, выполняя обязательства перед своими заокеанскими кураторами. При этом размывалось самое главное и ценное — моральные основы флотского содружества, гасли выстраданные веками традиции.

Разгильдяй матросик на родном атомоходе отхватил кусок кабеля из системы управления ракетами и загнал его на сторону. Хорошо еще, что лодка не находилась на боевом дежурстве. А разворотливый мичманок с компанией уродов пошел еще дальше — спер со склада и продал целый арсенал: автоматы Калашникова, пулеметы, гранатометы, боезапас к ним. Вовсю приторговывали и государственные мужи из различных фондов. Лодку 651-го проекта, которой я командовал, способную нести боевую службу, толкнули финнам что-то за сто восемьдесят ты-

сяч деревянных, а те, по слухам, переоборудовали ее в доходный ресторан. Другая субмарина упокоилась в музее американского города Провиденс в качестве символа лихой победы в «холодной войне». А когда погиб «Курск», всему миру открылся гарнизон Видяево с брошенными домами и гигантскими свалками, над которыми кружило воронье и чайки. Апокалипсис!

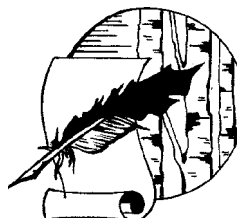
Ручеек информации постепенно иссяк, заглох родник — офицеры сотнями подавали рапорта на увольнение, перебирались ближе к центру, чтобы хоть как-то поддерживать живучесть семей.

Каково было на все это смотреть морякам, сохранившим совесть и ответственность за судьбу Отчизны? Вот и уходили они один за другим, находя успокоение на погостах, разбросанных по всей России-матушке.

* * *

Стояла предутренняя тишина, в окна затекал серый свет, он заполнял углы, и, увязая в нем, я почувствовал, как дом-корабль отошел от причала. Где-то внизу, на дне, мелькнуло Новодевичье кладбище, а слева и справа потекли знакомые места: серые проплешины скал с зелеными нашлепками мха, березы, изуродованные ветрами. В голове, будто лаг, отстукивал знакомые названия: мыс Еретик, остров Зеленый, мыс Толстик. Сигнальщик голосом Ивана Белобородько доложил: «Товарищ командир, пост СНИС не отвечает». — «Спят, бродяги!» — засмеялся Левон Горгинян. Я опустил бинокль и скомандовал: «По местам стоять, к погружению!»

ПОЭЗИЯ



Вячеслав БОГДАНОВ

Вячеслав Богданов принадлежал к тому поколению крестьянских детей, которые с невероятными усилиями, преодолевая нужду, лишения, безотцовщину, не имея опоры на знатных родителей, на семейные традиции, вышли из протонародья и стали в 1960 годы настоящими творцами великой культуры: Н. Рубцов, А. Вампилов, В. Шукшин, В. Белов, В. Распутин, А. Передерев, композитор В. Гаврилин — это далеко не полный ряд славных имен, в числе которых имя Вячеслава Богданова занимает достойное место.

Станислав КУНЯЕВ

ПО ВОЛНАМ ВЕТРА

ДРЕВНЯЯ СТЕПЬ

Лежит земля, обжитая веками.
И на закат,
Темнеющий вдали,
Идут в степи
Седыми стариками
Нагруженные синью ковыли.
Так шли они и двести лет,
И триста...
И добрались до нынешнего дня.
В который раз волною серебристой
Они ложатся под ноги коня!
И степь хранит их твердо — целиною,
Хоть жметя к ней весной борозда...
Из века в век —
В луга и к водопою
Ведет она — звенящая — стада!
Мне изначальный путь ее неведом,
Но знаю я одно наверняка —
Вот в эту степь
Пришел мой русский предок,

С косою в руке,
С правами бедняка.
Он снял армяк
И бросил,
Словно горе,
И выпустил на пастбище коров.
Еще тепла земля на косогоре
От ног босых
И от ночных костров...
Пронизанный и солнцем,
И ветрами,
Он шел по росам к речке
Выбрать сеть.
И голосом зари
И разнотравья
В крови свободу пробуждала степь!
Дождем умыт
И пятерней причесан,
Гася утрами на судьбину злость,
Так отбивал он говорливо косу,
Что барину ночами не спалось...

...Вновь ковыли меня уводят в древность,
Гулки шаги по вечной целине...
Целует степь
Вечерняя деревня
Коровьими губами в тишине...

СТОГ

— А кой тебе годик?
— Шестой миновал.
Н.А. Некрасов

Тяжелый год. Нетопленая печь.
Глухая ночь,
А в доме — ни полена.
Над стогом месяц висится,
Как меч,
Крадусь в степи,
Как будто бы из плена.
Огонь в избе объездчика потух...
И не страшны мне ни погост,

Ни волки...
Лишь скрип салазок напрягает слух,
Торчит стерня,
Острее, чем иголки...
Я стогу в бок вогнал железный крюк,
Обучен рано ремеслу такому...
Но только стог упрям,
Как жадный друг,
Мне по клочочку выдавал солому.
И дергал я солому сколько мог,
Искал места,
Где легче подступиться.
Вгонял я крюк.
И, оседая, стог
Стонал в ночи, как раненая птица.
И я, мальчишка десяти годов,
По-взрослому,
Совсем не без опаски,
Между чужих запутанных следов
Тянул домой с соломою салазки.

Такая даль искрилась впереди!
Такие звезды крупные сияли!
Хотелось всю деревню разбудить,
Но брел тайком,
Чтоб люди не видали...
Я отдохнуть присел на бугорке, —
Спасителем от всех морозных бедствий
Колхозный стог виднелся вдалеке,
Раздерганный кругом,
Как наше детство.
Я это все запомнил и сберег.
И сердце оттого не каменеет...
И душу мне,
Как тот колхозный стог,
Никто вовек раздергать не сумеет!..

РОДИМЫЙ ДОМ

Н. Тряпкину

К дверям забитым я зимой приеду,
Замочный ключ до боли сжав в горсти.

И улыбнусь хорошему соседу,
И попрошу мне клещи принести.
Я в дом родной вернусь не блудным гостем!
И, как любовь,
Я ключ к нему сберег.
И под рукой
Застонут длинно гвозди
И упадут, как слезы, на порог..
И тишина мне бросится на плечи,
А голуби забьются под стреху.
Трубу открою в стылой русской печке
И, словно память, пламя разожгу!
Где Бог сидел — снежок набила вьюга.
И, осмотрев на карточках родство, —
Я вместо Бога
Сяду в правый угол,
Огонь в печи приняв за божество!
Дыши высоким пламенем, солома!
Пушкой деревня видит наяву,
Как мой поклон —
Дымок над отчим домом —
Всеми, чем я страдаю и живу!..

ОТГУЛЯЕТ ЗИМА ПО УРАЛУ

Отгуляет зима по Уралу,
Даль разбудят ручьи ото сна.
И опять
Как ни в чем не бывало
Заторопится в гости весна.
Заторопится дождиком,
Громом,
Майским лугом взойдет надо мной...
И под парусом белым
 черемух
Поведет стороною родной.
Поведет по равнинам,
Озерам,
Тишиной приласкает в краю,
Где о наши
 скуластые горы
Точит молния
 саблю свою.

Там рога запрокинули лоси,
Шаг далеко заслыша чужой...
По озерам
 прошедшая осень
Карасиной рябит чешуей...
Там,
Тревожа окрестные села,
Зазывает огнями завод.
И в чашобах,
Как мудрый геолог,
Ищет клады уральские крот.
Тянут ветры сквозные из леса
Запах липы в озерную синь.
Здравствуй, край
Красоты и железа —
Молчаливая гордость Руси!

НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!
М.Ю. Лермонтов

По жгучим волнам ветра и зари
Былого эхо возвратилось с болью.
И в небе соколом парит,
А я иду на праведное поле.
Здесь предок поле сердцем распахал
И кровью полил,
Ожидая всходы...
За все потери, Русь,
Твои невзгоды —
Высокий дуб ветвями замахал.
И как стрела пронзает тишина,
И звезды взвились,
Словно стук копытный...
Но мне не битва смертная страшна, —
Ведь тишина — страшнее битвы!..
Здесь славой русской ветер напоен,
Он входит в грудь.
И пахнет вечность — лесом...
Не страшен, Русь, тебе Наполеон,
Страшней они — заезжие Дантесы!..

...Ушла заря.
И сполз туман с холмов,
И дуб обнял соседские березы.
И мужики так звонко у домов
По всей округе отбивают косы!..

Диана КАН

СЛАВЯНСКАЯ ЖИЛА

* * *

Молотила, косила, пахала,
и молилась, и шла в смертный бой...
Спит Россия... Россия устала.
Отдохни, чтоб проснуться — собой!

Зацелована жгучей метелью
до крещенского сладкого сна,
почивай на лебяжьей постели.
Да пребудет в тебе тишина!

Под своим покрывалом пуховым
ты заспишь и усталость, и грусть.
Ни упреком, ни вздохом, ни словом
потревожить твой сон не решусь.

Ты пленительной юной царевной
возрождалась, как в сказке, не раз.
Твой уклад целомудренно-древний
обозначен морщинкой у глаз.

Голубая славянская жилка
чуть пульсирует возле виска...
Жив ли, жив ли твой витязь-курилка?
Иль его залучила тоска?

* * *

Печальники и воины славянства!
В дни оскверненных свернутых знамен,
во дни раздрая, смуты, окаянства

спасает евразийское пространство
сиянье ваших солнечных имен.

Покуда незатменно в небе солнце
и льет на землю царственный покой,
то лишь ленивый всуе не смеется
над вашею божественной тоской.

Но в дни затмения да пребудут с нами
Олега щит и Святослава меч,
орленое распаханное знамя,
неспешная аксаковская речь.

Не из гордыни и не для забавы
над бездной, даже падши, воспарим...
Славяне, обреченные на славу
исконным славным именем своим!

* * *

Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.
Здесь так легко рукой до звезд
достать сквозь облака.

И — тишина... И лишь один
здесь свищет среди ветвей
разгульный одихмантьев сын
разбойник-соловей.

Почто, не зная почему,
ступив на зыбкий мост,
вдруг ошетинился во тьму
мой верный черный пес?

И ворон гаркнул в пустоту:
«Врага не проворонь!»,
когда споткнулся на мосту
мой богатырский конь.

Здесь мой рубеж последний врос
на долгие века...
...Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.

* * *

Конь буланный. Меч булатный.
Небеса в крови.
На священный подвиг ратный,
Русь, благослови!

Среди злой хазарской ночи
сыновьям вослед
голубые вдовьи очи
льют свой слезный свет.

И былинное раздолье
осенил окрест
православный ветер воли,
посланный с небес.

Наш поклон родному дому,
Божьему лучу...
Щит к щиту. Шелом к шелому.
И плечо к плечу.

* * *

К священному приникши изголовью,
к отверстой ране припадая всласть,
упейтесь золотой славянской кровью,
что хлещет вам в оскаленную пасть.

Удавка — ересь черная — змеится.
Скорбят берестяные письма.
Георгия победная десница
с карающим копьём занесена.

Покуда медлит, наклонившись низко,
каленное имперское копьё,
вампируйте, исчадья василиска,
превознося ничтожество свое!

* * *

О, подлецы, с которых взятки гладки!..
Я и таких знавала на веку.

Но вновь и вновь с лукавством азиатки
я вас целую в левую щеку.

Любезные мои, вы не устали?
Не утомились от такой любви?
Она — клинок текинской пылкой стали,
что закалился на моей крови.

Отравленный смертельным вашим ядом,
он был мудрее, чем уста змеи.
И не было почетнее награды,
чем вы, лихие кровники мои!

Не лгавшая ни именем, ни слогом,
пред вами не склонила я главу...
И в час, когда предстану перед Богом,
я всех вас — поименно! — назову.

* * *

Белый и черный князь
в битве сошлись упорной —
белый, благословясь,
и, чертыхаясь, черный.

Тьмы ледяная пасть...
В прах разметав созвездья,
белый небесный князь
скорбно вершил возмездье.

Замер засадный полк
близ Куликова поля.
«С Богом!» — сказал Боброк,
зубы сцепив до боли.

Гнев голубых очей...
Родина, дай нам силы!
Лязг боевых мечей
в грозах твоих, Россия!

Ольга ЖУРАВЛЕВА

УЕДИНЕНИЕ

КРАСНЫЙ

И только в красном чувствуется сила,
Не в белом, как на Бога ни кивай,
А в красном — невозможном и красивом —
Потерянный угадываешь рай.
Огня невозмутимое горенье
Любви непревзойденный перепляс,
Весеннее шальное нетерпенье,
Зарею разжигаемое в нас.
Не в синем — утомительное счастье,
Не в черном упоительное зло,
В лиловом нет вселенского участия,
Оранжевому вряд ли повезло
Остаться самым радостным на свете,
Еще смешнее желтый с голубым,
Но красный — самый ясный на планете —
Возможно ли соревноваться с ним,
Невероятно ярким и красивым,
Как ни старайся, как ни выбирай?!
Лишь только в красном чувствуется сила,
Лишь только в нем угадываешь рай...

МЫСЛИТЕЛЬ

Отколот от вершины ада,
Спокоен,
Один в тиши под колоннадой —
Не воин.
Но обнаженным граням камня
Сутулым
Стекает век за каплей капля
По скулам.
А мимо толпы искушенных —
На выдох,
Проходят с видом отрешенным
На выход.

Утром проселки звенящею жестью подбиты.
Блещет слюда на соломе нахохленных скирд.
Плотно причален долбленный челнок у ракиты.
Листьями заводь пестреет — и тоже не спит.

Кружат безмолвные белые пчелы и осы,
землю скрывая, как свежие стружки — верстак.
Не оттого ль так пронзительно, пьяно и остро
пахнет сегодня в грибных и брусничных местах!

Не оттого ли
в преддверье высокого снега
бродит в полях
предвесенний разливчатый свет!

...Лошадь кудлатая,
цокая, тянет телегу
с кромки асфальта
на рубчатый тракторный след.

ФРОНТОВИКИ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Смертным хрипом исходит полночный эфир,
и красны голубые экраны.
Рядом с нашей землей разорвавшийся мир
стал похож на открытую рану.
Кровью наших парней горный воздух пропах
на Востоке, седом и степенном...
Снова в селах, в станицах, в больших городах
Плачут матери — как в сорок первом.

...Там на каждом шагу поджидают ребят —
необстрелянных, юных, зеленых —
и ракетный огонь, и старинный булат,
и свирепость врагов закаленных.
Даже в шуме базара, жужжа, как пчела,
под лопатку впивается пуля.
...Нет, не даром романы писались вчера
о цветущих деревьях в Кабуле.

И, на той необъявленной, долгой войне
обоженные смертью и зноем,
возвращаются парни к родной стороне —

и уже не находят покоя.
Их уже никакой не пугает запрет.
Их победы — больней, чем утраты.
И салюты не всходят в честь этих побед,
как всходили они в сорок пятом...

ЗЕМЛЯ МОСКВА

А теперь я тебя
поведу по Москве заповедной,
даже тем незнакомой, кому этот город родной.
Ослепляя приезжих и высью и ширью победной,
он велик словно айсберг —
потайной своей глубиной.

Зазвенела в ночи золоченая упряжь столицы.
Вулканической лавой пульсируют вены ее.
Но квартал обогни — и такая земля отворится,
Что угар толкотни опадет как сухое корье.

Красно-белым узорочьем русское вспыхнет барокко.
Обомшелые гривы встряхнут под колоннами львы.
Мы идем по извилам, по узким зеленым протокам,
по живым капиллярам гигантского тела Москвы.
Так тепло и свежо в переулках полуночной Пресни!
Так лютует полынь, зацветая в седом кирпиче...
И поверится впрямь, что заросшему храму ровесник
дворник в парке с крестьянской косой на плече.

...Эти своды вчера лишь пожег, уходя,
корсиканец.
И не пепел табачный, а Гришки Отрепьева прах
на асфальте сыром.
И, на сотни ладов рассекаясь,
стон пришедших с Непрядвы
восходит в колодцах-дворах.

И когда соизмеришь судьбы своей возраст и бремя
с темным слоем веков,
сотворенным в крови и в золе,
сам не зная того, заединщиком станешь со всеми,
кто московское время
заставил признать на земле.

Ведь не зря россиянина
Запад нарек московитом!
И когда в этот город судьбу свою прочно возмешь
и неспешно сживешься с его естеством мозговитым, —
сам не зная того, с ним натурой становишься схож.

...А проснувшийся лебедь
на глади прудов Патриарших,
и шуршание метел, и меркнувший свет фонарей
уверяют, что мы на короткую ночь стали старше.
А вода отражает, что попросту стали старей.

Но возможно ль поверить,
что мы растворимся бесследно
в этой толще бессмертной — во времени,
словно впотьмах,
если в городе стольном,
 звения чистотой заповедной,
и века и сердца на семи совпадают холмах?

И в горящих соцветиях рядом с высотною башней
возникает бесстрашный натруженный голос шмеля,
и в посольские окна косьбою, росой и пашней
веет почва столетий — московская дышит земля.

Михаил АНТОНОВ

РОССИЯ XXI ВЕКА: ПУТЬ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

*(ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА
БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ)*

Глава 11. РОССИЯ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ: СБЕРЕЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАРОДА

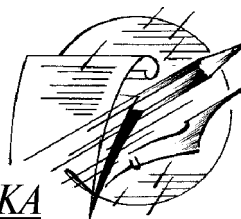
Угроза вымирания России

Удивительно богат мыслями трактат Михаила Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа». В результате войн и реформ Петра I население России сократилось то ли на четверть, то ли на треть, и предложения Ломоносова были направлены на сокращение смертности, увеличение рождаемости у россиян и на привлечение иностранцев (мигрантов) в русское подданство. Мог ли он представить такое кошмарное положение, когда русский (и прежде всего русский) народ окажется на грани вымирания без войн, в результате одного лишь нашествия либеральных реформаторов на Россию?

Но это произошло, и Владимир Путин, став в 2000 году президентом РФ, уже в своем первом послании Федеральному Собранию говорил о прямой угрозе вымирания нации. Даже в документах правитель-

Продолжение. Начало в №5-6 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА



ства признается, что здоровы лишь 20 процентов россиян (а из десяти выпускников школы — только один). Средняя продолжительность жизни россиян на 10 — 15 лет ниже, чем в развитых странах Запада, а у мужчин она составляет всего 57 лет, то есть большинство их до пенсии не доживает. Наша страна — мировой лидер по числу самоубийств. Для обозначения такой большой скорости вымирания населения России — до миллиона человек в год — используется особый термин «сверхсмертность», особенно сильно поразившая именно русский народ (который замещается кавказцами, а также мигрантами из ближнего и дальнего зарубежья). Умирает много россиян трудоспособного возраста. Значительная часть смертей относится к числу предотвратимых, если бы была обеспечена безопасность труда, вовремя оказана медицинская помощь и т.д. Растут заболевания такими инфекционными болезнями, которые в советское время считались в нашей стране практически ликвидированными. Снижается и качество россиян — уровень образования и квалификации. Миллионы детей не посещают школу. А главное — упал моральный дух нации, что и стало главной причиной роста заболеваемости и смертности, системного кризиса общества.

В правление Ельцина власть словно и не замечала вымирания России. Ей внушали оптимизм цифры роста ВВП, и заботили ее главным образом темпы инфляции, курс доллара, цена барреля нефти на мировом рынке и т.д. Она вроде бы не считала себя ответственной за выживание и состояние здоровья народа: хочет он выжить, пусть выживает, не хочет — его дело. Ведь у нас теперь рынок и во всем свобода. Если растет ВВП, значит, страна богатеет, а следовательно, богаче становится и каждый ее гражданин (в среднем). Так что дело власти — наращивать ВВП, а остальное устроится само собой, магическим действием «невидимой руки рынка».

Но общий закон рыночной экономики отменить невозможно: если страна богатеет, растет ее ВВП, то в наибольшей мере это обогащает «верхи», и разрыв в уровнях доходов «верхов» и «низов» не уменьшается, а увеличивается. И в России от роста ВВП богатели олигархи, уровень жизни большинства народа рос медленно, а у самых малообеспеченных слоев даже неуклонно снижался. Мы еще не очень это чувствовали, пока страна проедала остатки советского наследства. Но когда оказалось, что за

квартиру и земельный участок, за обучение и медицинское обслуживание надо платить полностью по рыночным ценам, перед десятками миллионов наших соотечественников возникла реальная угроза не только пополнить ряды безработных, бомжей и нищих, но и преждевременно отправиться в мир иной. Вот это уже была бы настоящая рыночная экономика!

А отчего мы вымирали?

Причины известны. Это — бедность, отсутствие работы, благоустроенного жилья и полноценного питания, разрушение систем жизнеобеспечения — жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, социальной защиты, но главное — упадок духа народа. Профессор Игорь Гундаров показал наличие четкой зависимости роста смертности от увеличения преступлений, связанных с нарушением библейских заповедей («не убий», «не укради» и пр.). Мы становились нацией психически и физически больных людей. А разве такая нация в состоянии обеспечить свое процветание?

Можно ли было уже тогда устранить основные причины сверхсмертности и, прежде всего, преодолеть бедность? Разумеется, можно, если бы власть поставила это своей целью.

Не один год шли разговоры о необходимости отобрать у олигархов незаконно присваиваемую ими природную ренту и направить эти громадные средства (порядка 30 миллиардов долларов ежегодно) от эксплуатации богатств недр, которые по конституции принадлежат государству, в бюджет государства. Известный российский экономист академик Дмитрий Львов (ныне уже покойный) предложил эту ренту направить не в бюджет, а в специальный фонд, из которого государство будет доплачивать тем гражданам России, доходы которых ниже прожиточного минимума. Тем самым в России впервые в истории человечества могла быть ликвидирована бедность. Но этот проект (я сейчас не вдаюсь в его рассмотрение) даже не стал предметом широкого обсуждения.

На совещании в Томске Путин признал, что «превышение смертности над рождаемостью — ужасная проблема для нас». Но «эта картина апокалипсиса совсем не обязательна к реализации» и есть все шансы, предприняв ряд мер, «развернуть ситуацию в обратном направлении» («МК», 27.04.2006). Академик Игорь Бестужев-Лада разработал целую программу, которая должна спасти от вы-

мирования не только Россию, но и все человечество, которое, по мнению ученого, в противном случае будет обречено. Об этой программе у нас пойдет речь в заключительных главах.

Как оздоровить нацию

В 2006 году началась реализация нацпроекта «Здоровье». Многие критиковали все нацпроекты за их недостаточную проработанность, а подчас и попросту демагогический характер, называли «нацпустышками».

Мне думается, нас часто подводит наша любовь к крайним суждениям. С одной стороны, всегда найдутся те, кто любое начинание власти превознесет до небес и назовет историческим. С другой, как отнестись к людям, объявляющим «нацпустышками» проекты, предусматривающие строительство и оснащение медицинской техникой тысяч больниц и поликлиник по всей стране? Для известного московского журналиста, у которого все блага медицины под боком, эти проекты — «пустышка». Но возьмем рядовую районную больницу, а тем более сельский фельдшерский пункт. Там часто для лечения больных не было ничего, кроме таблеток аспирина и анальгина, даже бинт, вата и шприцы имелись не всегда, а зарплата персонала была ниже прожиточного минимума. Для них дополнительные, хотя и мизерные деньги — вовсе не «пустышка», и получение нового рентгеновского аппарата, не говоря уж о более сложном оборудовании, — это великое благо. Если тяжело больного из села не нужно будет везти для обследования или операции несколько лишних сотен, а то и тысяч верст, то это уже достижение.

Главный недостаток нацпроектов заключался в том, что они — не всенародное дело, каким были, например, индустриализация СССР в 30-е годы или Великая Отечественная война, а чиновничья инициатива. Тогда, в 30—40-е годы, простые люди не меньше, чем власти, были заинтересованы в успехе общего дела, делились опытом работы над ним, сигнализировали о недостатках, выступали со «встречными планами», чтобы не только достичь намеченных властью рубежей, но и превзойти их.

А в случае нацпроектов народ так же мало понимал их смысл, как и туманную задачу удвоения ВВП. Он остается потребителем «дара» власти, лишенным возможности участвовать в затеянном ею деле и контролировать его. А

без участия народа нацпроекты во многом превратились в кормушку для жулья, разворовывавшего отпускаемые государством средства (которые выделялись не прямо медицинским учреждениям, а через посредников-паразитов — страховые компании, заинтересованные лишь в минимизации расходов, а не в здоровье людей). Поднять же народ на общее для всех дело правящая элита была не в состоянии, потому что у нее не было единых с народом забот и интересов. Капиталы свои элита (по крайней мере, большинство ее) хранила на Западе, там же обучались ее дети, туда же отправлялись рожать жены и т.д. Она, по сути, в развитии России и улучшении жизни народа не была заинтересована. Уже одно это обрекало нацпроекты в целом на провал. К тому же нацпроект «Здоровье» не нацелен прямо на улучшение здоровья нации, он даже не включает программ борьбы с главными причинами смерти — сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями. Проект первоначально был направлен в основном на укрепление первичного звена медицинской службы за счет повышения зарплат участковых врачей и медсестер, что породило антагонизм в среде медиков и вызвало массовый отток высококвалифицированных специалистов на участки работы, где требования к квалификации гораздо менее строгие. Но ведь больше платить врачу — не значит, что он будет лучше лечить больных. Нередко затевалось строительство новых больниц и исследовательских центров, тогда как целесообразнее было бы улучшить финансирование существующих. Но дельцам, которые руководят не медициной, а денежными потоками в сфере медицины, важно было «освоить» (разворовать) выделяемые средства.

И главными врагами национальных проектов оказались либералы во власти. Ведь если более половины народа — это экономически «лишние люди», то зачем же тратить деньги на укрепление их здоровья (и на комфортное жилье для них, и на качественные продукты питания)? Пусть живут между жизнью и смертью — «плохо, но не долго», как говорил один известный политик. Нацпроекты для народа и либеральный курс — «две вещи несовместные». Либералы в России и насаждали колониальный тип медицины, когда настоящая медицинская помощь становилась платной, то есть доступной лишь богатым, а бедным тоже предлагалось платное здравоохранение, но без соответствующего повышения зарплат, пенсий и пособий.

Либерализм в наши дни — это извращенное, местечковое мировоззрение, возврат сознания в позапрошлый век, тяжкая духовная болезнь. Страдающих ею нельзя было на пушечный выстрел подпускать к власти. Так что реальная и эффективная работа по оздоровлению нации могла начаться только после удаления либералов.

Чем было больно здравоохранение

Продолжительность жизни и здоровье людей лишь на одну десятую зависят от состояния медицины, а в гораздо большей степени — от условий труда и быта и морально-го состояния. Перед такими социальными болезнями, как алкоголизм и наркомания (а их жертвами стали у нас десятки миллионов граждан), медицина бессильна, хотя на нее и сваливают задачу их ликвидации. Вот и перед проектом «Здоровье» Путин поставил задачу — обеспечить всех граждан высококачественной и доступной медицинской помощью.

Крупнейшими недостатками современной системы здравоохранения в России считаются его недостаточное финансирование, нехватка врачей, устарелое оснащение поликлиник и больниц, отсутствие современных лекарств. Но опыт показывает, что с увеличением отпускаемых на медицину средств больных меньше не становится, а врачей на тысячу жителей у нас больше, чем в большинстве развитых стран. Да, за годы либеральной власти отечественное производство лекарств (98 процентов их поступало по импорту!) и медицинской техники было полностью разрушено. Но все же причины нездоровья медицины более глубокие.

При рынке в рядовой российской поликлинике врач, осмотрев больного и выписав рецепт, чаще всего еще советовал обратиться к другим специалистам: к хирургу, невропатологу, отоларингологу... (в платных учреждениях — в еще большей степени, там будут находить у пациента болезни, чтобы тянуть из него деньги). Не только потому, что терапевт заботился о больном и хотел получить всестороннюю картину его здоровья, но и потому, что заработок врача зависит от числа принятых больных, и врачи помогают друг другу заработать. Еще в 30-е годы прошлого века Илья Ильф и Евгений Петров столкнулись в «одноэтажной Америке» с такой системой рэкета. Вот и у нас ныне многие врачи — рэкетеры. Вдумаемся в

страшные цифры: до 80 процентов лекарств, прописанных в России врачами больным, назначались без обоснования, у 20 процентов больных от этих лекарств возникали осложнения, а смертность по этой причине находилась на пятом месте. Государство, установив врачам мизерную зарплату, смотрело сквозь пальцы на то, что они подрабатывали на больных, в том числе и заключая контракты с фармацевтическими фирмами. Бывали даже случаи продажи органов еще живого больного, состояние которого признано безнадежным. И даже заключения договоров с компаниями по оказанию ритуальных услуг на предмет поставки им новых клиентов. Это уже не врачи и даже не рвачи и мошенники, а «бандиты в белых халатах».

Больницам было невыгодно, чтобы больной поправлялся быстро: их финансирование было завязано на койко-дни. Рацион питания больных определял главврач. Можно больному выписать курочку, а на самом деле кормить хеком, проконтролировать соответствие нормы и факта трудно. К тому же была заброшена профилактика, хотя известно, что предупредить болезнь легче, чем вылечить.

Эта система здравоохранения, работавшая в советское время на человека (признанная ООН лучшей в мире), оказалась не просто неэффективной, но и разрушительной в условиях рыночной экономики. Рынок все виды деятельности, в том числе и самые, казалось бы, благородные, превращает в бизнес, то есть в извлечение прибыли. Врач при этом, по сути, вскоре перестает быть врачом, спасителем людей, охранителем здоровья нации, а превращается в торгаша, продавца медицинских услуг. Это — колоссальный регресс в медицине, так как врачи оказались заинтересованными не в лечении больных, а в росте их количества и в увеличении продолжительности болезни. Такая система превратилась в угрозу национальной безопасности России. А деньги в этой сфере крутились огромные: не пять процентов бюджета, отпускаемых на здравоохранение, а раз в десять больше. И только после отказа от философии всеобщего торгашества стали возможны возвращение достоинства врачу и его профессии и оздоровление медицины.

Как лечить здравоохранение?

Здоровье народа — дело государственной важности и безопасности страны, поэтому должна быть разработана дол-

современная (для начала — на 10 лет) **Государственная программа оздоровления народа** с заданиями по росту численности населения, увеличению продолжительности жизни и сокращению смертности, а также заболеваемости наиболее опасными недугами. При этом должен быть обеспечен **непрерывный контроль** за выполнением программы в форме постоянного мониторинга состояния здоровья всех групп населения и **ежегодного доклада** главы государства о здоровье нации. Невыполнение заданий этой программы должно стать поводом для **немедленной отставки правительства**. Никакие хозяйственные успехи не нужны, если не остается населения, для которого и создается экономика.

На первом плане не рубли, а здоровье. Надо ликвидировать рыночный подход к медицине, в частности, такую практику, когда врачи были материально заинтересованы в том, чтобы люди чаще и дольше болели. На первый план выступит профилактика болезней, и работа медиков будет оцениваться положительно при снижении заболеваемости опекаемого ими населения.

Внедрить телемедицину. Новая Россия в наследство от либералов получила страшно запущенную страну. За Московской Кольцевой автомобильной дорогой начинается совсем другая Россия. Особенно неблагоустроена сельская местность. Часто при серьезном заболевании трудно добраться из деревни до больницы, ведь в России — тысячи населенных пунктов, отрезанных бездорожьем (порой на сотни километров) от остальной страны. В советское время порой для спасения больного в каком-нибудь отдаленном стойбище посылали вертолет (не говоря уж о том, что и самые тяжелые операции выполнялись бесплатно). А в рыночной экономике разве это возможно? Первым вопросом был бы: «Кто оплатит вертолет?» СМИ полны были слезными обращениями о помощи деньгами на сложную и дорогостоящую операцию.

Мировая медицина совершенствуется, на Западе использование методов генной инженерии и трансплантации органов снизило смертность в несколько раз и резко ускорило лечение больных. Уже чинят больным сосуды микророботы, им на смену идут нанороботы величиной в несколько молекул. Но главное — это переход к телемедицине, когда для установления диагноза больному вовсе не обязательно ехать в отдаленный медицинский центр. Можно поставить диагноз и получить рекомендации по

лечению болезни (а то и выполнять хирургические операции), соединившись с таким центром с помощью персонального компьютера и даже через мобильный телефон, имеющий выход в Интернет. В США такой телемедициной в той или иной мере охвачено до 80 процентов больных. Даже в Турции, этой не самой развитой стране, почти все необходимые анализы можно сделать в течение нескольких минут, никаких «историй болезни» не существует, все данные о больном заносятся в компьютер, с помощью которого разрабатывается стратегия лечения больного. Диагноз, ход лечения строго фиксируются и контролируются, все промахи врача — как на ладони.

Но вот из-за этих-то преимуществ современная организация здравоохранения и не внедрялась в России, она лишила бы дельцов от медицины возможности паразитировать на страданиях больных (оставим за скобками низкий уровень квалификации этих дельцов).

Нельзя в короткий срок во всей России ликвидировать бездорожье, осуществить всеобщую телефонизацию. Но с внедрением телемедицины Россия одним махом совершит скачок в новую, информационную эпоху.

Интернет будто и создан специально для России с ее огромными пространствами, бездорожьем, заброшенностью сельских жителей. Сейчас уже оснащены компьютерами практически все школы страны, в том числе и сельские, на очереди компьютеризация медицинских пунктов. Это будет новый шаг революции во всей жизни российского села.

Дорогу безлекарственной медицине! В наши дни страшной опасностью стало и равнение медиков на лечение больных исключительно таблетками и прочими лекарствами, о которых известно, что они «одно лечат, другое калечат», и порой их возможные побочные действия (от нарушений сна и рвоты до тромбоза и шока) страшнее самой болезни. У нас не принято писать, сколько людей погибает или становится инвалидами в результате этого, а в США сообщают регулярно, нередко пострадавшие или их родственники выигрывали судебные процессы и получали миллионные компенсации.

Известнейший (более всего тем, что заведовал больницей, где лечились члены Политбюро ЦК КПСС) кардиолог страны академик Е.И.Чазов признал в своем выступлении на Российском конгрессе кардиологов: *«Несмотря на появление новых методов диагностики, колоссальный ар-*

сенал лекарственных средств и хирургических методов, эффективность лечения не только не увеличивается, но, судя по росту больничной летальности (то есть рост смертности пациентов в больницах), даже уменьшается». Медицина бессильна перед инфарктами и инсультами. Да ей и неизвестны причины этих сердечно-сосудистых заболеваний (как и других — гипертонии, гипотонии, стенокардии, аритмии, ишемии). К тому же 70 процентов лекарств у нас импортные, их покупка обходится очень дорого. Много лекарств фальшивых: деньги заплатишь не только без пользы, но и во вред здоровью.

А нельзя ли лечить людей без лекарств? Медицина без лекарств существует давно, людей лечили грязями, минеральными водами, даже вином, но это все помогало лишь от некоторых болезней. И только в последние годы на помощь медикам пришли достижения фундаментальной науки, и теперь появились основания утверждать: неизлечимых болезней нет!

Профессор Петр Петрович Горяев, изучая органы человека на клеточном уровне, установил, что организм создает электромагнитное поле, воздействуя на которое, можно излечивать различные болезни. (Попутно ученый доказал крайнюю вредность УЗИ — ультразвукового исследования, широко применяемого врачами, в частности, при обследовании беременных женщин, из-за чего в развитых странах практически нет здоровых детей.) Вот что дает коррекция электромагнитного поля больного.

Профессор Наталия Борисовна Зубова, врач, хорошо знающий физику, установила, что в природе все живые существа создают электромагнитные поля, при этом вокруг них создается свечение, аура, регистрируемая приборами. Все виды организмов занимают определенные ниши, им присущи только свои диапазоны частот электромагнитных колебаний. Своя частота есть у человека, своя — у бактерий, грибов, вирусов и т.д. В том диапазоне частот, который присущ здоровому человеку, он не подвержен инфекционным заболеваниям, потому что эти излучения губительны для бактерий и прочих низших организмов.

Но вот в результате ухудшения экологической обстановки, нервных стрессов и пр. частота излучения человека падает (его аура при этом из сплошной, красивой превращается в рваную, с разрывами). И тогда он попадает в диапазон частот, в котором существуют бактерии и про-

чие болезнетворные микроорганизмы, и превращается в пищу для них. Человек заболевает. У него поднимается температура — тем самым организм пытается уничтожить попавшие в него вредоносные микроорганизмы. (А при раке, например, и температура не повышается.) Если и это не помогает, тогда вызывают врача, и он прописывает лекарства.

Но врач при этом не ликвидирует причину болезни — понижение частоты колебаний поля больного, а пробует бороться с микроорганизмами в их же жизненной нише. Поэтому лечение часто оказывается неудачным и приводит к осложнениям либо к побочным нежелательным эффектам.

А из физики, которую мы проходили в школе, известно, что на всякую волну можно воздействовать другой волной, и они вступят во взаимодействие, произойдет их интерференция. Вот Зубова и предложила — вместо того, чтобы пичкать больного лекарствами, воздействовать на него электромагнитными волнами других живых организмов, подобранными так, чтобы в итоге их взаимодействия произошло восстановление нормального электромагнитного поля человека. Все эти эталоны частот она подбирала исключительно в живой природе, у нее в пробирках образцы растений с разными частотами колебаний поля. И в итоге ею разработана методика, позволяющая любую болезнь излечивать за несколько коротких сеансов.

Через клинику Зубовой прошли десятки тысяч больных с 280 недугами, и они исцелялись, не приняв ни единой таблетки! Именно Зубова может с полным основанием утверждать: «неизлечимых болезней нет!».

Казалось бы, такому врачу нужно при жизни поставить памятник. А на деле Зубову не только подвергли травле, но и несколько раз покушались на ее жизнь. Ей пришлось уехать в США, где она открыла небольшую клинику. Время от времени она приезжает в Россию, где остались несколько врачей, которые поверили ей, овладели ее методикой и с неизменным успехом лечат больных, несмотря на все препятствия.

В чем же причина гонений на Зубову? Во-первых, ее метод делает ненужной фармацевтическую индустрию (можно даже сказать — лишает доходов лекарственную мафию), обороты которой в мире исчисляются сотнями миллиардов долларов, в ней заняты миллионы рабочих и специалистов. Во-вторых, на фоне ее практики не только

рядовые врачи, но и медицинские светила, академики, оказываются на деле лишь средневековыми кустарями, не знающими азов физики и не умеющими использовать те средства оздоровления человека, которые даны самой природой. Как же врачу, который много лет учился, лечил больных, пользовался всеобщим уважением и вдруг на глазах всех оказаться и признать себя кустарем, подобием деревенской бабки-знахарки?! Такого унижения целого почтенного сословия и не могут простить Зубовой медики. А переучиваться им все-таки придется.

В недоверии к методам врачей-новаторов повинно и жулье, которое непременно примазывается ко всякому достижению человеческой мысли. Только появилось сообщение о методе Зубовой, как в СМИ стали встречаться объявления о десятках видов капель, представляющих собой... воду, на которую якобы нанесена лечащая людей информация. Многие тысячи легковверных больных воспользовались этими новейшими лекарствами, естественно, без малейшей пользы для себя. Исчезли и объявления об этой панацее, жулики собрали свою дань и переключились на другие способы отъема денег у простаков.

Миллионы людей в мире страдают от закупорки кровеносных сосудов. Если это сосуды ног, дело чаще всего кончается ампутацией. А врач рязанской больницы Алексей Герасимович Епифанов нашел способ восстановления кровотока, используя электромагнитное поле. Больного помещают в «скафандр Епифанова», позволяющий воздействовать на все точки тела больного этим полем, постоянно меняющим свои характеристики.

Сотни людей прошли через эту систему, стали здоровыми, передвигаются на своих ногах, а не на костылях или тележках.

Но и Епифанова травили. Его (а заодно и нескольких больных) избили и выкинули на улицу, а «скафандры» поломали — с санкции главного врача. Уничтожили архив, в котором собраны итоги лечения больных за много лет. И вот уже 25 лет Епифанов ведет борьбу за право лечить людей, не прибегая к ампутации конечностей. Со всех концов страны и даже из-за рубежа едут к нему больные, потерявшие надежды на излечение, и находят свое спасение.

А ведь закупорка сосудов — причина болезней и сердца, и сосудов мозга. И пока страдающие от гангрены люди лежат в «скафандрах Епифанова», у них улучшается кро-

воток и в других сосудах. Епифанов полагает, что его метод позволит лечить и многие другие, в том числе и злокачественные заболевания. Надо лишь преодолеть равнодушие чиновников и зависть коллег. Но это-то, кажется, и будет самым сложным делом. Сейчас и другими специалистами созданы разные виды биометрического (лечебного) белья, где используется воздействие меняющегося электромагнитного поля.

Если Епифанов еще только нацеливается на лечение рака, то врач Виктор Александрович Борисов успешно лечит многие виды рака, часто спасая от смерти тех пациентов, которых довели до полусмерти онкологи, прибегавшие к химиотерапии или хирургическим методам. Секрет его метода прост: известно, что свет губительно действует на раковые клетки. Борисов нашел способ подвести свет к клеткам опухоли в глубине организма. Его избрали членом Германского медицинского научного общества, иностранные лидеры обращались к Путину с просьбой принять в клинику Борисова их безнадежно больных соотечественников. А главный онколог России и президент Академии медицинских наук Михаил Давыдов говорит, что ничего о Борисове и его методе не знает.

Примеров такого рода не счесть. Есть информация о создании в России средств для лечения от радиации, от СПИДа и пр., растет интерес к интегративной медицине врача-ученого Александра Алексева, когда лечат не болезнь, а больного как целостную систему, и пр. Несмотря ни на что, русские творят чудеса в медицине! И уровень работы многих российских врачей ничуть не ниже, а часто даже выше, чем на Западе, и организация здравоохранения совершеннее. Даже в скандинавских странах, где медицинское обслуживание бесплатное, очереди к специалисту ждут неделями, а то и месяцами.

О делах сердечных (и мозговых). Раз медицина не знает причин возникновения заболеваний сердца и сосудов мозга, то она и не умеет их лечить. А ряд серьезных исследований показывает, что возникают инфаркты и инсульты не от холестерина, не от курения и не от алкоголя, а от пониженного содержания углекислого газа в крови. Если оно составляет 6 процентов, то ни инфаркт, ни инсульт просто не может возникнуть. И разработаны несколько методик выполнения дыхательных упражнений, которые позволяют без большого труда добиться приведения содержания углекислоты в крови к норме. По от-

зывают специалистов, эффективность этих систем безлекарственной медицины, как и некоторых систем лечебного голодания, обеспечения кислотно-щелочного равновесия в организме и пр., весьма высока.

Все же, если мы и придем к торжеству безлекарственной медицины, то, видимо, не сразу. Никогда не отпадет необходимость и в помощи хирургов, хотя бы при травмах. Поэтому важнейшая задача — **восстановление отечественной фармацевтической промышленности и производства медицинской техники**. Ведь Россия ныне во многом превращена в помойку для негодных импортных лекарств. А, например, в случае войны и прекращения поставок нужных лекарств из-за рубежа нашу страну, где возникнет колоссальная смертность, можно будет взять голыми руками. Специалисты убеждены, что на восстановление отечественного медицинского производства при наличии политической воли достаточно трех лет. При этом надо использовать достижения ВПК, устранив проявления излишней секретности, подчас, как говорят, равнозначной вредительству. Каждая больница или поликлиника должна иметь, как в советское время, табель оснащенности. Иметь оснащенность лучше табельного не возбраняется, но хуже — недопустимо.

Высококачественная медицинская помощь должна быть доступна всем, но уравниловка здесь ни к чему. Достаток разных групп населения различен, и не следует лишать состоятельных граждан возможности лечиться в платных медицинских заведениях. Но разница должна быть лишь в степени комфорта (отдельные палаты, с телевизором, ресторанным питанием и пр.; впрочем, платные клиники и сейчас, по существу, только этим и отличаются, чаще всего в них и в обычных поликлиниках работают одни и те же врачи).

Будет расширена сеть центров материнства и младенчества. Особые усилия будут направлены на снижение детской смертности, которая у нас в несколько раз выше, чем в развитых странах Запада, и смертности при родах. (В советское время каждый случай смерти роженицы рассматривался на коллегии Минздрава).

Страшная беда современной России — большое число аборт, нередко со смертельным исходом. С устранением жилищной нужды и повышением уровня жизни, с возвращением зданий ранее приватизированных детских садов и яслей, надо думать, число аборт будет сокращать-

ся. Но нужно решительно покончить с таким позорным явлением, как «сексуальное просвещение» школьников в современном его виде, которое было (и остается) прямой диверсией Запада против России. Нашим гражданам внушалась философия «чайлд-фри» («свободы от детей»), чтобы обезлюдить Россию и облегчить ее «освоение» иностранцами. Напротив, в стране (и в школе) должен насаждаться культ целомудрия и Семьи, в особенности многодетной (сейчас имеют трех и более детей только 6 процентов семей). Место «секса» в сознании молодежи должна вновь занять Любовь. Медицина должна лечить весь состав человека — тело, душу и дух.

Медицина — одна из самых консервативных сфер человеческой деятельности, ее история полна конфликтами, порожденными нежеланием большинства врачей расставаться с привычными взглядами. Поэтому мало сменить власть в стране, нужно еще преодолеть многие стереотипы, засевшие в головах медиков и мешающие внедрению подлинно современных методов лечения больных. Главное наше богатство в этой области жизни народа (как, впрочем, и в любой другой) — это подвижники, новаторы, работающие не за страх, а за совесть. Именно они спрашивают: медицина болезней у нас есть, а где медицина здоровья? Будем по-прежнему только лечить хронических больных или станем их вылечивать? Не пора ли от здравоохранения переходить к здравовосстановлению? Их обычно давят авторитеты и светила науки, и задача государства — вовремя разглядеть и поддержать подвижников. Поэтому нужны меры по ликвидации монополизма в науке, при гарантиях недопущения откровенного шарлатанства, жертвами которого часто становятся больные, не получившие помощи от медиков и потому последнюю свою надежду возлагающие на тех, кто обещает вылечить от любой болезни за три сеанса. Необходим закон о защите пациентов от ошибок и особенно от халатности врачей, страховые компании станут платить солидные суммы за ошибки при лечении, а тем более в случае летального исхода.

Новая медицина уже пришла к нам и готова подарить россиянам еще по 15 — 20 лет жизни (до уровня, достигнутого в развитых странах), но ее не пускают к больным бездушные чиновники и коррумпированные или тщеславные медицинские светила. После победы путь к оздоровлению нашего народа будет открыт!

Как нам осваивать Россию

В российских СМИ полно материалов об угрозах для нашей страны из-за демографической катастрофы: к середине столетия население России сократится вдвое, а русские вообще окажутся на грани исчезновения. Известный ученый-демограф Игорь Бестужев-Лада уже посчитал, когда последняя русская девушка выйдет замуж за выходца с Кавказа. Предсказывают, что скоро второй по численности национальностью России станут китайцы. И все чаще делается вывод: Россия, людских ресурсов которой в недалеком будущем не хватит ни для работы на производстве, ни для комплектования Вооруженных сил, должна широко привлекать мигрантов из других стран. А на переговорах о вступлении России в ВТО Китай требует, чтобы мы открыли границы для свободного перемещения его рабочей силы. Между тем в Китае одних лишь полностью безработных около 150 миллионов — больше, чем все население России, и это люди весьма мобильные, готовые немедленно отправиться хоть на край света, если там можно будет жить и работать. Для многих из них это было бы счастьем: у китайцев традиционно были многодетные семьи, а теперь в самом Китае им приходится мириться с тем, что в семье должен быть только один ребенок. Что станется с Россией, если такая масса мигрантов вольется в ряды наших тружеников? В странах Европы, которые привлекали из стран Азии и Африки кадры для выполнения непрестижных работ вроде уборки мусора, возникли из-за этого серьезнейшие проблемы. Лондон настолько заполнен мусульманами, которые возвели там множество мечетей, что его стали называть Каиром-на-Темзе. Потомки пришельцев, родившиеся в Англии, уже стали как бы коренными англичанами, и теперь среди них разворачивается движение за объявление этой страны мусульманским государством. И в туманном Альбионе, который всегда славился терпимостью к иноземцам, нарастает напряженность на этнической почве. Еще острее эта проблема встала во Франции, где беспорядки на расовой почве стали повседневным явлением. В Германии не редкость погромы, жертвами которых становятся турецкие и арабские рабочие.

Мне могут возразить, что именно благодаря широкому привлечению кадров из-за рубежа США вырвались вперед в технологической гонке. Да, это так, но ведь США

не распахивают ворота перед каждым желающим туда приехать. Если хотите убедиться в этом, подойдите к очереди российских граждан у здания американского посольства в Москве и поговорите с теми, кто получил, по сути, немотивированный отказ в визе. США устанавливают квоты на прием программистов, физиков, биологов — тех кадров, которые увеличивают их «человеческий капитал», интеллектуальный и культурный потенциал, мощь страны. А кто едет к нам? Но ведь и в США, при их строгой миграционной политике, попадают те, кто никогда не будет работать, рассчитывая прожить на социальное пособие (на выручку от торговли наркотиками и от иной преступной деятельности). При этом доля неанглоязычных в населении так быстро растет, что специалисты уже высчитывают, в каком году президентом США станет негр (извините, афроамериканец), что может привести к серьезнейшим конфликтам и в конце концов к распаду страны. Так что привлечение мигрантов сулит не одни только выгоды.

А главное — почему вдруг так дружно заговорили о нехватке населения в России? Кто посчитал, сколько людей нам надо иметь для полноценного развития страны, из каких принципов исходили при этих подсчетах, какие методы использовали? Кроме цифр, взятых с потолка, на этот счет ни у властей, ни у ученых ничего нет.

Зато Римский клуб посчитал: если Россия останется поставщиком сырья и энергоресурсов странам Запада, то на таких работах могут прокормиться 50 миллионов человек (говорят, примерно такими же были и результаты расчетов Егора Гайдара). Вот и экономисты из окружения Маргарет Тэтчер определили: если экономика России сведется только к добывающим секторам, население страны можно уменьшить до 15 миллионов человек. Если останутся также и обслуживающие сектора, то (с учетом членов семей) получаются те же 50 миллионов. Выходит, в России не только нет нехватки населения, но и две трети имеющегося оказываются излишними!

Значит, необходимая численность населения России зависит прежде всего от того, какой мы хотим видеть нашу страну, каково ее место в будущем мире.

До 1991 года существовал СССР с населением около 300 миллионов человек, и этого хватало для развития хозяйства на территории в 22 миллиона квадратных километров. В его составе находилась Россия — РСФСР с на-

селением около 150 миллионов и территорией 17 миллионов квадратных километров, и она занимала первое место среди союзных республик по объему производства, культуре, человеческому капиталу. Значит, и ей населения хватало. И вот теперь, когда в России объем производства упал, по официальным данным, вдвое (фактически больше), та же численность населения для освоения той же территории вдруг оказывается недостаточной! Это же парадокс!

Так сколько же людей нам нужно?

При продолжении политики, проводившейся либералами во власти и полном превращении России в источник энергоресурсов для Запада, по подсчетам как отечественных демографов, так и институтов ООН и разных экспертов в странах Запада, к 2050 году россиян останется от 50 до 70 миллионов, в том числе русских — 20—25 миллионов. Россияне останутся преимущественно на тяжелых и грязных работах, а руководители производства и ведущие специалисты приедут к нам из стран Запада. А затем великороссы, как народ, исчезнут с лица Земли.

«Демографический взрыв» в современной России в принципе возможен, но рассчитывать на него можно лишь при определенных условиях. Тут недостаточно только наделять женщин, решившихся родить ребенка, материнским капиталом, как это предусмотрено нацпроектом. Хотя меры материального стимулирования рождаемости могли бы заметно улучшить демографическую ситуацию в стране, однако опыт СССР и развитых стран Запада показывает, что в индустриальном, а тем более в постиндустриальном обществе даже вполне обеспеченные семьи редко обзаводятся более чем двумя детьми (а чаще ограничиваются одним ребенком или вообще остаются бездетными). На первом месте у многих современных семей оказываются карьера или удовольствия. Если прежде нужно было иметь детей, которые будут содержать родителей в старости, то ныне развитая система социального обеспечения позволяет людям рассчитывать на достаточно высокое пенсионное пособие по старости от государства. В итоге, как горько шутят демографы, современному человеку дети не нужны.

Не вдаваясь более в эту сложнейшую проблему, хотел бы напомнить об одной стороне опыта дореволюционного прошлого. В царской России для привилегированных классов широко практиковалось казенное воспитание

детей. Я имею в виду не какие-то приюты для бедных, а закрытые учебные заведения типа лицеев, кадетских корпусов и институтов благородных девиц. Пушкин, например, воспитывался в Царскосельском лицее. Выпускницы Смольного института обычно хорошо устраивались в жизни, многие из них становились фрейлинами императрицы. Кадетские корпуса и другие военные училища были кузницами офицерских кадров. Если бы в наше время с женщины снять часть нагрузки, приняв ее сына или дочь 7—8 лет в лицей, то она с большей охотой могла решиться родить следующего ребенка.

Сценарий с массовым привлечением мигрантов вполне осуществим, только кликните — и миллиард жителей набегит, но в этих условиях коренным россиянам делать будет нечего. И вот что странно. Власть хлопотала о привлечении мигрантов и в то же время сквозь пальцы смотрела на эмиграцию своих граждан, которая служит признаком их недоверия к собственной стране. При этом уезжали образованные и квалифицированные, а приезжали преимущественно (в лучшем случае) чернорабочие, а нередко просто люмпены и преступники. А разве не преступники те чиновники Уральского региона, которые, чтобы смирить крестьян, из-за низких цен на свою продукцию отказавшихся сеять хлеб, не нашли ничего лучшего, как пригласить китайцев и отдать им землю в аренду на 49 лет. Можно себе представить, сколько приглашенных гостей и их потомков окажется в регионе через полвека!

А надо искать решение, которое позволило бы нам освоить Россию собственными силами. Надо не население подгонять под территорию и ресурсы, а исходить из задачи полного освоения ресурсов России тем населением, какое в ней будет, на основе собственных природных, финансовых и трудовых ресурсов. И основа такой стратегии очевидна: это построение сверхинтенсивной трудосберегающей экономики. Нужны всемерная автоматизация производства, структурная перестройка экономики с преимущественным развитием наукоемкого производства, широчайшее внедрение информационных технологий, перемещение десятков миллионов жителей из трудоизбыточных центральных и южных районов страны на Север и Восток.

То, что в России при либералах существовала безработица — это был позор для власти и свидетельство полно-

го ее «служебного несоответствия». То, что наши ученые и профсоюзные деятели хлопчут о сохранении, а еще лучше — об увеличении числа рабочих мест, говорит о непонимании ими стоящих перед страной задач. Для России главным направлением развития должно стать каждодневное высвобождение излишней рабочей силы из существующих производств на основе их автоматизации с тем, чтобы удовлетворить потребности в рабочей силе вновь возникающих предприятий и отраслей. При этом новые предприятия должны быть оснащены по последнему слову техники, желательно выше мирового уровня, а это означает, что высвобождаемым кадрам придется неуклонно повышать свой профессиональный уровень и квалификацию. В условиях высокотехнологичного производства с необычайно высокой скоростью протекающих процессов многократно возрастает ответственность каждого работника, от которого требуется быстро принимать решения в связи с возможными сбоями ритма работы. Значит, уровень подготовки наших кадров должен стать на порядок выше того, какой достался нам от прошлого. Все виды образования должны стать у нас не просто полностью бесплатными — людям надо доплачивать за то, что они учатся. Страны Запада столкнулись с тяжелейшей проблемой — там для выполнения необходимой работы достаточно иметь 20 процентов ныне имеющихся трудовых ресурсов, а куда девать остальных, «лишних людей» не в литературном смысле, а в прямом? В России такой проблемы быть просто не должно.

Итак, России иммигранты-квартиранты не нужны, они лишь обогащают частных предпринимателей, которые за гроши нанимают приезжих на тяжелые работы, содержат их по 20 человек в комнате. Это либералы в российском правительстве установили квоты на приглашение рабочей силы из-за рубежа. И это сообщение, кажется, никого тогда не взволновало. Видимо, все смирились с тем, что страна вымирает, рабочей силы становится все меньше, а российские граждане, даже если они страдают от безработицы, не хотят заниматься «не барским делом», выполнять грязные и тяжелые работы. Ведь стать водителем троллейбуса в большом городе — значит вставать в пять часов утра и тащиться в троллейбусный парк через весь город, быть трезвым как стеклышко не только в день работы, но и накануне и пр. А те же деньги можно заработать, подрядившись таскать ящики с продуктами про-

давцу-лотошнику, не будучи связанным графиком работы и дисциплиной труда. Поэтому в больших городах у нас на непопулярных работах трудятся белорусы и украинцы, молдаване и таджики. А на рынках по всей России хозяйничают азербайджанцы и грузины, к тому же торгующие не продуктами, выращенными своими руками, а товарами, полученными с городских баз.

За обладание территорией и владение землей всегда велась ожесточенная борьба, шли кровавые войны. И вдруг нашелся добрый или беззаботный народ, который распахнул ворота своей страны для всех желающих, рассчитывая жить припеваючи, на налоги, которые будут платить приглашенные из-за рубежа работники.

Ведь это все равно, что сдавать комнаты в своем доме квартирантам, да еще чужестранцам, а самим ютиться в кладовке. А ведь со временем квартирант может почувствовать себя хозяином, а гостеприимного собственника дома выставить за дверь. Пример сербской (теперь уже бывшей сербской) провинции Косово у всех на виду.

Говорят, что для огромных пространств России имеющегося у нас населения мало, нам нужно иметь 500 миллионов жителей. Возможно, со временем нас столько и станет. Но сегодня нужно исходить из того, что нас столько, сколько есть, и осваивать свою страну мы должны сами, не занимая во вне ни денег, ни ума, ни рабочих рук.

А как с продовольствием?

Народ не сберечь и не обеспечить его здоровье без достаточного и высококачественного питания, которое, в принципе, должно поставлять отечественное сельское хозяйство. В России на протяжении веков (в том числе и в советское время) с этим бывали проблемы, но такой разухи, какую без войны учинили в деревне либеральные реформаторы 1990-х годов, мировая история не знала.

Ранее, в главе, посвященной Северу, говорилось о разрушении тепличного хозяйства на Колыме. А вот картина с Юга. Агрофирма «Тамань» Краснодарского края была когда-то цветущим садом. Но ее умышленно обанкротили, имущество арестовали и продали за копейки узкому кругу лиц без аукциона и объявления в газетах, оборудование размонтировали и вывезли, постройки снесли, ви-

ноградники уничтожили — будто там прокатилась война. В поселке Красный Яр Волгоградской области молочно-консервный завод разрушен, оборудование вывезено и продано новыми хозяевами, мясокомбинат еле сводит концы с концами. Население — а это 8000 человек — власти оставили без заработка.

Таких описаний разрухи — тысячи, после Великой Отечественной войны в таком тоне излагались отчеты комиссии по фиксации злодеяний немецких захватчиков на советской территории, освобожденной от оккупантов. И почти каждый сигнал с мест теперь заканчивается вопросом: «Кто виноват в этом злодеянии?» Пока на него ответа нет, но его давать обязательно придется.

Разве можно было считать Россию, управляемую либералами, независимой страной, если она более половины потребляемого продовольствия получала по импорту (это в стране, располагающей львиной долей черноземов планеты!)? И это было результатом сознательной политики власти. Егор Гайдар и его соучастники окрестили сельское хозяйство «черной дырой», где якобы бесследно исчезают любые деньги, выделяемые государством на поддержку отечественного производителя продовольствия. Либералы были убеждены, что России собственное сельское хозяйство ни к чему, поскольку у нас не подходящие для этого природно-климатические условия. Проще продавать за рубеж нефть и газ, а на вырученную валюту покупать продовольствие. Вот такая программа «нефть в обмен на продовольствие»! А о том, как наши сельские труженики будут жить и работать, никто во власти и не подумал.

В итоге — катастрофическое (в 2—3 раза), падение сельскохозяйственного производства, безработица, нищета, возвращение жителей села едва ли не в XVIII век. Треть (!) посевных площадей заброшена, техническая база почти на нуле (кое-где в ход пошли уже забытые было сохи и серпы) и т.д. (См. «Белую книгу», выпущенную Государственной думой, а также книгу Сергея Кара-Мурзы «Покушение на Россию», М., 2003, с. 186—197).

Зарубежные производители продовольствия с энтузиазмом ринулись осваивать российский рынок, который остался без защитных таможенных пошлин. Иностранные компании шли на продажу продовольствия по демпинговым ценам, поставляли продукты в качестве гуманитарной помощи, бесплатно, лишь бы убить нашего

производителя. Ну а когда конкурент был убран, они с лихвой наверстали свое, взвинтив цены до мировых. К тому же это продовольствие часто поступало со складов НАТО, где оно пролежало много лет и потеряло почти все свои полезные свойства. Нередко импортируемое продовольствие вредно из-за генно-модифицированных и иных добавок.

А своего продовольствия России вполне могло бы хватить, если бы при власти либералов сельских жителей не выбросили из жизни, не перестали считать за людей. Развал крупных хозяйств сопровождался снижением зарплаток сельских жителей, ростом безработицы, свертыванием сети больниц и фельдшерских пунктов (как и учреждений культуры) на селе, а главное — нарастанием чувства безысходности, которое всегда приводит к ускоренному вымиранию населения. Государство практически бросило крестьян на произвол судьбы, предоставив им самим заботиться о своем достатке, быте и здоровье. Даже приход в деревню, на место развалившегося колхоза, солидного «инвестора» не улучшал положения. Инвестор — не благотворитель, он свою дорогостоящую технику не может доверить неквалифицированному, да к тому же вечно полупьяному или даже пьяному местному крестьянину. Он привозит квалифицированных работников со стороны, а черную работу на российских полях все больше выполняют турки и китайцы, корейцы и таджики.

Чиновникам было проще (и выгоднее) закупать продовольствие за границей (получая за это солидные «откаты»), чем у собственных крестьян. Умышленно развалена система потребительской кооперации. Крестьяне и фермеры лишены рынка сбыта продукции, потому что рынки в городах отданы во власть мафии перекупщиков, преимущественно кавказцев. Если же российский крестьянин пытался продать свою продукцию сам, обойтись без перекупщиков, ему это могло дорого обойтись.

Освободить крестьян и обуздать хищников!

Уже когда президентом стал Путин, проблемы агропромышленного комплекса страны не раз обсуждались на президиуме Госсовета и в правительстве. Выяснилось, что по техническому оснащению и технологии наш АПК отстает от мировых конкурентов на 40 лет. Путин на просьбы оказать помощь селу отвечал уклончиво: «По-

могать надо, но тем хозяйствам, которые работают эффективно».

В качестве причин катастрофического положения в сельском хозяйстве назывались недоработки в законодательстве, недостаточное финансирование, произвол чиновников на местах и пр. Но корни кризиса гораздо более глубокие. И речь должна идти о настоящей трагедии, а главное — о тех новых напастях, которые надвигаются на наше крестьянство.

Допустим, что власть на первое время уменьшит налоговую нагрузку, увеличит объемы государственных субсидий для АПК и сроки погашения кредитов. Допустим даже, что удастся изжить монополизм посредников, урегулировать ценообразование, сократить разрыв в ценах на сельскохозяйственную продукцию и на горючее, защитить отечественных производителей с помощью тарифно-таможенных механизмов. Но что это даст крестьянину, если он лишится главного своего богатства — земли? А такая опасность сегодня очевидна.

Новый виток обезземеливания крестьян. Крестьян всеми правдами и неправдами сгоняют с земли. Сначала это в массовом порядке можно было наблюдать возле Москвы и ряда других крупных городов, где обманом или насильем крестьян лишали их земельных участков, и эти земли продавались под строительство вилл и коттеджей для состоятельных граждан. Потом обезземеливание крестьян происходило уже почти повсеместно, и цель этого этапа другая. Аграрная Россия делится на земледельцев и землевладельцев, и вступает в силу экономический и правовой механизм, который должен принудить земледельцев работать на землевладельцев. И это не какое-то нелепое стечение обстоятельств, а реализация продуманной программы реформ 90-х годов. Не случайно эта программа разрабатывалась тайно от народа, и каждый новый этап ее осуществления сваливался на крестьян как снег на голову.

В результате этих реформ крестьяне получили свидетельства на свои земельные пай, но не сами земельные участки в натуре. Их получить практически невозможно из-за сложности и дороговизны оформления. В итоге львиная доля земельных паев оказалась в руках арендаторов. А в качестве таковых чаще всего выступали либо бывшее начальство колхозов и совхозов, либо номенклатурные чиновники районного и областного звена, либо, нако-

нец, новые хищники, ринувшиеся скупать эти бумажки, — «инвесторы». А это либо земельные спекулянты, либо промышленники, увидевшие возможность получения больших прибылей на вложенный в сельское хозяйство капитал в условиях почти дармовой рабочей силы.

Здесь напрашивается аналогия с «освобождением крестьян» Александром II в 1861 году. Тогда замысел реформы сводился к тому, чтобы крестьян освободить от личной зависимости от помещика, но землей их наделить в меньшем размере, чем они владели раньше. И лично свободных крестьян заставить по-прежнему в страду работать на помещика, оставить их в кабале, на этот раз экономическими методами.

Вот и реформы «демократов» 1990-х годов решали две политические задачи. Во-первых, надо было разрушить колхозы и совхозы, вообще всю систему социалистических отношений, чтобы сделать невозможным возврат к советскому строю. Во-вторых, требовалось обеспечить номенклатуре, а также криминальным элементам, накопившим большие деньги, возможность стать хозяевами жизни не только в городе, но и на селе. Ныне обе эти задачи решены, для чего сельскохозяйственные предприятия умышленно банкротились, а крестьян попросту обманывали, пользуясь их юридической неграмотностью.

Чего хотят новые помещики? Возможности эксплуатировать крестьян, оказавшихся в полной от них зависимости. Чего хотят городские «инвесторы», пришедшие на село? Чаще всего — выжать все из земли и крестьян, получить прибыль — и уйти, не смущаясь тем, что оставляют после себя нищету и запустение. Обанкротились «Воронежинвест» и другие крупные фирмы, о которых совсем недавно писали в восторженных тонах. Но те, кто устраивал эти аферы, положили в карман уворованные деньги и живут в свое удовольствие.

Значит, нужно говорить не о каких-то частных недостатках, а о заговоре, о планомерном уничтожении российского села ради захвата собственности теми олигархическими группами разного масштаба, в корыстных интересах которых и были осуществлены реформы последних 17 лет. Но об этом никто в «верхах» даже не заикнулся.

Еще раз о ВТО. Так же, как программа реформ, в тайне готовилось и предполагавшееся вступление России во Всемирную торговую организацию, что предусматривает, в частности, отмену или существенное снижение та-

моженных пошлин. Это приведет к тому, что у нас «загнется» (слово, употребленное Путиным) не только сельское хозяйство, но и сельскохозяйственное машиностроение (как, впрочем, и многие другие отрасли). Чтобы страна не погибла в этих условиях, нужно будет выделить на порядок больше, чем сейчас, средств на поддержку нашего АПК (и других отраслей экономики). Разве можно найти такие громадные деньги, не «раскулачив» нефтяных и прочих (в том числе и земельных) олигархов?

Что должно было бы стать предметом переписи. В 2006 году была проведена всероссийская сельскохозяйственная перепись. Дело это назревшее, ведь отдав производство продовольствия в руки частных компаний, дела которых окутаны «коммерческой тайной», государство утратило представление о подлинном положении в сельском хозяйстве. Только, на мой взгляд, задачи переписи трактовались слишком узко: получить информацию о том, сколько в стране скота, птицы, фруктовых деревьев и т.д., каковы площадь огородов и размер доходов сельских жителей и дачников (владельцев садово-огородных участков). А ведь не менее важно было бы учесть количество крестьян, их обеспеченность работой, размеры заработков, бытовые условия (наличие водопровода, канализации, газа, телефонной связи, компьютеров) и пр. Перепись должна бы показать размер и качество человеческого потенциала российского села, только тогда можно судить по-настоящему о его перспективах. И хорошо бы все это отразить по каждому хозяйству в сопоставлении с тем, что было до проведения разрушительных реформ. Тогда бы перепись не только дала сведения для статистиков, но и показала истинные итоги политики власти за последние 17 лет. Тогда стал бы наглядно виден и вклад каждого разрушителя в катастрофу, что тоже важно, хотя бы для будущего суда.

Но сегодня главное — принять меры, чтобы реально освободить труженников села от новой кабалы, которую уготовили им современные помещики и капиталисты, и обуздать аппетиты хищников и паразитов, присосавшихся к российскому селу. Вот о чем должны были бы высказаться все причастные к власти.

Лукавые цифры

Министр сельского хозяйства Алексей Гордеев с гордостью докладывал Путину об успешном завершении 2007

сельскохозяйственного года. Урожай зерновых, несмотря на неблагоприятные погодные условия, собран выше, чем в предыдущем году, — около 80 миллионов тонн. В результате страна не только полностью удовлетворит свои потребности в зерне, но и сможет экспортировать около 10 миллионов тонн зерновых.

Как же так? В 1990 году в РСФСР зерновых собрали (в весе после доработки, а не по предварительным данным) 113,5 миллиона тонн, но и этого не хватило — пришлось прикупить в США и Канаде 32 миллиона тонн (пшеницы — 15 и кукурузы — 13,2 миллиона тонн), экспорт составил чуть более 1 миллиона тонн. Если тогда России требовалось почти 150 миллионов тонн зерна, а теперь она собирает всего 80 миллионов тонн, и при этом 10 миллионов тонн оказываются лишними?

Секрет прост. В нынешней России почти уничтожено животноводство, потреблявшее ранее значительную часть урожая зерна. поголовье крупного рогатого скота в России с начала либеральных реформ сократилось примерно в три раза! И лишь в последние два года остановлено дальнейшее его сокращение, производство мяса и молока стало расти на 5—7 процентов в год. При таких темпах потребуются не менее ста лет, чтобы достичь объемов производства советского времени.

Специалисты посчитали: для продовольственной безопасности России надо иметь тонну зерна на человека в год. Следовательно, собирать надо около 145 миллионов тонн зерна, то есть нынешний «успех» в 80 миллионов тонн — это в действительности чуть более половины потребности. Тут надо в колокола бить тревогу, а не рапортовать об успехах!

А Гордеев рисует захватывающие перспективы: *«Уже через пять лет Россия будет кормить всю Европу»*. Да что там Европа! Министр утверждал, что Россия сможет обеспечить продуктами питания около одного миллиарда жителей планеты. И она окажется победительницей и по количеству, и по качеству производимого ею продовольствия, потому что *«имеет явное преимущество перед другими странами в производстве натуральных качественных продуктов... Наша страна может стать «полигоном» для производства экологически чистой пищи и отработки технологий «органического» земледелия. Это позволит воспитать здоровое поколение»*.

Да, экологически чистые продукты стоят гораздо дороже «обычных». Спрос на них растет, потому что увеличи-

вается население планеты. Но за рубежом эти продукты негде выращивать, вся площадь, пригодная для сельскохозяйственных нужд, уже используется. Производство нацелено на максимальную урожайность — с использованием либо пестицидов, либо генетической модификации растений. Развивающиеся страны, страдающие от перенаселенности, а следовательно, от нехватки продовольствия, идут по тому же пути. Самые населенные страны — Китай и Индия в связи повышением благосостояния народа увеличивают потребление продовольствия, к тому же все больше земель отводится под посевы культур, из которых получают заменители нефти — этанол и пр. А в России есть возможности вовлечения в производство не используемых ныне земель, не отравленных химией. Значит, мы можем производить и обычную продукцию для рынков развивающихся стран, и более дорогую «органическую» продукцию для привередливых покупателей в развитых странах.

Но пока Гордеев планирует кормить Европу, Министерство экономического развития и торговли намечает в ближайшие годы увеличить импорт многих товаров, в том числе и продовольственных. Видимо, предполагается, что Россия будет производить и вывозить высококачественные продукты, а для своего населения — завозить лежалый товар с Запада. Ведь до сих пор жители Москвы не знают, что такое настоящее молоко, их поят бесполезным, а часто и вредным «молочным продуктом», вырабатываемым из сухого молока. А подмосковные хозяйства, производившие натуральное молоко, изживаются, потому что их земли очень уж хороши для строительства коттеджей. Крупнейший специалист по русской кухне Галина Ивановна Поскребышева утверждает: *«Настоящее сливочное масло в наших магазинах не продается... Зелени у нас на столе практически нет»*, а та, что есть, привезена из Голландии, Турции, Испании, Кубы. *«Раньше наш хлеб был лучшим в мире»*, а сейчас *«русский хлеб очень плохого качества»*, потому что *«частники покупают самую дешевую муку 4-го сорта, не соблюдают рецептуру и технологию»* («МК», 06.04.2001).

В 2007 году — новая напасть: быстрый рост цен на продукты питания. Поскольку он мог неблагоприятно отразиться на итогах думских и президентских выборов, власти удалось договориться с поставщиками о временном замораживании цен на пять социально значимых продук-

тов, но ведь потом их рост возобновился. И эксперты утверждают, что отныне и в мире, и в России продукты будут только дорожать. Изобретен даже новый термин — агфляция, означающий сочетание роста инфляции с аграрным кризисом.

На что нацелен нацпроект по АПК

И вот в 2006 году появился нацпроект «Развитие АПК». Но в нем, как отмечает академик РАСХН Александр Серков, *«упор делается на два сектора — крупные агрохолдинги и мелкие производства. Холдинги привлекают инвестиции из других сфер деятельности и не требуют от государства почти ничего. И мелкие производства существуют сами по себе... Да, им нужна финансовая поддержка в виде доступных кредитов. Это хорошая мера. Но таким образом мы консервируем совершенно непроизводительные формы сельскохозяйственного производства. И таким образом мы никогда не сможем выйти на конкурентоспособную продукцию. Недаром министерство экономического развития и торговли считает, что в ближайшие годы доходы населения будут расти более высокими темпами, нежели производство мяса, и потому оно увеличивает квоты на импорт мяса...»* («Крестьянская Русь», 2006, №17). А ведь во всем мире (и власть это сознает) основу аграрного сектора составляют крупные компании.

Да, либералы разрушили крупное сельскохозяйственное производство советского времени и взамен не создали ничего. Их курс на развитие фермерства потерпел крах, и осталось наше село у разбитого корыта. И неизвестно, что делать с крестьянами, продавшими свои земельные паи. Они оказываются лишенными всего — пашни, сенокосов, вообще каких-либо источников существования, кроме своего подворья. Корпорациям, как и фермерам, часто бывает выгоднее нанимать китайских и турецких рабочих, чем местных крестьян. Крупные холдинги показали себя кровопийцами. А нет ли других форм крупного производства на селе?

Островки социалистического благополучия

Как ни злобствовали либералы, как ни старались уничтожить все советское под корень, им это удалось не везде. Нашлись настолько авторитетные старые хозяйственни-

ки, что на их предприятия либералы замахнуться не решились. Одно из таких хозяйств — белгородский колхоз имени Фрунзе, почти 50 лет возглавлявшийся Василием Яковлевичем Гориным.

В колхозе 15 200 гектаров одной пашни, 1630 работников, в том числе 166 специалистов. *«По современным понятиям, — говорит Горин, — можно за один год вдвое сократить численность работников и повысить производительность труда. А куда деваться людям? Что будет с их семьями, детьми? Завтра они станут алкашами, ворами, наркоманами, убийцами. Я считаю, пусть человек получает заработную плату несколько ниже, но его семья будет жить, развиваться.»*

Мы делаем все для того, чтобы, как принято говорить, исключить дурное влияние улицы на ребенка. В нашем шахматном клубе занимаются 104 шахматиста, есть кандидаты в мастера спорта. Школу искусств посещают 270 человек, которых обучают 30 преподавателей различных профессий. Есть три духовых оркестра, оркестр народных инструментов... Дети выезжали в Швейцарию, Германию, Польшу... Люди и работают с удовольствием: 7-часовой рабочий день, 5-дневная рабочая неделя. В рабочее время вы нигде не услышите запах алкоголя... У нас вообще нет крупного воровства... В Бессоновке проживают 3100 человек... А на подворьях у колхозников — лишь 7 коров! Сейчас повсюду раздается пропаганда, что люди должны жить и кормиться за счет личного подсобного хозяйства. А я думаю по-другому: коллективное хозяйство, общественный сектор должен кормить человека. Он отдаст свой труд, сколько положено, получит зарплату и будет заниматься семьей... Обед стоит 2 рубля, в школе и детском садике детей кормим бесплатно... У колхозников более 100 легковых автомобилей, ездят в кино, в театр, в гости... Детский садик — это тоже наша гордость... Там есть все — плавательный бассейн, зимний сад, залы для занятий музыкой, хореографией. Оттуда выходят совсем другие дети. А у молодых мам появляется желание иметь второго ребенка» («Крестыанская Русь», 02.08.2004).

Вот советский ответ и либералам во власти, и хищникам-рыночникам. А также напоминание колхозникам иных сел, с готовностью рушивших свои коллективные хозяйства.

Почти 50 лет руководил огромным хозяйством в селе Уляхино Владимирской области Степан Петрович Гинин.

Он развала хозяйства тоже не допустил, у него, как и прежде, в домах канализация, газ, ванны и санузел не «на ветру», жилье, коммунальные услуги, медицина и транспорт бесплатные. Гинин не просто защищает достигнутое, но и активно выступает против хищничества:

«Вы только подумайте, немцы нас в такой жесточайшей войне не сломали. А теперь свои же народ победили и сосут из него соки. Государство устанавливает для себя законы, поддерживает тех, кто все себе прихватил, таких воров в законе. Другие вору в этом же государстве отбирают то, что запрещено отобрать по закону. Вот такая война с двух сторон против народа. Деньги бешеные некуда деть, вот и придумали продажу земли и лесов, чтобы еще больше на этом заработать. На юге половина земель уже олигархами скуплена, но сельским хозяйством они на ней не занимаются» (АиФ», 2005, №44). И не поздоровится тем, на кого крестьянин пойдет с топором. Тема мщения врагам народа, разрушившим то, что создавалось трудом, потом и кровью нескольких поколений наших соотечественников, все чаще поднимается в российских СМИ.

Как привлечь молодежь на поля и фермы

Острейшая проблема, стоящая перед российским АПК — кадры, особенно молодые. Старшее поколение уходит. К тому же в село приходит техника, насыщенная электроникой, на очереди внедрение систем точного земледелия и достижений биотехнологий. И для работы сегодня нужны работники значительно более высокой квалификации, чем те, что заняты на селе сейчас. А где их взять, молодых, образованных и желающих работать на полях и фермах?

Брошенное поколение. Либеральные реформы последних 17 лет, разрушившие сельское хозяйство России, больше всего ударили как раз по сельской молодежи. В тех хозяйствах, которые были разорены, молодежь оказалась просто брошенной на произвол судьбы. У нее не было работы, и если пенсионеры получали пенсию, а работникам старшего возраста, хоть и нерегулярно, но платили зарплату, то молодые обрекались на безделье и безденежье. В деревнях стали обыкновением ранее почти неизвестные воровство, проституция и наркомания, усилилось пьянство, участились хулиганские выходки. Самое печальное заключается в том, что молодежь, оставаясь в

деревне, не видела никакого выхода из этой мрачной ситуации, а это вело ее к деградации.

О закреплении молодежи в селе. Конечно, не везде положение было столь плачевным. В немногих хозяйствах, оставшихся «на плаву», руководители, озабоченные подготовкой трудовой смены, старались закрепить молодежь: строили дома, посылали на курсы механизаторов, направляли за деньги хозяйства на учебу в город в расчете на то, что молодые специалисты вернутся домой. В некоторых уральских деревнях устроили даже стриптиз-клубы. Но — будем откровенны: руководители хозяйств при этом думали не о том, чтобы молодые люди реализовали себя и были счастливы, а о том, чтобы не остаться без рабочей силы. Само понятие «закрепление» молодежи на селе» носило оттенок «прикрепления к земле». Хотя это и не было «новым крепостным правом», но не было и свободным выбором молодежью жизненного поприща.

Но даже если и удержать такими путями в деревне часть ее молодежи, этого недостаточно. А такими методами завлечь в село в достаточном количестве и нужного качества кадры из городов вряд ли удастся.

А чего хочет молодежь? Телевидение показывает сельскую школу, в которой окончила одиннадцатый класс единственная девушка. У нее нет подруг, с которыми она разделила бы радость, не будет и выпускного бала. Она говорит: получу аттестат и пойду спать. Вот и все торжество.

Я знаю, что множество молодых сельчан любят свою малую родину и ни за что не хотели бы жить в большом городе. Возможно, пройдет несколько десятилетий, разразится кризис мегаполисов, и миллионы их жителей устремятся в пригороды, в малые города и в сельскую местность. На Западе уже заметны предвестники этого явления, большие города теряют жителей. Но сегодня в России положение иное.

Для девушки, о которой шла речь, настоящая жизнь (по крайней мере, в ее представлении) протекает в городах. Там школьные балы, там широкий выбор профессий и развлечений, там множество людей, разнообразие встреч и впечатлений, гораздо более широкие возможности устроить свою судьбу. Часто это всего лишь иллюзия, но такая, какую девушка должна изжить сама. Пытаться заранее убедить ее в этом обречена на неудачу. Цивилизация, как минимум, первой половины XXI века — это городская цивилизация, и молодежь хочет воспользоваться ее благами.

Работа на селе, жизнь в городе. В советское время в прессе не раз появлялись статьи, в которых подвергались критике руководители и специалисты колхозов и совхозов, которые жили в райцентре и на работу в село добывались на своих машинах или на автобусах. А руководитель оправдывался: жена не хочет переезжать в деревню, в семье есть учащиеся не только младших, но и старших классов, к тому же посещают музыкальную школу, а в селе только неполная средняя школа и т.д. Эти люди понимали, что и для сельского труженика жизнь в городе имеет много преимуществ.

Спрашивается, а почему этот опыт руководителей не распространить и на рядовых работников? Почему не набирать кадры для села, проживающие в городах? Тем более, что там немало людей, которые любят сельский труд, но не хотят жить в условиях нынешней сельской заброшенности. Во многих городах — больших и малых — свирепствует безработица, так что можно отобрать для работы на селе людей квалифицированных и работающих.

Да так оно уже и происходит. Когда в село приходит крупный капитал, в некоторых хозяйствах новые хозяева набирают доярок по конкурсу, платят им по 15—20 тысяч рублей в месяц и возят их на работу за десятки километров, присылая за ними машину. Таких хозяев критикуют за то, что они не создают рабочих мест для местного населения, но, возможно, они лишь первыми уловили современную тенденцию.

Россия велика, условия в разных ее регионах весьма различные, не одинаковыми будут и решения. В одних случаях работникам можно ездить на работу из города каждый день, в других они будут выезжать, скажем, на неделю и жить в общежитии, потом им на смену придет (или прилетит на вертолете) другая бригада. Ведь осваивают же вахтовым методом нефтяные и газовые месторождения Севера!

Министр сельского хозяйства России Алексей Гордеев, озабоченный трудоустройством мигрантов, говорит: нужно *«не пытаться загнать новых поселенцев в покосившиеся избы умерших деревень, где уклад жизни напоминает XVIII век, а создавать самодостаточные социальные и одновременно агропромышленные центры»*. А на роль таких центров гораздо больше подходят райцентры, чем доживающие свой век деревеньки.

Замечу, что треть американских фермеров проживает не на фермах (там на ночь остаются только сторожа), а в

городах (многие там же и подрабатывают, потому что на один доход от фермы семье не прожить). Дорога от дома до фермы — каких-нибудь 50 километров — на машине по хорошей дороге занимает минут двадцать. При этом у фермера нет личного подсобного хозяйства, он не возится ни с огородом, ни со скотиной.

Новая организация труда и быта сельчан потребует преобразования всей жизни региона. Нужны будут хорошие дороги, сплошная телефонизация территории, благоприятные условия труда на рабочем месте. Квалифицированный работник ответственно относится к делу и должен получать достойную плату. И местные жители, не пожелавшие переехать в город, займут рабочие места, которые удобнее все же отдать тем, кто живет постоянно у полей и ферм, к тому же они получат рынок сбыта своей продукции.

Отмечу: то, что я предлагаю, взято из жизни. В советское время нередко городское промышленное предприятие принимало на свой баланс колхоз или совхоз в качестве «зеленого цеха», чтобы иметь надежный источник продовольствия, устраивало там и пионерский лагерь, и базу семейного отдыха. Многие рабочие охотно соглашались поработать в «зеленом цехе» не только положенное время по графику, но и в отпуск, тем более, что и дети были под их присмотром.

Сельскому хозяйству — вахтовый метод?

Ныне аграрно-промышленного комплекса в России по существу уже нет, его надо воссоздавать вновь. Но возможно ли это, если во многих деревнях остались лишь те, кому некуда уехать, село поразила обычная болезнь людей, лишенных надежды на будущее и ощущения осмысленности жизни, — пьянство. На импорт продовольствия денег скоро не будет, да и при возможном осложнении международной обстановки нам легко могут перекрыть каналы поступления продовольствия, и в стране наступит самый настоящий голод.

Можно ли сегодня вернуться к лошади как главной тягловой силе? Нет. Крестьянин, вероятно, сможет лишь прокормить свою семью и кое-что продать. Но обеспечить страну всей нужной ей продукцией сельского хозяйства при этом невозможно. Сегодня в деревне проживает не 80 (как до революции), а 25 процентов населения, среди которого прослойка трудоспособных невелика. Да и в

дореволюционной России львиную долю хлеба, особенно на экспорт, давали крупные помещичьи хозяйства*. А уж сегодня-то и подавно — будущее за крупным производителем. Но в целом по стране лишь два процента крупных хозяйств вовлечено в процесс вертикальной интеграции.

Агрофирма, купившая землю, набирает в городе кадры по конкурсу. В городах сейчас много квалифицированных рабочих, уволенных в связи с закрытием предприятий и занятых на случайных работах. Они достаточно образованны, знакомы с новейшей техникой, их легко доучить, чтобы они владели сельскохозяйственными специальностями. Многие из них с удовольствием пошли бы работать на полях и фермах по схеме: месяц в деревне — месяц в городе. Рабочий день на вахте продолжительный, там не до театров, царит сухой закон. А по возвращении в город можно наверстать все упущенное. При этом отпадает необходимость развертывать на селе широкое жилищное и культурно-бытовое строительство, достаточно благоустроенных общежитий и столовых. Значит, этот путь потребует наименьших капиталовложений.

Велики и социальные преимущества такой организации производства на селе. Как писал еще в 20-е годы прошлого века Михаил Пришвин, бич деревни — в сознании того, что *«настоящая жизнь — в городе, а здесь — прозябание»*. Но работа в деревне при постоянном месте жительства в городе (а не в деревне, даже с домами городского типа) — это совершенно иной, качественно более высокий жизненный стандарт. И местное население окажется пристроенным, в особенности на работах по содержанию инфраструктуры и на тех работах, где не требуется высокая квалификация.

Стихийно дело к этому идет, некоторые агрохолдинги уже создают передвижные машинно-тракторные (машинно-технологические) станции. Но вахтовый метод может стать спасением для российского села, если его положить в основу государственной аграрной политики.

Со временем, когда рыночная эйфория пройдет и страна вернется к плановому хозяйству на современной основе, звенья инфраструктуры, созданные для вахтового сельскохозяйственного производства, могут стать очагами вос-

* Так для чего же надо было устраивать революцию? Уважаемому автору необходимо напомнить, что после Столыпинской реформы львиную долю хлеба давали не «помещичьи», а зажиточные крестьянские хозяйства. — Ред.

становления крупных предприятий, основанных на труде местного населения.

Член-корреспондент РАСХН В.В.Бледных считает, что *«сейчас не имеет смысла вновь отстраивать заброшенные деревни. При российских расстояниях, особенно в восточной части России, создать приличные условия жизни в деревне практически невозможно из-за дороговизны коммуникаций: дорог, электросети, газопровода и т.д. В малых деревнях невозможно иметь квалифицированную медицинскую помощь и приличное образование. Выход один — агрогорода... Население агрогорода должно заниматься двумя видами деятельности: зимой — занятие кустарным промыслом, работа на небольших предприятиях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, производство строительных материалов из местного сырья и т.д.; летом — работа вахтовым методом на полях, расположенных на расстоянии до 30 — 50 километров. Удобная передвижная инфраструктура способна создать комфортные условия на полевых работах. Животноводство, выгульные пастбища, должны быть расположено вблизи агрогородов, чтобы животных можно было обслуживать, живя непосредственно в городе... при радиусе полевых работ до 30 километров агрогород может обслуживать до 150 тысяч гектаров пашни и до 50 тысяч голов скота в пересчете на крупный рогатый скот. Собственники предприятий агрогорода являются одновременно собственники земли и скота, обеспечивают работой население агрогородов в течение года. Агрогорода должны стать одним из самых важных национальных проектов...»* («Голос народа», 30.11.2006).

Что дальше?

На последнем в 2007 году заседании правительства Путин признал, что мир вступает в эпоху дорогих продуктов питания, так же, как и дорогой энергетикой. Он заявил: *«не просто сдерживать цены, этого недостаточно, и мы не добьемся нужного эффекта таким образом, а нужно думать о развитии собственного сельскохозяйственного производства... Нужно вкладывать туда деньги, нужно помогать селянам вставать на ноги так, как мы это делали, может быть предыдущие два года в рамках национальных проектов, нужно думать, как нам выстраивать эту работу дальше»* («Российская аграрная газета», 11.01.2008).

В январе 2008 г. кандидат в президенты РФ Дмитрий Медведев, посетив в Калининградской области передовой (не хуже европейских) производственный комплекс по глубокой переработке маслосодержащих культур, сделал выводы глобального характера: *«У нас появились реальные рычаги для стабилизации цен (на продукты. — М.А.) внутри страны... Мы не только крупнейшая энергетическая страна, но и имеем возможность превратиться в крупнейшую продовольственную державу мира. Эти вызовы XXI века мы вполне можем превратить в наше преимущество»* («МК», 11.01.2008).

Власть осознала необходимость восстановления крупного сельскохозяйственного производства. Она долго держала равнение на развитие фермерства. Но фермеры до сих пор производят всего 3 процента продовольствия в стране. Министр Гордеев познакомился с фермерством в Евросоюзе: *«Производство молока там полностью котируется: грубо говоря, государство каждому фермеру дает задание по выработке. Это элемент плановой экономики. Я был в Голландии в кооперативе «Кампина». Он объединяет 4000 фермеров: забирает у них молоко и перерабатывает на крупных заводах. Фермер — просто человек у станка: он знает свою норму, знает, сколько ему заплатят»* («АиФ», 2001, №18). В таком же положении находится и фермер в США. И министр уже провозгласил новый курс: **назад, к колхозам!** Правда, уже без партторгов. Именно этим, согласно здравому смыслу, должно закончиться *«объединение фермеров на принципах кооперации»* («МК», 02.08.2005). И соответствующее движение уже началось, в частности, в Волгоградской области («Труд», 01.06.2004).

И в аграрном секторе нет иного пути, кроме возвращения к лучшим сторонам советского опыта!

Таким образом все четыре направления (жилье, образование, здравоохранение, сельское хозяйство) обеспечат не только сбережение народа, но и новый шаг на пути к более высокому уровню его физического, интеллектуального и духовно-нравственного развития.

Продолжение следует

Олег ПЛАТОНОВ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

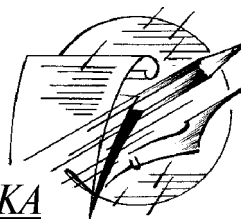
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

«За чертой» с масонами. — Их решающее участие в незаконном вывозе Особого архива на Запад. — Документы о масонском заговоре 1917 года. — Секретная записка «Сюрте Женераль»

С конца 1992 года в Особый архив КГБ СССР зачастили непрошеные гости. Это были представители масонских лож из Франции, Бельгии, Голландии, Германии. У всех имелось разрешение из Росархива от Прокопенко. Ожидая вывоза архива на Запад, они проводили своего рода инвентаризацию. По выправке было видно, что они не простые масоны, а работники спецслужб. Непрошенных гостей удивляли убогие условия нашей работы, отсутствие буфета. Но день ото дня они усидчиво выполняли задания.

Сложилась довольно пикантная ситуация. Маленький читальный зал как бы пересекла невидимая черта, разделившая людей противоположных взглядов. С одной стороны в ряду из трех столов, ближе к двери, обычно

Продолжение. Начало в №1-2 за 2007 г.



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

занимался я со своими сотрудниками и прочие посетители архива. В интересах дела мы соблюдали конспирацию. Большинство работников архива во главе с директором не знало, что мы представляем единый коллектив, поставивший цель обработать и скопировать как можно больше документов до вывоза их на Запад. Я разработал график, по которому мы приходили в архив. Понимая, что нашей малочисленной группе не удастся справиться с обработкой огромной информации, я старался привлечь внимание к Особому архиву русских исследователей. К сожалению, большинству из тех, кого я приглашал, не нравилась трудоемкая, требующая усидчивости и концентрации внимания работа с архивами. Из всех, кого я приглашал, только Воробьевский и отчасти В.М. Острецов сумели воспользоваться уникальными документами Особого архива.

«За чертой» находился другой ряд столов, который обычно занимали масоны со своими ноутбуками. Они бросали на нас колючие недоброжелательные взгляды, но обычно ничего не говорили, хотя и знали русский язык. Довольно скоро у них появились союзники в лице некоторых работников архива и даже исследователей. Общий язык с ними нашли два типичных партийных историка, ученики «школы Минца—Иоффе» — О.Ф. Соловьев и А.И. Серков. Привыкшие работать по заказу, втискивая исторический материал в рамки партийных установок, сознательно закрывая глаза на все факты, которые противоречили взглядам заказчиков, Соловьев и Серков после падения КПСС легко поменяли хозяев, почувствовав, кто реально стоит за спиной новой российской власти. Тем более сделать это им было легко, так как преобладающая часть лидеров КПСС влилась в масонские ложи и организации. Если раньше партийные историки закрывали глаза на преступления, творимые КПСС, то в новых условиях они таким же образом стали лакировать историю масонства. Подтверждением тому стали написанные ими по заказу масонов книги. Особенно гадко вел себя Соловьев. Он старался услужить непрошеным гостям. Уже немолодой человек, он бегал в магазин за колбасой и хлебом. Так же угодливо вели себя некоторые сотрудники архива, прежде всего директор и сотрудник читального зала. Наши друзья сообщали мне, что эти «угодники» получали от масонов дорогие подарки и оплаченные приглашения на отдых в европейские страны.

С грустью наблюдая подлости наших оппонентов «за чертой», я старался сдерживаться, не вступать с ними в конфликт, так как видел, что они искали повод запретить мне посещение архива. А терпеть было ради чего!

Уже к концу 1992 года я разыскал в Особом архиве ряд документов, подтверждавших прямое участие масонских лож в разрушении государственного порядка накануне 1917 года. Документы и воспоминания масонов, найденные мной, свидетельствовали, что план государственного заговора был разработан масонами еще в 1915—1916 годах, заранее был согласован список главных кандидатур в правительство и на ключевые посты в губерниях.

Большой удачей была находка неизвестных ранее записей масона В.А. Нагродского. «Революция, — писал он, — окрылила братьев».

Царь был принужден заговорщиками к отречению в марте, а уже в апреле в Москве собрался Всероссийский масонский съезд. На нем делегаты южных масонских лож предложили объявить Россию масонской державой и направить своих представителей к другим масонским державам. Однако большая часть съезда, в основном состоявшая из старых масонов, высказалась против «открытого существования масонства» и предложила сохранять полную тайну. Как отмечал впоследствии тот же Нагродский, решение старших «братьев» не легализовать масонскую деятельность и их опасения «оказались правильными».

Составленные в масонских ложах списки лиц, рекомендуемых «вольными каменщиками» для занятия государственных должностей, «годных для новой администрации», стали руководящими документами при формировании Временного правительства и ключевых постов министерств и ведомств, а также комиссаров Временного правительства на местах.

Изучая документы Особого архива, я обнаружил документы, подтверждавшие связь масонов с большевиками перед октябрьским переворотом и после него. В конспекте доклада о революции в России, сделанного масоном Бурьшкиным на заседании ложи «Астрея», выстраивается вся цепь связи: «Большевики знали, чего они хотели. Троцкий — Кишкин — Бурьшкин — Скворцов. Мы решили поднять восстание».

Придя к власти, Ленин налаживает тайные связи с зарубежными масонскими ложами и прежде всего выделяет

значительные суммы на ремонт главного «масонского храма» — «Ордена Великий Восток Франции» на улице Кадэ в Париже. Было это в 1919 году, когда во многих городах России люди умирали от голода прямо на улицах.

Документы Особого архива открыли мне глаза, почему не смогло победить Белое движение. Списки членов масонских лож, хранившиеся в архивах, свидетельствовали о том, что большинство руководителей Белого движения принадлежали к масонским ложам.

Антимонархическое, большей частью космополитическое и республиканское Белое движение, возглавляемое масонскими лидерами, тоже тесно сотрудничало с мировым масонством. В конечном счете речь шла о борьбе за власть двух космополитических сил, победа каждой из которых не сулила русскому народу ничего хорошего.

По масонским источникам мне удалось установить, что перед захватом власти большевиками в России действовало 28 лож масонской организации, именовавшей себя Великим Востоком Народов России.

Около половины «братьев» уехало за границу. Как сообщает масон Кандауров, они пытались войти в сношения с иностранными масонскими ложами (в Швеции в 1919 году, в Англии в 1921 году, а к концу войны «брат» Керенский был допущен к чтению доклада о русских делах в одной из лондонских лож).

Кроме лож Великого Востока, действовало несколько тысяч человек, принадлежавших к мартинистам, розенкрейцерам и филалетам (только их числилось около тысячи).

Ряд серьезных открытий мне удалось сделать, работая с архивами французских спецслужб и прежде всего спецслужбы «Сюрте Женераль» (нечто вроде советского КГБ).

В одной из папок этой службы я обнаружил секретную записку о русском масонстве и обширный список русских членов масонских лож. Привожу этот уникальный документ ниже (но без списков).

«Префектура полиции Республика Франция.

Управление общей полиции.

1-е Управление.

Служба общей безопасности

(Сюрте Женераль).

1-е Бюро. Париж, август 1933.

Секретно.

Русское масонство.

Русское масонство приобрело заметный размах после ре-

волюции 1905 года, еще более усилилось при временном правительстве в 1917 году, но было разбито с приходом к власти большевиков.

В эмиграции русские масоны возрождают свои организации.

В 1922 году Международный масонский съезд в Лозанне доверил Высшему Совету лиц 33 масонского градуса организационное оформление русского масонства.

После периода поисков и пропагандистской работы было создано некоторое число русских лож, которые были подчинены различным французским масонским формированиям.

Так, например, «Великий Восток Франции» контролирует ложу «Северная Звезда», основанную в 1924 году, объединившую старых революционных активистов, а также, что намного важнее, ложу «Свободная Россия», основанную 9 ноября 1931 года. Местопребывание этих двух лож находится в помещениях «Великого Востока Франции», улица Кадэ, 16.

«Великая Ложка Франции» контролирует следующие русские ложи:

- «Астрейя», основанная в 1922 году, имеет номер 500;*
- «Северное Сияние», основанная в 1924-м, имеет номер 523, состоит из бывших офицеров императорской гвардии;*
- «Юпитер», основана в 1927-м, под номером 536, вместе с ложью «Золотое Руно», основанной в 1926-м и зарегистрированной под тем же номером;*
- «Прометей», основана в 1927-м, под номером 558;*
- И, наконец, совсем недавно была образована ложа «Гамаюн».*

Ложи «Астрейя», «Северное Сияние», «Гермес» и «Юпитер» имеют местопребывание на улице Иветт, 29. «Прометей» помещается на улице Пюто, 8.

Наконец, масонская система «Право человека» контролирует русскую ложу «Аврора», созданную 14 марта 1927 года под номером 840 и располагающуюся на улице Жюль Бретон, 5.

Для координации деятельности русских лож 10 февраля 1927 года в Париже была образована «Консистория Русского Масонства 32 градуса», которая получила название «Россия» и была зарегистрирована во французском масонстве под номером 563. Число русских масонов, проживавших в нашей стране, довольно значительно. Ниже следуют фамилии известных нам лиц...»

Я первым получил редкую возможность познакомиться с уникальным документом, который помог мне отве-

тить на многие вопросы, но вместе с тем поставил немало новых. Секретная записка французской спецслужбы «Сюрте Женераль» о русском масонстве была составлена на основе недоступных для наших исследователей источников и прежде всего агентурной работы в самих масонских ложах. Ни для кого не секрет, что во французской армии и государственных учреждениях масонство было вполне бытовым явлением. Многие офицеры и работники спецслужб числились в масонских ложах и имели возможность наблюдать их жизнь изнутри. Русское масонство было в своей преобладающей части филиалом французского масонства и прежде всего двух его главных орденов — «Великая Ложа Франции» и «Великий Восток Франции». Поэтому для «Сюрте Женераль» не было проблемы получения информации о русских масонах. Ценность ее источника состояла еще и в том, что она располагала данными о членстве в масонских организациях лиц, информация о которых в целях конспирации не отражалась в официальных документах и переписке масонских лож. Достаточно сказать, что вся переписка с русскими масонами шла не обычным путем через многочисленных функционеров масонских лож, а исключительно через первых лиц орденов, которые по своим каналам получали эту корреспонденцию и хранили ее особо тайно. Среди французских масонов считалось, что их русские «братья» работают в особо опасных условиях и что оглашение их принадлежности к масонству грозит им смертной казнью или, по крайней мере, каторгой в Сибири (конечно, это было не так).

К 1917 году в России действовало не менее 2000 масонов, включая и такие их ордена, как розенкрейцеры, иллюминаты, а также членов иностранных масонских лож. Значительная часть из них, не менее 400 человек, принадлежащих к «Великому Востоку Франции» и «Великой ложе Франции», были в чистом виде членами тайной политической заговорщической организации, целью которой ставилось свержение русского государственного строя. Именно эта часть организовала кампанию дискредитации, а потом и убийства Распутина, а также готовила убийство царя.

В списке русских масонов, приводимом французской спецслужбой, были не только известные деятели масонских лож 20—30-х годов, начиная с 1905 года. Список далеко не исчерпывал всех русских масонов, а включал пре-

имущественно наиболее активных или наиболее известных своим положением в обществе.

Данные, приводимые в секретной записи «Сюрте Женераль», позволили мне еще раз убедиться в принадлежности к масонству ряда лиц, участие которых в этой организации подвергалось сомнению или вообще отрицалось.

В списке я нашел фамилии активных участников заговора против царя — бывшего председателя 3-й Государственной Думы А. Гучкова, бывшего военного министра А. Поливанова, главнокомандующего Северо-Западным и Северным фронтом Н. Рузского, сыгравшего роковую роль в отречении царя. Масонство каждого из этих лиц долгое время оспаривалось. Тут же приводился целый ряд министров Временного правительства: Керенский, Львов, Авксентьев, Переверзев, Терещенко и другие.

Но, пожалуй, главной сенсацией этого списка является П. Милюков — самый известный лидер либерального антирусского движения, до сих пор считавшийся чуть ли не единственным немасоном в масонском Временном правительстве. О принадлежности П. Милюкова к масонству есть данные и в других делах «Сюрте Женераль». В частности, по секретным данным этой спецслужбы за 1939 год, П. Милюков выступал в различных залах Парижа перед масонской аудиторией лож «Великий Восток Франции» и «Великая ложа Франции», что свидетельствует о его очень высоком ранге в системе французского масонства. Последнее объясняет, почему Милюков не замечен в контактах с русскими масонскими ложами. По-видимому, он не входил ни в одну из русских лож, а осуществлял свое влияние на них негласно как крупный функционер высших эшелонов французского масонства.

В числе русских масонов в списке «Сюрте Женераль» указан целый ряд революционных боевиков-террористов, профессиональных убийц, таких, как эсер Борис Савинков, сионист Пинхус Рутенберг, народоволец Николай Чайковский.

Одной из самых прискорбных страниц русского масонства стало участие в нем некоторой части российских литераторов, для многих из которых это было глубоко личной трагедией ухода от полноты национальной жизни в затхлое и темное подполье масонской конспирации. В списке «Сюрте Женераль» перечислены, в частности, имена А. Амфитеатрова, М. Алданова (Ландау), М. Лем-

ке, И. Лукаша, Л. Любимова, М. Волошина, Дон-Аминадо (Шполянского), В. Немировича-Данченко.

В списке поражает значительное количество представителей аристократических родов России. Но удивительного здесь ничего нет. Еще в XIX веке преобладающая часть дворянства стала в России чем-то вроде иностранцев, ибо жила по западноевропейской шкале координат, презирая коренные основы, традиции и идеалы русского народа. Участием в масонском подполье представители дворянства опозорили свои роды во веки веков. В масонском списке «Сюрте Женераль», в частности, значатся князья В. Вяземский, Е. Гагарин, С. Горчаков, А. Лобанов-Ростовский, Г. Львов, Д. Оболенский, Д. Репнин, Д. Ливен, В. Кочубей, графы А. и П. Бобринские, А. Игнатьев, А. Мордвинов, Д. Шереметев, П. Шувалов. Можно ли после этого удивляться, что в трагические дни февраля 1917 года у царя практически не нашлось поддержки в среде аристократии?

Документ «Сюрте Женераль» позволял выявить новые детали в проводимой масонами кампании по дискредитации Распутина. Я уже отмечал, что клеветническая кампания против Распутина была организована масонами с целью дискредитации положения царя и представления его в глазах российского общества как человека развратного и аморального. Однако до сих пор не было известно, что ходатай по еврейским делам при Распутине, выступавший в роли чуть ли не его секретаря, Арон Симанович, был масоном и, по-видимому, выполнял какое-то специальное задание. Масоном был также пытавшийся вкрасься в доверие к Распутину банкир, аферист Дмитрий («Митька») Рубинштейн.

Наконец, данные, приводимые в записке, дают возможность понять, почему не удалось спасти царскую семью при подготовке ее бегства из Tobольска. Оказывается, одним из главных организаторов готовящегося монархического подпольем спасения царя и его семьи был тайный масон, банкир К. Ярошинский. В январе 1918 года он направил в Tobольск якобы с целью освобождения царя Бориса Соловьева, также масона, женатого на дочери Григория Распутина. А Борис Соловьев сделал все, чтобы парализовать деятельность монархических групп по спасению царя и, более того, сдал некоторых спасателей в ЧК. Следователь по делу об убийстве царской семьи Н. Соколов считал Б. Соловьева агентом немецкой раз-

ведки. Но в этом он ошибся. В Особом архиве есть карта-тека гестапо, в которой Соловьев значится не как агент Германии, а как большевистский агент в монархических организациях. Таким образом, Соловьев соединял в себе две антирусские силы — масона и большевика.

Известно, что среди большевиков были масоны — редактор ленинских «Известий» Скворцов-Степанов, видный функционер Середя, нарком просвещения Луначарский. Существует версия о принадлежности к масонству самого Ленина, вступившего в ряды «братьев» в Лондоне перед Первой мировой войной (однако никаких документальных подтверждений этому пока нет). Можно с определенной степенью уверенности говорить о связях масонов с большевиками перед октябрьским переворотом.

В 1923 году масон Кандауров жаловался своим «братьям» на недоброжелательство самых различных общественных групп к масонскому движению. «Большевики, — писал он, — считают масонов организацией буржуазной и недаром поставили делегатам III Интернационала условием непринадлежность их к нашему Ордену. Римско-католическая церковь руководит нравственно и материально обширной антимасонской пропагандой и возводит на нас всякие небывлицы, которым охотно верят слабые люди, склонные объяснять несчастья не собственными недостатками и промахами, а вмешательством таинственных врагов; правые толка Маркова 2-го считают нас большевиками и печатают (в Болгарии) списки, где упомянуты многие из нас, и, как водится, обещают всех нас при первой возможности повесить».

В 1918 году в Париже собралось довольно много русских масонов, состоявших в разных французских ложах и решивших возобновить свою «русскую» организацию. Образовался масонский комитет, возглавляемый Л.Д. Кандауровым. Масоны плели новые сети. Но на первых порах им мешала ЧК, проникшая, по свидетельству Кандаурова, в сам масонский комитет.

Одна за другой открывались российские масонские ложи: сначала «Астрея»; позднее «Северное сияние» и «Гермес»; потом «Золотое Руно» и «Друзья Любоумудрия»; и, наконец, «Консистерия России». Все эти ложи принадлежали к так называемому Шотландскому Уставу. Но возникли ложи и других уставов: «Северная Звезда» и «Свободная Россия» («Великого Востока Франции»), «Аврора» (система Человеческого права), «Великий свет с

Севера» в Берлине (система «Великой Национальной Прусской Ложи»), «Астрея» при Востоке (юрисдикция «Великой Ложи Египта»), «Максим Ковалевский» (в Белграде), кружок русских масонов в Лондоне. Масонами, в том числе и бывшими, образуются разные околomasонские организации, чаще всего сомнительного свойства. Так, в 1938 году два старых масона А. Ксюнин и С. Маслов образовали центр международной информации и политической разведки, который в делах французских спецслужб того времени получил название шпионской группы Ксюнина — Маслова. В эту группу входил целый ряд масонов, в частности, А.И. Гучков, В. Татаринов, Н. Тимашев, а также невозвращенец Г. Беседовский и украинский масон С. Маркотун. Работали они преимущественно на немецкую разведку. Кстати говоря, связь А.И. Гучкова с немецкой разведкой прослеживается и по другим документам архива.

Восстановленные за рубежом масонские ложи ставили перед собой цели собирания «интеллектуальных сил» среди русской эмиграции и управления ими в духе «масонских идеалов», а также подготовки масонских кадров для работы в России.

Документы масонских архивов свидетельствуют, что «братья» терпеливо ждали своего часа и готовились к большой политической работе по захвату власти. На своих заседаниях они обсуждали возможные варианты развития событий. Больше всего их пугал вариант национального возрождения России на истинно русских началах. Перед Первой мировой войной масонов всполошил факт открытия памятника Николаю II в церкви на Рю Дарю в Париже. Большое беспокойство в масонских кругах вызвало усиление русского монархического движения и прежде всего таких русских патриотов, как И. Солоневич и Туркул. Масон Кроль на одном из заседаний прямо заявил, что масонские организации должны принимать все меры для борьбы с патриотическими движениями и «должны действовать на тех, среди которых Солоневич ведет свою пропаганду». Что они и делали.

Найденные мною протоколы их тайных заседаний говорили, что масонские конспираторы готовы принять участие в борьбе за власть в России. Во второй половине тридцатых годов в Париже возникло своего рода теневое масонское правительство, которое получило скромное условное название «группа «Лицом к России». О ее ре-

альном политическом значении говорили как ее состав, так и серьезность поставленных целей.

Во главе теневого правительства стоял высокопоставленный российский масон, «досточтимый мастер», член Ареопагов, имевший высшую 33-ю степень масонского посвящения Авксентьев.

Главной целью теневого правительства ставилась подготовка «к жизни и работе на родине». Как отмечалось в секретной информации: «Своим девизом группа избрала: «Лицом к России». За истекшее время группа эта регулярно собиралась и вела свою работу. Работа оказалась плодотворной и сплотила братьев».

Задачи, которые ставили перед собой «масонские владыки», были следующие. Во-первых, подготовить «братьев» к политической масонской работе в России. Разработать новые формы подпольной деятельности, исходя из современных условий. Во-вторых, организовать борьбу против русского патриотического движения. Здесь масоны были готовы идти в союзе с кем угодно. В-третьих, создать опорные точки и центры для масонского проникновения в Россию. Подготовив общественное мнение Запада, опираясь на своих иностранных «братьев», наладить контакты с зарубежными государственными структурами и особо со спецслужбами.

Мне удалось разыскать некоторые документы этого «правительства» и среди них протокол одного из заседаний, который я впоследствии опубликовал.

Масоны анализировали события и совершенно определенно говорили о «большой политической работе», которую следует провести в России. Причем за идеал бралась политическая линия Ленина. «Ленин, — говорил с завистью бывший министр внутренних дел Временного правительства Н.Д. Авксентьев на том же заседании, — явился и взял власть, определил общую государственную жизнь, как до него это делали другие эмигранты» (масоны. — О.П.). Поэтому, по мнению Авксентьева, необходимо вернуть свои позиции политическим законодателям. «Мы придем в Россию и будем насаждать там масонскую большую правду».

В масонском движении была создана специальная группа «братьев», принадлежащих к главным масонским орденам — «Великий Восток Франции» и «Великая Ложа Франции», которая разрабатывала для масонов вопросы отношения к России, определения перспектив масонс-

кой работы в ней. «Будущее — духовное, социальное и политическое — России... будущее русского масонства и его работа здесь (во Франции. — О.П.) и на родине — вот те вопросы, которые стоят перед каждым (масоном — О.П.) и требуют какого-то если не решения, то хотя бы намеченного пути к этому решению». Масоны так прямо и заявляли, что «теперешняя жизнь и работа в чужой стране есть лишь подготовка для жизни и работы на родине...»

Воссоздание масонских лож на территории России началось в 1919 году. Именно тогда, по обнаруженным нами данным, французские масонские ложи «Перфексьон экосез» и «Новый Иерусалим» вышли с предложениями о создании масонских лож в России, а в 30-х годах Высший Совет русских масонских лож разработал проект развития масонского движения на территории России.

Изучив секретную записку «Сюрте Женераль», я со своими комментариями полностью опубликовал ее в газете «Литературная Россия». Оттуда она была перепечатана в Германии, США и самой Франции, вызвав ярость как масонских лож, так и французских спецслужб.

Вывоз Особого архива на Запад остановил мои исследования. Не на все вопросы мне удалось найти ответ. В частности, не до конца я сумел выяснить подробности существования в Советской России Верховного Совета масонских организаций или какого-либо другого тайного центра. По некоторым данным, можно предположить, что такой центр все же существовал как передаточное звено между зарубежными и эмигрантскими масонскими центрами (тем же теневым правительством) и «советскими» «вольными каменщиками». По-видимому, он был настолько сильно законспирирован, что о его существовании знали единицы. Даже в самой масонской среде в конце двадцатых годов по этому вопросу разгорелась полемика, отраженная в одном из секретных официальных масонских документов, подписанном масоном 33 градуса А. Давыдовым, направленном руководству французских масонов: «Предположение о существовании в Советской России масонского Верховного Совета было широко использовано «братом» Нагородским в его длительной борьбе с «братом» Кандауровым. Нагородский не сумел убедительно доказать, что такой секретный центр существует. В подтверждение своей позиции Нагородский приводил сведения Автономова, опубликованные в Бюллетене Великой Ложи за 1927 год и, как позднее выяснилось, сфаб-

рикованные советской спецслужбой посредством агента-провокатора Автономова...

В подтверждение существования в России секретного масонского центра «брат» Нагородский привел также факт прибытия в Париж из России некоего мартиниста, ставшего здесь масоном шотландского устава, «брата» Терапиано, который выдавал себя за члена секретного масонского Верховного Совета России. После частых и длительных проверочных собеседований оказалось, что Терапиано не соответствует требованиям, предъявляемым к масонам не только 32-го, но и 30-го градуса посвящения, которые необходимы для работы в масонском Верховном Совете.

К концу тридцатых годов деятельность масонских организаций в России в основном прекратилась или была заморожена, значительная часть подпольщиков и заговорщиков, угрожавших не только режиму Сталина, но, главное, Российскому государству, понесла заслуженную кару. Эмигрантские масонские организации, пытавшиеся наладить контакты с кем-то из «братьев» в СССР в эти годы, с горечью констатировали невозможность таких контактов.

В особом архиве я нашел интересную переписку секретариата ордена «Великий Восток Франции» со своей местной организацией, масонской ложей «Реюньон дезами шуази» в городе Марселе об установлении связей с масонскими ложами в СССР.

На запрос местной организации о желании вступить в контакт с российскими масонами руководители ордена отвечали:

«15 июня 1937.

Досточтимые братья!

Благодарим Вас за Ваше письмо от 12 июня, за Ваше участие в судьбе масонских организаций, разгромленных в СССР.

В настоящее время мы не можем войти ни в какие сношения ни с одним масоном этой страны.

Сожалею по этому поводу и просим отнестись к нему с пониманием.

Примите наши уверения в глубокой братской дружбе.

Глава секретариата».

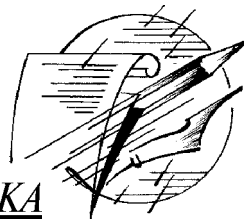
Продолжение следует

Ален ДАЛЛЕС

ЗАДАЧИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

На протяжении последних 20 лет во многих патриотических изданиях неоднократно публиковался так называемый «План Даллеса» (иногда называемый «Речью Даллеса»), в котором якобы излагались необходимые действия по разрушению Советского Союза и который в конце XX века был полностью выполнен. Однако в реальности, как уже окончательно прояснилось, текст этой псевдодаллесовской «речи» какими-то ушлыми деятелями был слеплен из кусков двух художественных произведений — Ю. Дольд-Михайлика «И один в поле воин» и А. Иванова «Вечный зов» — и пущен в широкий оборот. (Собственно, профессионалам давно было понятно, что в подобном витиеватом художественном стиле руководитель американской разведки не мог излагать перед конгрессменами и президентом план действий своего ведомства.)

И вот теперь наши недоброжелатели в печати и с экрана телевизора посмеиваются над «неразумными русскими патриотами» (Марк Дейч, например) и самоуверенно утверждают, что никакого разрушительного «Плана Даллеса» не было вообще. Цель их понятна: высмеивать, дискредитировать нас,



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

патриотов России, и дезавуировать давние планы США по моральному разложению советского общества. В какой-то степени цель эта была достигнута. Но истина, рано или поздно, всегда пробивается на свет. И разрушители России, как им и положено, сами подталкивают нас к ее прояснению.

*Мы считаем необходимым опубликовать **подлинную** Директиву Алена Даллеса Совету Национальной Безопасности США от 18 августа 1948 года.*

После ознакомления с ней становится ясно, что в настоящее время даллесовский подрывной план уже значительно превзойден. Но интересно то, насколько далеко смотрел его автор 60 лет назад. Советское руководство не могло не знать о существовании данной Директивы СНБ США и тем не менее, словно загипнотизированное взглядом удава, шаг за шагом допустило реализацию практически всех пунктов этого поистине пророческого документа.

При публикации в журнале мы опустили два коротких, чисто технических раздела: «Введение» и «Общие положения».

Валерий ХАТЮШИН

Основные задачи

Нашими основными задачами в отношении России на самом деле являются только две следующие:

а) уменьшить мощь и влияние Москвы до таких пределов, при которых она больше не будет представлять угрозу миру и стабильности международного сообщества;

б) внести фундаментальные изменения в теорию и практику международных отношений, которых придерживается правительство, находящееся у власти в России.

С решением этих двух задач наши проблемы в отношениях с Россией сократились бы до уровня, который можно было бы считать нормальным.

Перед тем, как обсуждать способы решения этих задач соответственно в мирных и военных условиях, рассмотрим их несколько подробнее.

1. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СОКРАЩЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЩИ И ВЛИЯНИЯ.

Существуют две сферы, в которых мощь и влияние Москвы простирается за пределы границ Советского Со-

юза в формах, наносящих ущерб миру и стабильности международного сообщества.

Первая из этих сфер — то, что можно назвать зоной сателлитов: а именно зона, в которой решающее политическое влияние принадлежит Кремлю. Следует отметить, что в этой зоне, которая территориально целиком прилежит к Советскому Союзу, решающим фактором в установлении и поддержании советской гегемонии явилось присутствие или близость советской вооруженной мощи.

Вторая из этих сфер охватывает отношения между центром власти, правящим Советским Союзом, с одной стороны, и, с другой стороны, группами или партиями за рубежом, за пределами зоны сателлитов, которые обращаются к России, как к политическому вдохновителю, и, осознанно или нет, проявляют свою лояльность по отношению к ней.

Для эффективного решения в обеих сферах первой из указанных выше задач необходимо сократить до разумных пределов несоразмерные проявления российской мощи. Странам, находящимся в зоне сателлитов, должна быть предоставлена возможность коренным образом освободиться от русского господства и из-под российского идеологического влияния. Также должен быть основательно разоблачен миф, который заставляет миллионы людей в странах, удаленных от Советских границ, смотреть на Москву, как на выдающийся источник надежды человечества на улучшение, а следы воздействия этого мифа должны быть полностью ликвидированы.

Следует заметить, что в обоих случаях эти задачи могут быть в принципе решены без неизбежного порождения последствий, непосредственно и решительно затрагивающих престиж Советского государства.

Во второй из двух сфер полное освобождение из-под российской власти возможно без затрагивания жизненно важных интересов Российского государства, так как в этой сфере московское влияние распространяется по тщательно скрытым каналам, существование которых отрицает и сама Москва. Таким образом устранение структуры власти, ранее известной как Третий Интернационал и пережившей собственное имя, не вызовет никакого формального унижения правительства в Москве и не потребует никаких формальных уступок со стороны Советского государства.

То же самое в основном, однако не полностью, верно и для первой из двух сфер. Москва также отрицает факт

формального советского господства в зоне сателлитов и пытается замаскировать его механизм. Как в настоящее время демонстрирует инцидент с Тито, нарушение московского контроля не обязательно рассматривается как событие, затрагивающие сами государства. В данном случае оно трактуется обеими сторонами как межпартийный конфликт; особое внимание уделяется повсеместному подчеркиванию того, что никакие вопросы государственного престижа здесь не затронуты. То же самое может предположительно произойти в любом месте зоны сателлитов без формального ущемления достоинства Советского государства.

Мы, однако, сталкиваемся и с более сложной проблемой: расширение границ Советского Союза после 1939 года. Это расширение не может во всех случаях рассматриваться как серьезный ущерб международному миру и стабильности, а в ряде случаев оно даже может рассматриваться, с точки зрения наших задач, как полностью приемлемое для целей поддержания мира. В других же случаях, особенно касающихся прибалтийских стран, вопрос более сложен. Мы действительно не можем проявить безразличия к дальнейшей судьбе прибалтийских народов.

Это отражено и в нашей нынешней политике признания по отношению к этим странам. Мы едва ли можем согласиться, что угроза международному миру и стабильности действительно устранена, когда Европа поставлена перед фактом возможности сокрушения Москвой этих трех малых стран*, не виновных ни в какой реальной провокации и доказавших способность вести собственные дела прогрессивным образом, не угрожая интересам соседей. Таким образом было бы логично рассматривать как часть задач США восстановление для этих государств по крайней мере некоего подобия недавнего состояния свободы и независимости.

Однако ясно, что их полная независимость повлекла бы фактическое сокращение территории, контролируемой Советским правительством. Таким образом это напрямую затронуло бы достоинство и жизненные интересы Советского государства как такового. Не стоит предполагать, что это может быть осуществлено без войны. Поэтому если мы считаем, что основная задача, сформулированная выше, важна как в условиях мира, так и вой-

* Прибалтийские республики СССР. — Ред.

ны, то мы должны логично заключить, что в условиях мира наша задача должна состоять только в том, чтобы побудить Москву разрешить репатриацию в прибалтийские страны всех насильственно высланных и установленные в этих странах автономных режимов, в основном удовлетворяющих культурным потребностям и национальным стремлениям их народов. В случае войны мы могли бы при необходимости стремиться пойти и дальше. Но дальнейшее зависело бы от характера российского режима, который господствовал бы на этой территории после следующей войны, и нам нет необходимости решать этот вопрос заранее.

Следовательно, утверждая, что мы должны уменьшить мощь и влияние Кремля до пределов, при которых он больше не будет представлять угрозы миру и стабильности международного сообщества, мы имеем право отметить, что эта задача может логично решаться не только в случае войны, но также и во время мира мирными средствами и что в последнем случае нет необходимости затрагивать престиж Советского правительства, что автоматически сделало бы войну неизбежной.

2. ИЗМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, КОТОРЫМ СЛЕДУЕТ МОСКВА.

Наши сложности с нынешним Советским правительством связаны главным образом с тем, что его лидеры исповедуют в теории и практике международных отношений концепции, не только противоположные нашим собственным, но и очевидно несовместимые с мирным и взаимовыгодным развитием отношений между этим правительством и другими членами международного сообщества как индивидуальными, так и коллективными.

Главными среди этих концепций являются следующие:

а) мирное сосуществование и взаимное сотрудничество суверенных и независимых государств на основе равенства и взаимного уважения иллюзорно и невозможно;

б) конфликты являются основой международной жизни, при этом, как в случае Советского Союза и капиталистических стран, ни одна сторона не признает превосходства другой;

в) режимы, не признающие авторитета и идеологического превосходства Москвы, безнравственны и пагубны для прогресса человечества, и долг всех здравомыслящих людей

повсеместно добиваться свержения и ослабления таких режимов любыми тактически подходящими методами;

г) в дальней перспективе невозможно сближение интересов коммунистического и некоммунистического мира путем взаимного сотрудничества, эти интересы в основе своей антагонистичны и противоречат друг другу;

д) произвольные индивидуальные контакты между людьми из мира под коммунистическим господством с людьми за пределами этого мира являются злом и не способствуют общему прогрессу человечества.

Очевидно, что недостаточно прекращения доминирования этих концепций в советской или российской теории и практике международных отношений. Необходима их замена на практически противоположные.

А именно:

а) суверенные и равноправные страны могут мирно сосуществовать бок о бок и сотрудничать друг с другом без претензий или попыток установить одностороннее господство;

б) конфликт не является необходимой основой международной жизни, что народы могут иметь общие интересы, не имея полного согласия в идеологии и не подчиняясь единому авторитету;

в) народы других стран имеют законное право преследовать национальные цели, расходящиеся с коммунистической идеологией, и что долг всех здравомыслящих людей исповедывать терпимость к чужим идеям, скрупулезно соблюдать невмешательство во внутренние дела других на основе взаимности, и использовать только порядочные и честные методы в ведении международных дел;

г) международное сотрудничество может и должно сближать интересы обеих сторон даже и при различии их идеологических платформ;

д) индивидуальные контакты между людьми по разные стороны международных границ желательны и должны поощряться как процесс, способствующий общему прогрессу человечества.

Тогда немедленно встает вопрос, является ли принятие Москвой таких концепций задачей, которую мы можем всерьез надеяться решить, не прибегая к войне и к свержению Советского правительства. Мы должны смотреть в лицо тому факту, что Советское правительство в его нынешнем виде является и будет оставаться постоянной угрозой нашему народу и миру.

Совешенно ясно, что нынешние лидеры Советского Союза никогда не смогут сами воспринять концепции, подобные изложенным выше, как разумные и желательные. Точно так же ясно, что переход к доминированию таких концепций в русском коммунистическом движении в нынешних обстоятельствах означал бы интеллектуальную революцию внутри этого движения, равносильную преобразованию его политической индивидуальности и отказу от основных претензий на существование в качестве особой жизненной силы среди множества мировых идеологических течений.

Такого рода концепции могли бы возобладать в российском коммунистическом движении, только если бы в результате длительного процесса перемен и эрозии это движение изжило те импульсы, которые изначально породили его и дали ему жизненную силу, и приобрело совершенно иное, отличное от сегодняшнего, значение в мире.

Тогда можно было бы заключить (а московские теологи немедленно именно так бы это и проинтерпретировали), что заявление о нашем стремлении к принятию Москвой этих концепций равносильно объявлению нашей задачей свержение Советской власти. С этой точки зрения можно было бы утверждать, что такая задача неразрешима без войны, и мы тем самым якобы признаем, что нашей задачей по отношению к Советскому Союзу в конечном счете является война и насильственное свержение Советской власти.

Принять такую точку зрения было бы опасной ошибкой.

Во-первых, мы не связаны никакими временными ограничениями в решении наших задач в условиях мира. У нас нет никаких жестких временных периодов войны и мира, которые подталкивали бы нас к необходимости решения наших задач мирного времени к определенной дате, «иначе будет поздно». Задачи национальной политики в мирное время никогда не следует рассматривать в статических терминах. Постольку, поскольку это наши основные, ценностные задачи, они не относятся к тем, которые допускают полное и окончательное решение, подобно конкретным боевым задачам на войне. Задачи политики мирного времени следует рассматривать скорее как направления движения, а не как физически достижимые пункты назначения.

Во-вторых, мы полностью в своем праве и не должны испытывать чувства вины, работая над разрушением кон-

цепций, несовместимых с миром и стабильностью во всем мире, и заменой их на концепции терпимости и международного сотрудничества. Не наше дело вычислять, к какому внутреннему развитию может привести принятие таких концепций в другой стране, мы также не обязаны ощущать какую бы то ни было ответственность за это развитие. Если советские лидеры обнаружат, что растущее преобладание более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их внутренней власти в России, ответственность за это несут они, а не мы. Это дело их собственной сознательности и сознательности народов Советского Союза. Работа над принятием справедливых и внушающих надежду концепций международной жизни является не только нашим моральным правом, но и нашей моральной обязанностью. Поступая таким образом, мы можем не заботиться о том, куда полетит стружка в вопросах внутреннего развития.

Мы не можем определенно утверждать, что успешное решение нами обсуждаемых задач приведет к распаду Советской власти, так как нам неизвестны соответствующие временные факторы. Вполне возможно, что под давлением времени и обстоятельств определенные исходные концепции коммунистического движения могут постепенно измениться в России примерно так же, как изменились определенные исходные концепции Американской революции в нашей собственной стране.

Мы, однако, имеем право полагать и публично заявлять, что наша задача состоит в том, чтобы всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами донести до российского народа и правительства более просвещенный взгляд на международные отношения, и что поступая таким образом, мы как правительство не занимаем никакой позиции по отношению к внутренним делам России.

Ясно, что в случае войны вопросы такого рода стоять не будут. Если бы война между нашей страной и Советским Союзом началась, наше правительство было бы свободно в выборе средств, направленных на решение основных задач, и условий, исполнения которых оно пожелало бы потребовать от российской власти или российских властей при успехе военных операций. Будут ли эти условия подразумевать свержение Советской власти, является исключительно вопросом целесообразности, который обсуждается ниже.

Вторая из двух основных задач таким образом также

может решаться как во время мира, так и во время войны. Эта задача, как и первая, может соответственно считаться основополагающей, откуда и вытекает формулировка нашей политики в условиях как мира, так и войны.

Решение наших основных задач во время мира.

Обсуждая интерпретацию этих основных задач соответственно во время мира и во время войны, мы сталкиваемся с проблемой терминологии. Если мы будем продолжать говорить о конкретных ориентирах нашей политики в условиях мира или войны как о «задачах», мы можем столкнуться с семантическими сложностями. Поэтому исключительно ради ясности введем произвольное различие. Мы будем говорить о задачах только в смысле основных задач, выделенных выше, тех, которые являются общими как для войны, так и для мира. При ссылках же на направляющие ориентиры нашей конкретной политики в военное или в мирное время, мы будем говорить не о «задачах», а о «целях».

В чем могли бы состоять цели национальной политики США во время мира?

Они логично вытекают из двух главных задач, обсуждавшихся выше.

1. СОКРАЩЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЩИ И ВЛИЯНИЯ

Сначала рассмотрим сокращение чрезмерной российской мощи и влияния. Мы видели, что этот вопрос распадается на проблему зоны сателлитов и проблему коммунистической активности и советской пропаганды в удаленных странах.

В отношении зоны сателлитов цель политики США в мирное время состоит в создании максимально возможной напряженности в структуре отношений, обеспечивающей советское господство, постепенного, при помощи естественных и законных усилий Европы, оттеснения русских с их главенствующей позиции и предоставления возможности этим странам вернуть себе свободу действий. Эта цель может быть достигнута и достигается многими способами. Наиболее впечатляющим шагом в этом направлении было оригинальное предложение о Программе Реконструкции Европы, сформулированное в гарвардской речи секретаря Маршалла 5 июня 1947 года. Вы-

нуждая русских либо позволить странам-сателлитам вступить в отношения экономического сотрудничества с Западной Европой, что неизбежно усилит связи между Западом и Востоком и ослабит исключительную ориентацию этих стран на Россию, либо заставить их остаться вне этой структуры сотрудничества ценой тяжких экономических жертв со своей стороны, мы тем самым вносим серьезное напряжение в отношения между Москвой и странами-сателлитами и без сомнения делаем для Москвы более неудобным и затруднительным поддержание ее непререкаемой власти в столицах сателлитов. Фактически все, что срывает покрывала, которыми Москва пытается замаскировать свою власть, и заставляет русских проявить жестокость и подчеркнуть безобразие своего контроля над правительствами стран-сателлитов, служит дискредитации этих правительств в глазах их собственных народов, увеличивает недовольство этих народов и их стремление к свободному объединению с другими нациями.

Недовольство Тито, для которого напряженность, связанная с проблемой плана Маршалла, несомненно сыграла определенную роль, ясно показало, что напряжение между Советами и сателлитами могут привести к реальному ослаблению и прекращению российского господства.

Таким образом наша цель должна состоять в том, чтобы продолжать делать все, что в наших силах, увеличивая это напряжение, и в то же время создавая возможность правительствам сателлитов постепенно освободиться из-под российского контроля и найти, если они пожелают, приемлемые формы сотрудничества с правительствами Запада. Это можно реализовать искусным использованием нашей экономической мощи, прямой или косвенной информационной деятельностью, приложением максимально возможной нагрузки на железный занавес, созданием у Западной Европы перспектив и энергии стать в конце того пути, по которому она движется, максимально привлекательной для народов Востока, и многими другими средствами, слишком многочисленными, чтобы их все упоминать.

Мы не можем, конечно, сказать, что русские будут спокойно сидеть и позволят сателлитам таким образом освободиться из-под русского контроля. Мы не можем быть уверены, что на каком-то этапе русские для предотвращения такого исхода этого процесса не предпочтут при-

бегнуть к какому-то насилию: например, к какой-то форме военной оккупации или, возможно, даже к серьезной войне.

Мы не хотим, чтобы они пошли на это; и с нашей стороны мы должны делать все возможное, чтобы сохранить гибкость ситуации и способствовать освобождению стран-сателлитов такими способами, которые не нанесут непоправимого ущерба советскому престижу. Но даже при самых больших предосторожностях мы не можем быть уверены, что они не предпочтут прибегнуть к оружию. Мы не можем надеяться автоматически повлиять на их политику или обеспечить достижение каких-то гарантированных результатов.

То, что мы прибегаем к политике, которая может повлечь такой исход, вовсе не означает, что мы выбираем курс на войну; и мы должны быть крайне внимательны, чтобы сделать это очевидным и во всех случаях опровергать обвинения такого рода. Дело в том, что из-за антагонистических отношений, которые пока являются основой отношений между Советским правительством и некоммунистическими странами, возможность войны постоянно присутствует, и никакой из курсов, выбранных нашим правительством, не привел бы к заметному уменьшению такой опасности. Политика, обратная вышеизложенной, а именно: согласие с советским господством в странах-сателлитах и непринятие никаких мер для противостояния ему, ни в коей мере не уменьшит опасность войны. Наоборот, вполне логично утверждать, что в долгосрочном плане опасность войны будет больше, если Европа останется разделенной по нынешней линии, чем в случае, если российская мощь в благоприятный момент будет отодвинута мирным путем, и в европейском сообществе восстановится нормальный баланс.

Соответственно можно констатировать, что наша первая цель в отношении России в мирное время состоит в том, чтобы содействовать и поощрять невоенными средствами постепенное сокращение несоразмерной российской мощи и влияния в нынешней зоне сателлитов и выхода восточноевропейских стран на международную сцену в качестве независимого фактора.

Однако, как мы видели выше, наше исследование проблемы остается неполным, пока мы не рассмотрим вопрос о территориях, находящихся в настоящее время внутри советских границ. Хотим мы или нет сделать нашей

задачей достижение каких-то изменений границ Советского Союза без войны? Мы уже выше давали ответ на этот вопрос.

Мы должны всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами поощрять развитие в Советском Союзе институтов федерализма, которые позволили бы возродить национальную жизнь прибалтийских народов.

Можно спросить: почему мы ограничиваем эту цель прибалтийскими народами? Почему мы не включаем другие национальные меньшинства Советского Союза? Ответ состоит в том, что прибалтийские народы — это единственные народы, чьи традиционные территории и население в настоящее время полностью включены в Советский Союз, и которые продемонстрировали способность успешно нести ответственность за свою государственность. Более того, мы все еще формально отвергаем законность их насильственного включения в Советский Союз, и поэтому они имеют в наших глазах особый статус.

Затем перед нами стоит проблема разоблачения мифа, посредством которого Москва поддерживает свое чрезмерное влияние и фактически дисциплинарную власть над людьми в странах вне зоны сателлитов. Сначала несколько слов о природе этой проблемы.

До революции 1918 года русский национализм был глубоко российским. За исключением нескольких эксцентричных европейских интеллектуалов XIX века, которые даже тогда заявляли о мистическом предназначении русской силы в разрешении болезней цивилизации*, русский национализм не был обращен за пределы России. Наоборот, относительно мягкий деспотизм российских правителей XIX века был возможно более известен и более осуждаем в западных странах, чем куда большие жестокости советского режима.

После революции большевистским лидерам удалось путем умной и систематической пропаганды внедрить в широкие круги мировой общественности определенные концепции, весьма способствующие их целям, в том числе следующие: что Октябрьская революция была народной революцией; что советский режим был первым настоящим правительством рабочих; что Советская власть

* Карл Маркс не был одним из этих людей. Он не был, как он сам формулировал, «одним из тех, кто верит, что старая Европа может быть оживлена российской кровью». — **Примечание Даллеса.**

определенным образом связана с идеалами либерализма, свободы и экономической безопасности, и что она предлагает многообещающую альтернативу национальным режимам, при которых живут другие народы. Таким образом в умах многих людей установилась связь между русским коммунизмом и общими трудностями, возникающими в окружающем мире из-за влияния урбанизации и индустриализации или же вследствие колониальных волнений.

Таким образом московская доктрина стала до некоторой степени внутренней проблемой каждого народа мира. В лице Советской власти западные государственные деятели сталкиваются с чем-то большим, нежели с очередной проблемой международных отношений. Они сталкиваются также с внутренним врагом в своих собственных странах — врагом, целью которого является подрыв и в конце концов разрушение их собственных национальных сообществ.

Уничтожение этого мифа о международном коммунизме представляет собой двойную задачу. Во взаимодействие вовлечены две стороны, поскольку оно осуществляется между Кремлем с одной стороны и неудовлетворенными интеллектуалами (именно интеллектуалы, а не «рабочие», составляют ядро коммунизма вне СССР) с другой. Для решения этой проблемы недостаточно заставить замолчать агитаторов. Гораздо важнее вооружить слушателей против атак такого рода. Есть некая причина, по которой к московской пропаганде так охотно прислушиваются, почему этот миф с такой готовностью воспринимается далеко от границ России. Если бы эти люди слушали не Москву, то нашлось бы что-то еще, столь же экстремистское и столь же ложное, хотя, возможно, менее опасное. То есть задача уничтожения мифа, на котором покоится международный коммунизм, не только подразумевает действия по отношению к лидерам Советского Союза. Она также требует чего-то по отношению к несоветскому миру, и более того, к тому конкретному обществу, частью которого являемся мы сами. Насколько мы сумеем устранить растерянность и непонимание, на почве которых процветают эти доктрины, насколько мы сможем устранить источники горечи, приводящие людей к иррациональным и утопическим идеям такого рода, настолько мы преуспеем в разрушении зарубежного влияния Москвы. С другой стороны, мы должны признать, что лишь часть междуна-

родного коммунизма вне России обусловлена влиянием окружающих обстоятельств и может быть соответственно откорректирована. Другая часть представляет нечто вроде результата естественных биологических мутаций. Она порождается наследственной склонностью к «пятой колонне», которой подвержен определенный малый процент членов любого сообщества, и отличается отрицательным отношением к собственному обществу, готовностью следовать за любой противостоящей ему внешней силой*. Этот элемент всегда будет присутствовать в любом обществе и использоваться не слишком щепетильными аутсайдерами; единственная защита от опасного злоупотребления им — отсутствие стремления со стороны могущественных режимов использовать эту несчастную особенность человеческой природы.

К счастью, Кремль к настоящему времени сделал для развенчания собственного мифа гораздо больше, чем смогли бы сделать мы сами. В этом смысле югославский инцидент возможно наиболее впечатляющий случай; но и вся история Коммунистического Интернационала полна примеров сложностей, с которыми сталкивались нероссийские лица и группы в своих попытках следовать московским доктринам. Кремлевские лидеры настолько пренебрежительны, настолько безжалостны, властны и циничны в тех требованиях соблюдения дисциплины, которые они предъявляют своим последователям, что лишь немногие способны выдерживать их власть достаточно долго.

Ленинско-Сталинская система основана главным образом на власти, которую отчаявшееся меньшинство заговорщиков всегда может обрести, по крайней мере временно, над пассивным и неорганизованным большинством человеческих существ. По этой причине кремлевские лидеры в прошлом были мало обеспокоены тенденцией своего движения оставлять за собой устойчивый шлейф бывших последователей, утративших иллюзии. Их цель была не в том, чтобы сделать коммунизм массовым движением, а в том, чтобы работать с малой группой безупречно дисциплинированных и полностью заменимых последователей. Они всегда были терпимы к уходу тех людей, которые оказывались не в состоянии вынести их особые требования к дисциплине.

* Теперь-то нам вполне ясен этот туманный намек. — Ред.

В течение долгого времени этот метод довольно неплохо работал. Получить новых рекрутов было легко, и Партия жила за счет постоянного процесса естественного отбора, оставлявшего в ее рядах только самых фанатично преданных, наиболее лишенных воображения, самых тупых и беспринципных.

Случай с Югославией поставил большой вопросительный знак на том, насколько хорошо эта система станет работать в будущем. До сих пор ересь могла безопасно подавляться либо полицейскими репрессиями в пределах Советской власти, либо отработанными методами отлучения и убийства за ее пределами. Тито показал, что в случае лидера-сателлита ни один из этих методов не является безусловно эффективным. Отлучение коммунистических лидеров, находящихся вне эффективного радиуса действия Советской власти, обладающих собственной территорией, полицией, военной силой и дисциплинированными последователями, может расколоть все коммунистическое движение так, как ничто иное, и нанести наиболее тяжелый урон мифу о всемогуществе и всеведении Сталина.

Таким образом условия благоприятствуют тому, чтобы с нашей стороны сконцентрировать усилия на извлечении преимуществ из советских ошибок и возникших трещин, поощрять постоянное разложение структур морального влияния, при помощи которого кремлевские власти управляли людьми далеко за пределами достижимости советских полицейских сил.

Поэтому мы можем сказать, что наша вторая цель по отношению к России в мирное время заключается в том, чтобы информационной активностью и любыми другими имеющимися в нашем распоряжении средствами подорвать миф, при помощи которого люди вдали от российского военного влияния удерживаются в подчинении Москве, добиться того, чтобы весь мир увидел и понял, что представляет собой Советский Союз, и сделал бы логичные и реалистические выводы из этого.

2. ИЗМЕНЕНИЕ РОССИЙСКИХ КОНЦЕПЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Теперь мы переходим к рассмотрению в рамках политики мирного времени второй основной задачи, а именно: внесение изменений в доминирующие в московских правящих кругах концепции международных отношений.

Как мы видели выше, нет никаких разумных оснований ожидать, что мы когда-либо сумеем изменить основы политической психологии людей, находящихся у власти в Советском Союзе сейчас. Их злобный взгляд на окружающий мир, их отказ от возможности постоянного мирного сотрудничества, их вера в неизбежность окончательного разрушения одного мира другим — все это должно сохраниться только по той простой причине, что советские лидеры убеждены: их собственная система не выдержит сравнения с цивилизацией Запада и никогда не будет в безопасности, пока пример процветающей и могущественной западной цивилизации не будет физически уничтожен, а память о нем стерта. Не говоря уж о том, что эти люди связаны с теорией неизбежного конфликта между двумя мирами самой сильной из возможных связей, а именно тем фактом, что во имя этой теории они приговорили к смерти или страшным страданиям и лишениям миллионы людей.

С другой стороны, советские лидеры способны к осознанию если не аргументов, то хотя бы ситуаций. То есть, если может быть создана ситуация, при которой эскалация конфликта с внешним миром не способствует усилению их власти, их действия и даже тон их пропаганды может измениться. Это стало очевидным во время последней войны, когда к описанному эффекту привели обстоятельства их военного союза с западными державами. В этом случае модификация политики была относительно кратковременной, так как по окончании боевых действий они увидели возможности для решения собственных важных задач вне зависимости от чувств и взглядов западных держав. Это означает, что ситуация, которая вынудила их изменить собственную политику, по их мнению перестала существовать.

Если же, однако, аналогичные ситуации были бы снова созданы, если бы советские лидеры были вынуждены признать их реальность, и если бы эти ситуации могли сохраняться достаточно долго для переориентации значительной части естественных процессов развития и изменения советской политической жизни, то тогда такие ситуации могли бы оказывать постоянное изменяющее влияние на взгляды и привычки советской власти. Даже относительно краткое и поверхностное ощущение возможности взаимодействия между основными союзниками во время последней войны оставило глубокий след в созна-

нии русской общественности, и именно оно несомненно создало для режима серьезные сложности в его попытках вернуться после окончания войны к старой политике враждебности и ниспровержения по отношению к западному миру. Причем все это происходило при отсутствии каких-то существенных перестановок среди советских лидеров, какой-то нормальной эволюции во внутренней политической жизни Советского Союза. Если бы Советское правительство было вынуждено соблюдать такую осторожную и умеренную политику по отношению к Западу в течение столь долгого периода, что нынешних лидеров сменили бы другие, и перед лицом этой необходимости произошла бы какая-то нормальная эволюция советской политической жизни, то тогда возможно стало бы достижимым и какое-то реальное изменение кругозора и поведения Советов.

Из этого рассмотрения вытекает, что хотя мы не можем изменить основу политической психологии нынешних советских лидеров, существует возможность, что мы сумеем создать ситуации, которые, сохраняясь достаточно долго, смогут заставить их мягко изменить свое опасное и неподобающее отношение к Западу и соблюдать определенную степень умеренности и осторожности в отношениях с западными странами. В этом случае действительно можно будет сказать, что мы начали продвигаться к постепенному изменению тех опасных концепций, которые сейчас определяют поведение Советов.

Снова, как и при сокращении зоны советского влияния, так и при реализации любой разумной программы сопротивления советским попыткам разрушить западную цивилизацию, мы не должны забывать, что советские лидеры могут узреть пророческие письма на стене и предпочесть прибегнуть к насилию, нежели позволить всему этому произойти. Необходимо повторить: этому риску мы подвергаемся не только при данной, но и при любой разумной политике по отношению к Советскому Союзу. Этот риск возникает из самой сущности Советского правительства, и мы не можем сделать ничего, чтобы изменить или устранить его. Это не новая проблема для внешних отношений Соединенных Штатов. В «Записках федералиста» Александр Гамильтон писал:

«Давайте вспомним, что выбор между миром или войной не всегда будет оставаться за нами; что как бы умеренны и неамбициозны мы ни были, мы не можем полагать-

ся на чужую умеренность или надеяться притушить чужие амбиции».

Таким образом пытаясь изменить концепции, которыми в настоящее время руководствуется Советский Союз в международных отношениях, мы опять должны признать: ответ на вопрос, может ли эта цель быть достигнута мирными средствами, зависит не только от нас. Но это не служит нам оправданием, если мы не предпримем такой попытки.

Итак, мы должны сказать, что нашей третьей целью в отношении России во время мира является создание ситуаций, которые вынудят Советское правительство признать практическую нецелесообразность действий на основе их нынешних концепций и необходимость по крайней мере такого внешнего поведения, как если бы эти концепции были заменены на противоположные.

Это, конечно, в основном вопрос удержания Советского Союза слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с международными силами, находящимися вне его контроля, и поддержания со стороны некоммунистических государств высокого уровня требовательности к России в части соблюдения ею обычных международных приличий.

3. СПЕЦИФИЧНЫЕ ЦЕЛИ

Все перечисленные выше цели являются по своей природе общими. Попытка конкретизировать их завела бы нас в бесконечный лабиринт формальных классификаций и вела бы скорее к путанице, нежели к ясности. Поэтому здесь не будет сделано никаких попыток сформулировать возможные пути конкретной реализации этих целей. Множество таких путей само легко возникнет перед каждым, кто задумается над интерпретацией общих целей применительно к практической политике и конкретным действиям. Например, мы увидим, что основным фактором в достижении всех целей без исключения явилась бы степень проникновения за железный занавес или же степень его разрушения.

Однако вопрос о конкретной интерпретации может быть существенно прояснен кратким рассмотрением обратной стороны картины: иными словами рассмотрением того, в чем наши цели НЕ состоят.

Во-первых, нашей основной целью в мирное время является переход в такую стадию, при которой война ста-

новится неизбежной. Мы не исключаем возможности, что наши общие задачи в отношении России могут быть успешно решены без войны. Мы вынуждены признавать возможность войны в любой момент, как логично вытекающую из нынешнего характера советских лидеров, и мы должны реалистично готовиться к этому.

Но было бы неправильным считать, что наша политика основана на предположении о неизбежности войны и ограничена подготовкой к вооруженному конфликту. Это не так. В настоящее время, в отсутствие войны, наше дело заключается в том, чтобы отыскать средства для решения наших задач, самим к войне не прибегая. Подготовка к возможной войне подразумевается, но мы рассматриваем ее только как дополнительную предосторожность, а не основной элемент политики. Мы все еще надеемся и пытаемся решить наши задачи в рамках мира. Если бы в некоторый момент мы пришли к выводу (это не исключается), что такой подход невозможен, и что отношения между коммунистическими и некоммунистическими мирами не могут продолжаться без решительного военного конфликта, тогда следовало бы пересмотреть саму основу данного документа, и наши цели мирного времени, в том виде, как они здесь представлены, следовало бы коренным образом изменить.

Во-вторых, в мирное время нашей целью не является свержение Советского правительства. Мы признаем, что стремимся к созданию таких обстоятельств и ситуаций, которые было бы затруднительно переварить нынешним советским лидерам, и которые им не понравятся. Возможно, что перед лицом таких обстоятельств и ситуаций они не сумеют сохранить свою власть в России. Но следует подчеркнуть : это их дело, а не наше. Настоящий документ не подразумевает никаких суждений по поводу того, способно ли Советское правительство вести себя относительно умеренно и порядочно во внешних делах и при этом сохранять свою власть внутри России. Если ситуации, отвечающие нашей целевой направленности в мирное время, действительно возникнут, если они окажутся несовместимыми с внутренним удержанием Советской власти и вынудят Советское правительство уйти со сцены, мы будем рассматривать такое развитие без сожаления, но не примем на себя ответственность за то, что добивались или вызвали его.

Решение наших основных задач во время войны.

В этом разделе рассмотрены наши цели в отношении России в случае, если между Соединенными Штатами и СССР возникнет состояние войны. Здесь предполагается выяснить, что именно мы могли бы считать благоприятным исходом наших военных операций.

1. О НЕВОЗМОЖНОМ

Перед обсуждением того, что могло бы явиться достижимой целью в войне с Россией, сначала выясним, чего мы не можем надеяться достичь.

Прежде всего мы должны исходить из того, что для нас будет невыгодно, да и практически неосуществимо оккупировать и поставить под контроль нашей военной администрации всю территорию Советского Союза. Это следует из размеров территории, количества населения, разницы в языке и обычаях, отличающих местное население от нас, а также минимальной вероятности обнаружить какую-то подходящую местную структуру власти, при помощи которой мы могли бы действовать.

Затем, признав это обстоятельство, мы должны признать маловероятным, что советские лидеры пойдут на безоговорочную капитуляцию. Возможно, Советская власть распадется под тяжестью безуспешной войны, как это произошло с царским режимом во время Первой мировой. Но даже это маловероятно. А если она не распадется сама, мы не можем быть уверены, что сумеем устранить ее какими-то средствами без чрезвычайных военных усилий, направленных на установление контроля над всей Россией. Мы имеем перед собой опыт нацистов, как пример упорства и стойкости, с которыми безжалостные диктаторские режимы могут удерживать внутреннюю власть даже на территории, постоянно сокращающейся в результате военных действий. Советские лидеры были бы способны на заключение компромиссного мира, даже очень неблагоприятного для их собственных интересов. Но маловероятно, что они согласятся на что-либо подобное безоговорочной капитуляции, которая отдала бы их в полное распоряжение враждебной власти. Вместо этого они скорее всего отступят в самую отдаленную сибирскую деревню и окончательно погибнут, подобно Гитлеру, под вражеским огнем.

Есть очень высокая вероятность того, что если мы максимально, в рамках наших военных возможностей, позаботимся о том, чтобы не возбуждать враждебного отношения между советскими людьми и военной полицией, чинящей непривычные им лишения и жестокости, то в ходе войны мог бы начаться расширяющийся распад Советской власти, который с нашей точки зрения был бы благоприятным процессом. С нашей стороны, разумеется, было бы совершенно справедливо способствовать такому распаду всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами. Это, однако, не означает, что мы могли бы гарантировать полное падение советского режима в смысле ликвидации его власти на всей нынешней территории Советского Союза.

Независимо от того, сохранится или нет Советская власть где-либо на нынешней советской территории, мы не можем быть уверены, что среди российского народа найдется какая-то другая группа политических лидеров, которые окажутся полностью «демократичными» в нашем понимании этого слова.

Хотя в России и были моменты либерализма, понятия демократии не знакомы огромным массам российских людей, а в особенности тем из них, кто по своему темпераменту склонен к управленческой деятельности. В настоящее время существует ряд интересных и влиятельных российских политических группировок среди российских изгнанников, которые в той или иной степени приобщились к принципам либерализма, и любая из них была бы, возможно, с нашей точки зрения, лучшим руководителем России, нежели Советское правительство. Но никто не знает, насколько либеральными окажутся эти группы, придя однажды к власти, или смогут ли они сохранить свою власть среди российского народа, не прибегая к методам полицейского насилия и террора. Действия людей, находящихся у власти часто гораздо сильнее зависят от обстоятельств, в которых им приходится осуществлять свою власть, нежели от идей и принципов, воодушевлявших их в оппозиции. После передачи правительственной власти любой российской группе мы никогда не сможем быть уверены, что эта власть будет осуществляться способом, который одобрил бы наш собственный народ. Таким образом, делая такой выбор, мы всегда будем полагаться на случай и брать на себя ответственность, которую нельзя с честью нести.

В конце концов мы не можем надеяться действительно привить наши понятия о демократии за короткий промежуток времени какой-то группе российских лидеров. В дальней перспективе политическая психология любого режима, приемлемо ответственного перед волей народа, должна быть психологией самого народа. Но наш опыт в Германии и Японии наглядно показал, что психология и мировоззрение великого народа не могут быть изменены за короткий промежуток времени простым диктатом или предписаниями иностранной власти, даже следующими за тотальным поражением и подчинением. Такое изменение может стать только следствием органичного политического опыта самого этого народа. Лучшее, что одна страна может сделать для привнесения изменений такого рода в другую страну — это изменить внешние условия, в которых существует рассматриваемый народ, и предоставить ему реагировать на эти условия по-своему.

Все вышеизложенное указывает на то, что мы не можем надеяться в результате успешных военных операций в России создать там власть, полностью подчиненную нашей воле или полностью выражающую наши политические идеалы. Мы должны признать, что с высокой вероятностью нам придется в той или иной степени продолжать иметь дело с российскими властями, которых мы не будем полностью одобрять, которые будут иметь цели, отличные от наших, и чьи взгляды и намерения мы будем обязаны принимать во внимание, нравятся они нам или нет. Иными словами мы не можем надеяться достичь какого-то тотального навязывания нашей воли на Российской территории, подобно тому, как мы пытались проделать это в Германии и Японии. Мы должны признать, что какого бы решения мы в конечном итоге ни добились, это должно быть политическое решение, достигнутое в результате политических переговоров.

Вот и все, что следует сказать о невозможном. Теперь о том, какие цели возможны и желательны в случае войны с Россией? Они, как и цели мира, должны логично вытекать из основных задач, сформулированных выше.

2. СОКРАЩЕНИЕ СОВЕТСКОЙ МОЩИ

Первая из наших военных целей естественно должна заключаться в ликвидации российского военного влияния и господства в районах, прилегающих к любому российскому государству, но находящихся за его пределами.

Очевидно, что успешное ведение войны с нашей стороны автоматически приведет к достижению этого эффекта для большей части, или даже для всей зоны сателлитов. Успешные военные удары по советским силам, вероятно, настолько подорвут власть коммунистических режимов восточноевропейских стран, что большинство из них окажутся свергнуты. Могут сохраниться гнезда в форме политического титоизма, то есть остаточные коммунистические режимы чисто национального локального типа. Таким мы вероятно могли бы позволить продолжить существование. Без поддержки и мощи России они со временем наверняка либо исчезнут, либо эволюционируют в нормальные национальные режимы с не большими и не меньшими проявлениями шовинизма и экстремизма, чем вообще характерно для сильных национальных правительств этого региона. Нам, конечно, следует настаивать на прекращении любых формальных следов чрезмерного влияния России в этой зоне, таких как союзнические договоры и т.п.

Кроме того, мы опять сталкиваемся с вопросом, до какой степени мы могли бы стремиться к изменению советских границ в результате успешных военных действий с нашей стороны. Мы должны ясно осознать тот факт, что в настоящее время мы не можем ответить на этот вопрос. Ответ почти полностью зависит от типа режима, который в итоге военных действий останется на этой территории. Если этот режим будет иметь по крайней мере достаточно благоприятные перспективы соблюдения либерализма во внутренних делах и умеренности во внешней политике, то можно было бы оставить под его властью большинство, если не все, территории, приобретенные Советским Союзом в последней войне. Если же, что более вероятно, будет трудно полагаться на либерализм и умеренность послевоенных российских властей, то может потребоваться более значительное изменение этих границ. Следует просто отметить, что этот вопрос остается открытым до тех пор, пока развитие военных и политических событий в России полностью не прояснит характер послевоенных рамок, в которых мы будем вынуждены действовать.

Далее перед нами стоит вопрос о советском мифе и об идеологическом влиянии, которое Советское правительство сейчас старается распространить на людей за пределами зоны сателлитов. В первую очередь все, конечно, будет зависеть от того, сохранит или нет нынешняя Все-

союзная Коммунистическая Партия свою власть на какой-либо части нынешней советской территории по окончании следующей войны. Мы уже видели, что не способны контролировать это обстоятельство. Если коммунистическая власть исчезнет, вопрос разрешится сам собой. Однако следует иметь в виду, что в любом случае неудачный с советской точки зрения ход самой войны возможно явится решающим ударом по этой форме распространения советской власти и влияния.

Но как бы то ни было, мы не должны ничего оставлять случаю, и естественно считать, что одной из наших основных военных целей по отношению к России является **полный демонтаж той структуры отношений, при помощи которой лидеры Всесоюзной Коммунистической Партии способны осуществлять моральное и дисциплинарное воздействие на отдельных граждан или группы граждан стран, не находящихся под коммунистическим управлением.**

3. ИЗМЕНЕНИЕ РОССИЙСКИХ КОНЦЕПЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Нашей следующей проблемой снова оказывается проблема политики, которой русские будут руководствоваться после войны. Каким образом мы можем гарантировать, что российская политика будет наиболее возможно соответствовать нашим желаниям? Это коренной вопрос наших военных целей в отношении России, и никакое внимание, уделенное ему, не может оказаться чрезмерным.

Прежде всего это проблема будущего Советской власти, то есть власти Коммунистической Партии Советского Союза. Это крайне сложный вопрос. На него нет простого ответа. Мы видели, что хотя мы хотим и даже стремимся к полному распаду и исчезновению Советской власти, мы не можем быть уверены в полном достижении такого результата. Таким образом мы можем рассматривать это как максимальную, а не как минимальную цель.

Тогда, допуская, что по завершении военных действий, мы сочтем целесообразным мириться с существованием Советской власти на части советской территории, каково должно быть наше отношение к ней? Согласимся ли мы вообще иметь с ней дело? А если так, то на каких условиях?

Прежде всего мы можем заведомо принять, что не будем готовы заключить полномасштабное мирное соглашение и возобновить регулярные дипломатические отношения ни с каким режимом в России, в котором будет

доминировать кто-либо из нынешних советских лидеров, либо лиц, разделяющих их образ мыслей. За прошедшие пятнадцать лет мы приобрели достаточно плачевного опыта, пытаясь вести себя так, словно с подобным режимом возможны нормальные отношения, и если теперь мы будем вынуждены прибегнуть к войне для защиты себя от последствий его действий и политики, наша общественность едва ли будет в состоянии простить советским лидерам такое развитие событий или одобрит попытки нормального сотрудничества с ними.

Но с другой стороны, если бы коммунистический режим сохранился на какой-то части советской территории после завершения военных действий, мы не могли бы позволить себе полностью его игнорировать. Он не смог бы перестать быть — в пределах своих внутренних возможностей — потенциальной угрозой миру и стабильности самой России и всего мира. Самое меньшее, что мы могли бы сделать, это убедиться, что его возможности нанесения ущерба столь ограничены, что не могут причинить серьезного вреда, и что мы сами или дружественные нам силы сумеем восстановить необходимый контроль.

Для этого, вероятно, потребуется применение двух мер. Первая — действенное физическое ограничение способности такого остаточного советского режима начать войну или угрожать и запугивать другие народы или российские режимы. Если военные действия приведут к резкому сокращению территории, над которой коммунисты удерживают власть, то такое сокращение должно в первую очередь отсечь их от ключевых военно-промышленных структур Советского Союза, при этом данное физическое ограничение осуществится автоматически.

Если территория под их контролем не будет существенно сокращена, тот же результат может быть получен обширными разрушениями важных промышленных и экономических объектов с воздуха. Возможно, потребуются оба эти средства. Как бы то ни было, **мы можем определенно заключить, что нельзя считать наши военные действия успешными, если они оставят под контролем коммунистического режима часть нынешнего военно-промышленного потенциала Советского Союза, достаточную для того, чтобы позволить развязать войну с шансами на успех с любым из соседних государств или с любой конкурирующей властью, которая может быть установлена на традиционной российской территории.**

Вторая мера, которая потребуется в случае сохранения Советской власти на традиционной российской территории, вероятно, будет состоять в неких условиях, оговаривающих по крайней мере ее военные отношения с нами и окружающими властями. Иными словами, от нас может потребоваться заключение какого-то договора с таким режимом. Сейчас это может представляться нам нежелательным, но вполне может оказаться, что наши интересы лучше будут защищены таким договором, нежели глобальными усилиями, которые потребуются для полной ликвидации советской власти.

Можно смело утверждать, что эти условия для рассматриваемого коммунистического режима должны быть тяжелыми и унижительными. Это может быть нечто подобное Брест-Литовскому договору 1918 года, который в связи с этим заслуживает внимательного изучения. Тот факт, что немцы пошли на такой договор, не означал, что они действительно соглашались с сохранением советского режима. Они рассматривали договор как способ немедленно сделать советский режим безопасным для них и поставить его в неблагоприятное положение перед лицом проблемы выживания. Русские понимали, что цель немцев была именно в этом. Они согласились на договор с огромным нежеланием и намерением нарушить его при первой же возможности. Но немецкое превосходство в силах было реальным, а немецкие расчеты реалистичными. Если бы Германия не потерпела поражения на западе вскоре после заключения Брест-Литовского соглашения, трудно предполагать, что Советское правительство оказалось бы способным серьезно противодействовать германским намерениям по отношению к России. Возможно, именно в этом направлении необходимо действовать и нашему правительству по отношению к советскому режиму на последних стадиях вооруженного конфликта.

Невозможно предсказать, какого рода должны быть эти условия. Чем меньше территория, остающаяся в распоряжении такого режима, тем проще навязать ему условия, удовлетворяющие нашим интересам. В худшем случае, при сохранении советской власти на всей или почти всей нынешней советской территории, нам следует потребовать

а) **прямых военных уступок** (сдача вооружений, эвакуация ключевых районов и т.п.), обеспечивающих гарантии военной беспомощности на продолжительное время;

б) **соблюдения условий, обеспечивающих значительную экономическую зависимость от внешнего мира;**

в) **соблюдения условий, гарантирующих необходимую свободу либо федеративный статус национальным меньшинствам** (нам следует как минимум настаивать на полном освобождении прибалтийских государств и на предоставлении федеративного статуса Украине, который обеспечил бы местным украинским властям большую степень автономии);

г) **соблюдения условий, гарантирующих устранение железного занавеса**, обеспечивающих свободный поток идей извне и установление широких личных контактов между людьми в зоне Советской власти и вне ее.

Таковы наши цели по отношению к любым остаткам Советской власти. Остается вопрос, каковы наши цели по отношению к любой **некоммунистической** власти, которая может быть установлена на части или на всей российской территории вследствие войны.

Прежде всего следует сказать, что независимо от идеологического базиса любой такой некоммунистической власти и независимо от степени, в которой она может быть готова приобщиться к идеалам демократии и либерализма, мы должны проследить, чтобы тем или иным способом было бы гарантировано достижение основных целей, вытекающих из вышеизложенных требований. Другими словами, мы должны обеспечить автоматические гарантии того, что даже некоммунистический и номинально дружественный нам режим:

а) не будет обладать большой военной мощью;

б) будет экономически сильно зависим от окружающего мира;

в) не будет обладать слишком большой властью над национальными меньшинствами;

г) не установит ничего, напоминающего железный занавес в отношении контактов с окружающим миром.

В случае режима, относящегося враждебно к коммунистам и дружественно к нам, мы несомненно должны позаботиться о том, чтобы способ, которым будут обеспечены эти условия, не был бы обидным или унижительным. Но мы должны проследить за тем, чтобы тем или иным способом обеспечить эти условия для защиты наших интересов и интересов мира во всем мире.

Таким образом мы можем смело утверждать, что в случае войны с Советским Союзом наша цель — проследить за тем, чтобы после окончания войны никакому режиму на российской территории не было позволено:

а) сохранять военные силы в количестве, способном представлять угрозу любому соседнему государству;

б) пользоваться такой степенью экономической автаркии, которая позволила бы осуществить восстановление экономического базиса военной мощи без содействия западного мира;

в) отказываться в автономии и самоуправлении основным национальным меньшинствам;

г) сохранить какое-либо подобие нынешнего железного занавеса.

Если эти условия гарантированы, нас устроит любая политическая ситуация, возникшая после войны. Мы будем в безопасности независимо от того, сохранится ли Советское правительство на всей российской территории, или только на небольшой части этой территории, или же исчезнет вообще. И мы будем в безопасности, даже если первоначальный демократический энтузиазм нового режима окажется кратковременным и сменится тенденцией постепенной замены асоциальными концепциями международных отношений, на которых воспитано нынешнее советское поколение.

Все вышеизложенное является описанием наших военных целей в том случае, **если политические процессы в России пойдут своим путем** в условиях войны, и мы не будем обязаны принимать на себя существенной ответственности за политическое будущее страны. Но следует также рассмотреть ситуацию, которая сложится, если **советская власть распадется настолько быстро** и настолько радикально, что страна окажется в состоянии хаоса, и это обяжет нас, как победителей, делать политический выбор и принимать решения, которые должны будут сформировать политическое будущее страны. В этом случае необходимо рассмотреть три основных вопроса.

4. РАЗДЕЛЕНИЕ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО

Прежде всего желательно ли в этом случае, чтобы нынешние территории Советского Союза оставались объединены одним режимом или же желательно их разделение? И если желательно оставить их едиными, по крайней мере в значительной степени, то какую степень федерализма должно соблюдать российское правительство? Как быть с основными национальными меньшинствами, в частности с Украиной?

Мы уже отметили проблему прибалтийских государств. После следующей войны прибалтийские государства не должны оставаться под какой-либо коммунистической властью. Если же территория, прилегающая к прибалтийским государствам, будет контролироваться российской властью, не являющейся коммунистической, мы должны будем руководствоваться волей прибалтийских народов и степенью умеренности, которую российская власть будет склонна проявлять по отношению к ним.

В случае с Украиной проблема совсем иная. Украинцы — наиболее развитый из народов, находящихся под управлением России в настоящее время. В целом они обижены российским господством; их националистические организации за рубежом активны, к ним прислушиваются. Было бы легко прийти к выводу, что они должны получить наконец свободу от российского управления и реализоваться в качестве независимого государства.

Мы должны быть очень осторожны с таким выводом. Сама простота делает его непригодным в условиях восточноевропейской реальности.

Действительно, украинцы были несчастны под управлением России, и необходимо что-то предпринять для защиты их положения в будущем. Но есть ряд существенных нюансов, которые нельзя упускать из виду. Пока украинцы были важным и существенным элементом Российской империи, **они не проявили никаких признаков «нации»***, способной успешно и ответственно нести бремя независимости перед лицом сильнейшего российского противодействия. Украина не является четко определенным этническим или географическим понятием. В целом население Украины изначально образовалось в основном из беженцев от русского и польского деспотизма и трудноразлично в тени русской или польской национальности. Нет четкой раздельной линии между Россией и Украиной, и установить ее затруднительно. **Города на украинской территории были в основном русскими и еврейскими.** Реальной основой «украинизма» являются «отличия» специфического крестьянского диалекта и небольшая разница в обычаях и фольклоре между районами страны. Наблюдаемая политическая агитация — это в основном дело нескольких романтично настроенных интеллектуалов, которые имеют мало представления об ответственности государственного управления.

* Даже американские политики не считали украинцев самостоятельной нацией и все же упорно добивались отделения Украины от России. — Ред.

Экономика Украины неразрывно сплетена с экономикой России в единое целое. Никогда не было никакого экономического разделения с тех пор, как территория была отвоевана у кочевых татар и стала осваиваться оседлым населением. Попытка оторвать ее от Российской экономики и сформировать нечто самостоятельное была бы столь же искусственной и разрушительной, как попытка отделить Зерновой Пояс, включая Великие Озера, от экономики Соединенных Штатов.

Более того, народ, говорящий на украинском диалекте, как и народ, говорящий на белорусском диалекте, расколот по признаку, который в восточной Европе всегда являлся подлинным признаком национальности: а именно религией. Если по Украине и может быть проведена какая-то реальная граница, то логичной была бы граница между районами, традиционно тяготеющими к Восточной Церкви и районами, тяготеющими к Римской Церкви.

Наконец, мы не можем оставаться безучастными к чувствам самих великороссов. **Они были самым сильным национальным элементом Российской Империи, сейчас они являются таковым в Советском Союзе. Они останутся самым сильным национальным элементом на этом пространстве при любом своем статусе.** Долгосрочная политика США должна основываться на их признании и их сотрудничестве. Украинская территория настолько же является частью их национального наследства, насколько Средний Запад является частью нашего, и они осознают этот факт. Решение, которое попытается полностью отделить Украину от остальной части России, связано с навлечением на себя неодобрения и сопротивления с ее стороны и, как показывает анализ, может поддерживаться только силой. Существует реальная вероятность того, что великороссов можно убедить смириться с возвращением независимости прибалтийским государствам. Они мирились со свободой этих территорий от России в течение длительного периода в прошлом, и они признают, если не разумом, то подсознательно, что эти народы способны к независимости. По отношению к украинцам дело обстоит иначе. Они слишком близки к русским, чтобы суметь успешно самостоятельно организовать во что-либо совершенно отличное. Лучше или хуже, но они будут строить свою судьбу в виде какой-то особой связи с великорусским народом.

Кажется очевидным, что лучшей из подобных связей будет федерация, при которой Украина будет пользовать-

ся значительной степенью политической и культурной автономии, но не будет независимой в экономическом или военном отношении. Такие отношения полностью удовлетворяют требованиям самих великороссов и, по-видимому, соответствуют тем рамкам, которыми должны ограничиваться задачи США по отношению к Украине.

Следует заметить, что этот вопрос имеет значение не только для отдаленного будущего. Украинские и великорусские элементы среди эмигрантских оппозиционных групп уже энергично соперничают за поддержку США. То, как мы будем воспринимать их конкурирующие претензии, может оказать важное влияние на развитие и успех движения за политическую свободу среди русских. Поэтому существенно, чтобы мы приняли решение сейчас и твердо его придерживались. И это решение должно быть не пророссийским и не проукраинским, а признающим географические и экономические реальности и требующим для украинцев подобающего и приемлемого места в семье традиционной Русской Империи, неотъемлемую часть которой они составляют.

Следует добавить, что хотя, как утверждается выше, мы не склонны поощрять украинский сепаратизм, тем не менее если без нашего участия на территории Украины возникнет независимый режим, мы не должны прямо противодействовать этому. Поступить так означало бы принять на себя нежелательную ответственность за внутрироссийское развитие. Такой режим будет постоянно подвергаться проверкам на прочность со стороны России. Если он сумеет успешно сохраниться, это означает, что вышеприведенный анализ не верен и что Украина имеет способность и моральное право на независимый статус. Наша политика прежде всего должна быть направлена на сохранение внешнего нейтралитета постольку, поскольку наши интересы — военные или иные — не будут затронуты непосредственно. И только если станет ясно, что ситуация заходит в нежелательный тупик, мы будем содействовать отходу от движения к разумному федерализму. То же самое применимо к любым усилиям по достижению независимого статуса другими российскими меньшинствами. Маловероятно, что какое-либо из этих меньшинств сможет успешно поддерживать реальную независимость длительное время. Однако, если они попытаются (а вполне возможно, что кавказские меньшинства сделают такую попытку), — наше отношение долж-

но быть таким, как в украинском вопросе. Мы должны внимательно следить за тем, чтобы не становиться в позицию открытого противодействия таким попыткам, что вызвало бы окончательную утрату симпатий этих меньшинств. С другой стороны, мы не должны связывать себя поддержкой такой их линии поведения, которая в дальнейшем, вероятно, может быть сохранена только при нашей военной помощи.

5. ВЫБОР НОВОЙ ПРАВЯЩЕЙ ГРУППЫ

В случае распада Советской власти мы, несомненно, столкнемся с необходимостью поддержки некоторых политических элементов из числа нынешних многочисленных конкурирующих российских оппозиционных группировок. Нам будет практически невозможно избежать действий, более выгодных для той или иной из этих группировок по сравнению с их соперниками. Но очень многое будет зависеть от нас и от тех концепций, которые мы стараемся реализовать.

Мы уже видели, что среди существующих и потенциальных оппозиционных групп нет таких, которых мы желали бы полностью поддерживать, и за чьи действия в случае их прихода к власти в России хотели бы нести ответственность.

С другой стороны мы должны ожидать, что разные группы предпримут энергичные усилия, чтобы заставить нас вмешаться во внутренние дела России, что угрожает связать нас серьезными обязательствами и сделает возможным политическим группам в России продолжать требовать нашей поддержки. **В свете этих фактов очевидно, что мы должны предпринять определенные усилия, чтобы избежать принятия на себя ответственности за решение, кто будет управлять Россией после распада советского режима.** Оптимальным было бы позволить всем изгнанным элементам вернуться в Россию настолько быстро, насколько возможно, и проследить, насколько это от нас зависит, за тем, чтобы всем им были даны примерно равные возможности заявить о своих претензиях на власть. Наша основная позиция должна состоять в том, что в конечном итоге русский народ должен будет сделать свой собственный выбор, и мы не намерены оказывать влияние на этот выбор. Поэтому мы должны избегать приобретать протекцию и обязаны следить за тем, чтобы все конкурирующие группы получили возможность изложения своих взглядов российскому народу через сред-

ства массовой информации. Между этими группировками возможны случаи насилия. Даже при этом мы не должны вмешиваться, если не будут затронуты наши военные интересы или если со стороны одной из групп не будет предпринята попытка утвердить свою власть крупномасштабными варварскими репрессиями тоталитарного типа, применяемыми не только к противостоящим политическим лидерам, но и к массам населения*.

6. ПРОБЛЕМА «ДЕКОММУНИЗАЦИИ»

На любой территории, освобожденной от Советского управления, мы столкнемся с человеческими остатками Советского аппарата власти.

Вероятно, что в случае упорядоченного отвода войск с нынешней советской территории, местный аппарат коммунистической партии уйдет в подполье, как он проделал это в районах, захваченных немцами во время последней войны. Затем он снова всплывет в виде партизанских групп и отрядов. На этой стадии проблема обращения с ним будет относительно простой; нам нужно лишь предоставить необходимое вооружение и военную поддержку любой некоммунистической власти, способной контролировать район, и разрешить этой власти обращаться с коммунистическими бандами в соответствии с традиционными методами российской гражданской войны.

Более сложную проблему будут представлять собой рядовые члены компартии или госаппарата, которые будут разоблачены и арестованы, либо сдадутся на милость наших сил или любой российской власти, существующей на данной территории.

Здесь мы снова должны избегать брать на себя ответственность за распоряжение судьбой этих людей или за отдачу прямых приказов местным властям по этому поводу. Мы должны иметь право настаивать на их разоружении и их недопущении на руководящие позиции в правительстве, пока они не предоставят ясных свидетельств искреннего пересмотра своих взглядов. Однако в основном это должно оставаться проблемой любой российской власти, заменившей коммунистический режим. Мы можем быть уверены, что такая власть будет более, чем мы, способна судить об опасности, которую эти экскоммунисты представляют для нового режима, и обойтись с ними та-

* Подобные репрессии уже всюду идут в России. — Ред.

ким образом, чтобы предотвратить возможный вред от них в будущем. Наша основная забота — следить за тем, чтобы никакой коммунистический режим, подобный нынешнему, не был восстановлен на территориях, которые мы уже освободили и которые, как мы решили, должны оставаться свободными от коммунистического контроля. Сверх этого мы должны быть очень осторожными, чтобы не оказаться втянутыми в проблему «декоммунизации».

Основная причина этого в том, что политические процессы в России странные и загадочные. В них нет ничего простого и ничего не гарантировано. Очень редко, если вообще когда-нибудь здесь белое четко отличается от черного. Нынешний коммунистический аппарат власти вероятно включает большую долю тех лиц, которые по своей подготовке и склонностям подходят к участию в процессах управления. Любой новый режим, вероятно, будет вынужден использовать службу многих из этих людей для того, чтобы вообще иметь возможность управлять. Более того, мы не способны проникнуть в каждом индивидуальном случае в мотивы, которые привели человека в России к участию в коммунистическом движении. Мы также не в состоянии понять, до какой степени такое участие явится в ретроспективе дискредитирующим или преступным в глазах других россиян. Для нас было бы опасно действовать на основе любых фиксированных предположений по этим поводам. Мы должны всегда помнить, что преследования со стороны иностранного правительства неизбежно делает мучеников из таких людей, которые при других обстоятельствах сделались бы только объектом насмешек.

Поэтому мы должны быть мудрее и на территориях, освобожденных от коммунистического контроля, ограничиться наблюдением за тем, чтобы экскоммунисты не получили возможности реорганизоваться в вооруженные группы, претендующие на политическую власть, и чтобы местные некоммунистические власти получили достаточно вооружения и поддержки в связи с любыми мерами, которые они пожелают предпринять в этом отношении.

Таким образом мы можем сказать, что не ставим целью осуществления нашими собственными силами на территории, освобожденной от коммунистической власти, какой-то крупномасштабной программы декоммунизации, и что в целом нам следует оставить эту проблему любой местной власти, которая сможет заменить советское руководство.

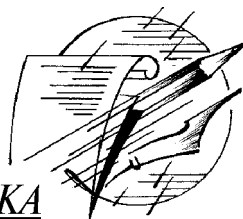
Валерий ЧАРУШНИКОВ

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ»

В 1968 году в тогдашней Чехословакии произошли события, которые громким эхом отозвались на европейском континенте и обросли многочисленными мифами и домыслами. В ту пору мне приходилось часто бывать в Праге, Брно и Братиславе, и многое из того, что там делалось, я видел своими глазами. Контуры нынешней картины наметились уже тогда, но окончательно она сложилась после поражения России в холодной войне и обрушившихся на нее неисчислимых бедствий и страданий.

На Западе к чехословацкому кризису 1968 года подходят с позиций известного принципа *per se*, то есть рассматривают его изолированно от остальных политических процессов в Европе. А между тем этот кризис имел свою предысторию.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны Советский Союз, естественно, стремился в полной мере использовать результаты Великой Победы. Требовалось так разрешить все геополитические проблемы, чтобы навсегда обеспечить безопасность западных рубежей нашей страны. Надо сказать, что тогда ветер дул нам в паруса. По



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

границе СССР образовался пояс союзных ему государств Восточной и Центральной Европы. И не нужно думать, что это явилось лишь волевым решением Сталина. Прежние режимы в восточно-европейских государствах обанкротились, западные державы скомпрометировали себя двурушнической предвоенной политикой, закончившейся мюнхенским сговором. Из глубины восточно-европейского общества исходил мощный обновленческий импульс. Авторитет же СССР был как никогда высок. Одержанная им Великая Победа обострила интерес к советской системе, сделала ее привлекательной для многих стран и народов. Даже авторы, выступающие с антисоветских позиций, не могут отрицать, что в первые послевоенные годы психология масс оказалась весьма восприимчивой к идеям социализма, с которыми ассоциировались мир, труд, социальная справедливость и равенство людей.

Сталин отнюдь не сразу пошел на прямой перенос советской модели в восточно-европейские государства. Первоначально он допускал, что социалистические преобразования можно осуществить в них без национализации мелких и средних предприятий. Как бы то ни было, образовался мощный восточно-европейский блок во главе с Советским Союзом. СССР закачивал в «социалистические страны» огромные материальные ресурсы. Они плыли к берегам экономического процветания на волнах дешевой советской нефти. При этом ответной любезности наши союзники не проявляли и продавали нам свои товары по высоким ценам. В итоге, после развала социалистического лагеря Советский Союз оказался перед всеми в большом долгу.

Конечно, за прошедшие после войны десятилетия, народы восточно-европейских государств познали не только преимущества нового строя (а они, судя по теперешней ностальгии многих восточноевропейцев по прошлому, действительно имелись), но и столкнулись с рядом негативных моментов, характерных для советской системы. Скверную услугу оказало также бездумное копирование советского опыта, игнорирующее местные условия и традиции. Словом, горючего материала накопилось со временем предостаточно. Все это в полной мере проявилось в Чехословакии. Надо сказать, что до 1968 года отношение со стороны чехов и словаков к русским было в основном дружеским. К нам относились как к братскому славянскому народу, сыгравшему решающую роль в ос-

вобождении страны от фашизма. Однако в чехословацком руководстве наряду с просоветским ядром (А. Новотный, Г. Гусак, В. Биляк, А. Индра и др.) имелись люди явно прозападной ориентации (Кригель, Цисарж, Шик, Смрковский и др.).

В условиях холодной войны, когда директива Совета национальной безопасности США предусматривала организацию в социалистических странах волнений и мятежей, эта «пятая колонна» могла стать для СССР большой проблемой. Конечно, при правильной политике, опираясь на традиции славянского единства и советско-чехословацкой дружбы, можно было блокировать западников и обеспечить геополитические интересы Советского Союза в Чехословакии. К сожалению, события пошли по совсем другому сценарию.

До 1968 года первым Секретарем ЦК КПЧ и президентом ЧССР являлся А. Новотный, вполне лояльный Москве человек, но он не удовлетворял Брежнева. По-видимому, здесь сказались какие-то личные причины. Когда Брежнев после своего избрания в 1964 году первым секретарем ЦК КПСС стал обзванивать в новом качестве своих коллег в социалистических странах, А. Новотный имел неосторожность сказать: «А я все-таки думал, что Хрущев останется во главе правительства». Отношения сразу оказались испорченными. Западники начали активно разыгрывать эту карту, и, используя реальные и мнимые ошибки Новотного, с помощью советского руководства сместили его со всех постов. В качестве первого секретаря ЦК КПЧ они подсунули Брежневу свою кандидатуру — Александра Дубчека. Его анкета вполне удовлетворяла Москву. Он долгое время жил, учился и работал в Советском Союзе и, как предполагалось, впитал советский образ мысли и советскую идеологию. Короче говоря, «Наш Саша».

Однако выбор оказался неудачным. «Наш Саша» начал, попросту говоря, морочить головы советским коллегам. В узком кругу он объяснил свою линию поведения так: «Я только стараюсь улыбаться Брежневу. Говорю «да, да», а, возвращаясь домой, ничего не исполняю» (Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945—1985). Новое прочтение, М., 1995, с. 319). Фактически новый лидер с самого начала находился под влиянием антисоветских сил. В Чехословакию в качестве советников прибыли кадровые сотрудники ЦРУ и Госдепа США,

в том числе небезызвестный советолог и воинствующий антикоммунист З. Бжезинский, рассматривавший ЧССР в качестве первого объекта «западной либерализации». И зацвела «Пражская весна». А Дубчек провозгласил построение «социализма с человеческим лицом». Сам популярный лозунг принадлежал, кстати, не ему, а мало кому известному Радовану Рихте. Что это такое, толком никто не знал. Никакого нового дыхания социализм не получил. Реформы, по сути, и не начинались.

За два десятилетия до Горбачева была провозглашена «демократизация и гласность» (либерализация прессы, полная отмена цензуры и всех запретов). К чему все это приводит хорошо известно. В свое время известный русский историк С.М. Соловьев был крайне встревожен, когда во время «оттепели» после смерти Николая I «замерзшие нечистоты начали оттаивать, и понеслись миазмы». Нечто подобное тогда происходило и в Чехословакии. В короткий срок там появился целый ряд антисоветских (а точнее антирусских) организаций («Клуб беспартийных активистов» и др.), была создана сеть подпольных типографий и радиостанций, распространявших материалы клеветнического содержания. Со страниц газет и с экранов телевиденья хлынул поток самой настоящей антисоветчины и русофобии, что не могло не отразиться на моральном климате общества. Вот только один весьма характерный эпизод. В мае 1968 года мы с коллегой из Чехословацкой Академии наук сидели в каком-то типичном пражском ресторанчике. Разговаривали естественно по-русски. Услышав русскую речь, к нам тотчас подсели какие-то субъекты и с места в карьер стали меня обвинять в том, что русские поработили все народы Советского Союза, а теперь хотят сделать то же самое с народом Чехословакии. На мой вопрос, какие конкретно народы поработили русские, последовал ответ — например украинцев. Я стал объяснять, что во главе Украины стоит украинец П. Шелест, в обиду ее не дает. Уровень жизни на Украине гораздо выше, чем в России. Тут один из подошедших встал и, показав на меня рукой, закричал: «Он большевик». Мой коллега вскочил и замахал руками: «Нет, нет, он не большевик, он только комсомолец». Как говорится, «все это был бы смешно, когда бы ни было так грустно».

На стенах домов появились надписи: «Хотим свободы!», «Русские вон!», «Возвращайтесь в свою Сибирь!»

Обстановка накалялась с каждым днем, а новые вожди красовались на митингах и, демонстрируя свои непомерные амбиции, занимались откровенным популизмом. Складывалось впечатление, что их больше занимала не конечная цель реформ, а желание показать себя, сыграть на всплеске общественных эмоций. Как очевидец событий могу сказать, что ситуация в Чехословакии в 1968 году в деталях напоминала ту, что сложилась у нас в СССР двадцать лет спустя. Те же наэлектризованные толпы людей, те же «победительно наглые» младшие научные сотрудники и старшие лаборанты, предводительствуемые демагогами-горлохватами в профессорских мантиях. Наконец, тот же самый финал: в обоих случаях дело закончилось полным распадом государственности. Правда, в Чехословакии ввиду малых размеров страны этот процесс прошел менее болезненно, чем у нас.

Конечно, Советский Союз в 1968 году еще являлся сверхдержавой. Но социалистический блок уже трещал по швам, что со всей отчетливостью проявилось и в данной ситуации. Если лидеры непосредственных соседей ЧССР (Польша, Венгрия, ГДР), уже столкнувшиеся с массовыми волнениями и беспорядками в своих странах, занимали подчас даже более жесткую позицию, чем их советские коллеги, то югославские и румынские руководители выразили однозначную поддержку пражским реформам. В результате возникла угроза так называемой Малой Антанты в составе Чехословакии, Югославии и Румынии. Советские же руководители порой не могли отделить сущностные явления от раздражающих их частных и допускали порой грубые ошибки. На Дубчека пытались влиять по различным каналам. Его бывшего одноклассника, первого Секретаря Горьковского обкома партии К.Ф. Катусева срочно вызвали в Москву и сделали секретарем ЦК КПСС по связям с соцстранами. Начались «фронтальные встречи» двух Политбюро. Встреча в Чиерне-над-Тиссой по существу сорвалась. На встрече в Братиславе, правда, удалось принять документ общего характера с заверениями в нерушимости социалистического лагеря. Но в этот же день на центральной площади Братиславы был организован грандиозный митинг, на котором Смирковский фактически подстрекал массы против СССР, а для лучшего эффекта при свете мощных прожекторов под рев толпы разорвал на себе рубашку. Нежная «пражская весна» явно перешла в жаркое «лето».

17 августа Брежнев направил Дубчеку письмо, где говорилось, что, несмотря на достигнутые договоренности, антисоветская пропаганда в ЧССР продолжается. Ответа от Дубчека он не дождался. Зато на следующий день получил послание от президента США Линдона Джонсона. Тот явно давал понять, что Соединенные Штаты будут соблюдать Ялтинские и Потсдамские соглашения и не намерены вмешиваться в дела «восточного блока». Так что утверждение о том, что в августе 1968 года СССР поставил мир на грань ядерной войны, мягко говоря, не соответствует действительности.

Между тем, события стали развиваться с калейдоскопической быстротой. Группа ортодоксальных коммунистов обратилась к советскому руководству с письмом, в котором выражалась просьба помочь удержать страну от хаоса и анархии. Его подписали секретари ЦК КПЧ Й. Ленарт и Л. Штроугал, члены ЦК А. Индра, В. Биляк, Д. Кольдер. Будучи в Братиславе, я остановился в отеле «Интурист», и мне шепнули, что именно здесь письмо было передано первому секретарю ЦК Компартии Украины Петру Шелесту. 21 августа войска стран-участниц Варшавского Договора вошли в Чехословакию. С чисто военной точки зрения операцию спланировали вполне квалифицированно: был учтен опыт венгерских событий 1956 года, приняты меры по предотвращению кровопролития с обеих сторон. Однако дальше начались неудачные политические импровизации. Сплотить просоветские силы и создать на их основе альтернативное западникам правительство не удалось. 22 августа в пражском пригороде Высочины в столовой завода ЧКД открылся XII чрезвычайный съезд КПЧ. Он избрал новый Президиум ЦК, зарезервировав в нем место для отправленных в Москву прежних руководителей. Исполняющим обязанности первого Секретаря ЦК КПЧ стал профессор высшей экономической школы Веник Шилган. От лица съезда он обратился за помощью к международному коммунистическому движению и потребовал вывода иностранных войск с чехословацкой территории.

Советскому руководству пришлось вести в Москве трудные переговоры с Дубчеком и его людьми. Согласно подписанному 26 августа 1968 г. протоколу, чехословацкая сторона снимала с повестки дня Совета Безопасности ООН вопрос об оккупации Чехословакии. Советские войска оставались в ЧССР временно до наступления «нормали-

зации». Конкретный срок ее не оговаривался. Правда, чехословацкая делегация потребовала от Москвы отказа от создания в их стране параллельного центра власти типа революционного рабоче-крестьянского правительства Кадара в Венгрии 1956 года. В ответ советская сторона заявила, что в таком случае нужно признать незаконным Высочанский съезд. Дубчек и его сподвижники согласились. Ими руководил не только страх за свою жизнь. По существу, они боялись и своих спасителей из Высочан. А вдруг Москва поставит на них крест и будет иметь дело со вновь избранным руководством? Аннулировав решения Высочанского съезда после своего возвращения в Чехословакию, Дубчек, Смирковский и другие фактически предали тех, кто их спас. Постепенно всех этих деятелей убрали с ключевых постов. Первым Секретарем ЦК КПЧ в апреле 1969 г. избрали словака Густава Гусака. Даже противники среди деятелей «Пражской весны» считали его личностью, превосходящей своими способностями большинство тогдашних коммунистических лидеров.

Одним из руководителей Словацкого национального восстания 1944 года, Гусак всегда являлся твердым сторонником Советского Союза и даже одно время ратовал за присоединение Словакии к СССР. С приходом Гусака к власти обстановка в ЧССР постепенно нормализовалась. Но все это можно было сделать без военной акции, принесшей много моральных и политических издержек. Начнем с того, что чехословацкие события серьезно обострили внутривнутриполитическую обстановку в самом Советском Союзе. Именно к этому времени относится окончательное оформление диссидентского движения СССР. Безусловно, в любом нормальном государстве должна существовать оппозиция. Всегда нужна некая «разность потенциалов», ибо из нее начинаются процессы застоя и стагнации. И тут возникает вопрос, мучивший еще Герцена: «Где границы патриотизма?» Нельзя же любовь к Родине распространять на любое ее правительство. Беда в том, что большинство наших диссидентов оппонировали не правительству, к которому всегда имеются какие-то претензии, а к своей стране. Жизнь сложна и многообразна, и обычно у каждой из сторон своя правда. Единственный выход из такой ситуации — попытаться вычленив в позиции оппонента рациональное зерно, найти пути к взаимопониманию. Но в глазах наших диссидентов правда своей страны становится ложью.

Многим, наверное, памятна строка известного своей экстравагантностью поэта: «Танки идут по Праге! Танки идут по правде!» При таком подходе диссиденты автоматически превращались в пятую колонну. Один из семи демонстрантов, протестовавших на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию Вадим Делоне, так прямо и написал:

*Я бросил вызов Родине моей,
Когда ее войска пошла на Прагу.*

Я помню этого юношу с печальными глазами. Он был внуком известного советского математика Б.Н. Делоне. Дед счел за благо отправить Вадима подальше от Москвы в Новосибирский Академгородок, где я в то время жил и работал. Вадим квартировал в коттедже ученика Б.Н. Делоне академика-демократа А.Д. Александрова. Там постоянно собиралась либерально настроенная публика. В их среде стало даже модным болеть за чехословацкий хоккей и желать поражения нашей хоккейной команде. Предполагалось, что юноша продолжит свое образование в Новосибирском университете. Этот базовый университет Сибирского отделения Академии Наук считается одним из лучших в мире. Но учиться Вадим не захотел. Он вскоре эмигрировал из СССР и умер в Париже.

Независимо от субъективных желаний, подобные люди работали на ослабление СССР. А что уж говорить о наших недругах за рубежом. Буржуазная пропаганда раздула антисоветскую, а точнее антироссийскую истерию до невероятных размеров. Меня всегда возмущала двойная логика западных журналюг. Если в какой-либо из европейских столиц проходили гастроли Большого театра, то пресса писала о советском балете. Когда же началась коллективная акция стран участниц Варшавского Договора, газеты запестрели заголовками: «Русские танки в Праге!» Вместе с тем следует категорически отвергнуть миф о том, что «Советский Союз в очередной раз выступил в роли мирового жандарма и душителя свободы» и вел себя в Чехословакии как слон в посудной лавке. После 1991 г. подобные клеветнические измышления получили широкое распространение в российских средствах массовой информации. Их можно встретить в самых неожиданных местах. Например, приведенную выше цитату я извлек из монографии «История отечественной музыки второй по-

ловины XX века». Хуже всего то, что эти идеи, отравляющие сознание людей, проникли даже в учебную литературу. В учебном пособии «Россия в истории мировой цивилизации IX—XX вв.», созданном под патронажем Института Открытого Общества, сообщается, что «в маленькую Чехословакию было введено больше танков, чем в 1941 г. бросил на СССР Гитлер» (Жуковский С.Т., Жуковская И.Т. Россия в истории мировой цивилизации. IX—XX вв., М., 2000, с. 381). Надо ли говорить, сколь далеко все это было от действительности.

В отличие от США и их союзников СССР не накрывал ковровыми бомбардировками целые города и не обстреливал гражданские учреждения и мирных жителей, как это имело место в Югославии, Афганистане и Ираке. Войска стран-участниц Варшавского Договора имели строгое указание избегать столкновений с населением. Со своей стороны президент ЧССР Людвиг Свобода отдал приказ Чехословацкой армии не оказывать этим войскам вооруженное сопротивление. Так что число жертв оказалось минимальным.

Последний раз мне довелось побывать в Чехословакии в 1971 году, когда там уже все более или менее успокоилось. Понятно, что от прежнего дружелюбия не осталось и следа. Мне даже порекомендовали на улицах пользоваться немецким языком. Конечно, опять было много споров. Мы старались объяснить своим чехословацким коллегам, что нам, русским, в принципе, все равно, какой социализм они собираются строить, с человеческим лицом или с каким-то иным. В сущности, важен был не тип общественного строя. Требовались твердые гарантии того, что на западных границах Советского Союза никогда больше не возникнет новой военной угрозы. У нас, например, удачно сложились послевоенные отношения с Финляндией. Эта капиталистическая страна отказалась вступать в блок НАТО. Соблюдая нейтралитет, она не допускает размещения на своей территории иностранных военных баз. Нам отвечали, что возможное вступление Чехословакии в НАТО — это плод больного воображения маразматического советского руководства, что такого не будет, потому что не может быть никогда. Увы, после роспуска Варшавского блока и Чехия, и отделившаяся от нее Словакия первыми стали стучаться в ворота североатлантического блока. Теперь США объявили, что на территории Чехии и Польши будут размещены системы ПРО.

Почему же советское военное присутствие в странах Центральной и Восточной Европы считалось незаконным, а американское присутствие считается необходимым? Наши отечественные диссиденты устами Новодворской отвечают, что ненавистная Спарта (читай Россия) должна быть уничтожена. Сами чехи и словаки сейчас говорят, что они всегда испытывали самые лучшие чувства к братскому русскому народу, но события 1968 года развернули их в сторону Запада. При этом старательно забываются другие трагические даты национальной истории: начиная с 1620 г., когда в результате поражения близ Белой Горы Чехия на 300 лет попала под власть Габсбургов, и кончая 1938 г., когда в Мюнхене Великобритания и Франция сговорились с Германией о расчленении Чехословакии. Можно было ожидать, что, добившись независимости от Москвы, братья-славяне реализуют, наконец, провозглашенную в 1968 г. высокую мечту и одарят результатами своего политического творчества остальной мир. Однако ничего подобного не произошло. Согласно «историософии» перестроечного экономиста и писателя Н. Шмелева, чехи давно уже очнулись от «бузотерства» времен Яна Гуса и Яна Жижки и занялись делом более достойным цивилизованных людей — вареньем и потреблением пива («Независимая газета», 24 июля 2000 г.). Правда, в отношении цивилизованности возникают большие сомнения. Не из Праги ли, которую в 1968 г. не задели ни бомбы, ни снаряды, неслись истерические призывы немедленно начать бомбардировки Сербии. Чехия, Словакия и другие страны Центральной и Восточной Европы в 2003 г. горячо поддержали агрессию США в Ираке, чем вызвали сильное недовольство Франции и Германии. Многие европейские средства массовой информации тогда называли их «Троянскими ослиами».

История показывает, что где бы ни возникал «социализм с человеческим лицом», везде он заканчивался одним и тем же — «бархатными революциями» и враждебными России альянсами. Так было в Чехословакии, Польше, Венгрии, Болгарии, Румынии, ГДР, Литве, Латвии, Эстонии. Руководители данных стран высокопарно объясняли это желанием своих народов вернуться в лоно европейской политической системы, из которой они будто бы насильственно были вырваны. На самом деле речь шла о заурядном стремлении поскорее примкнуть к победившей стороне. Сказалась здесь и привычка бывших

участников Варшавского Договора к устоявшейся блоковой жизни, когда главные заботы несет на себе очередной «старший брат». Ведь какие-то центры силы существуют всегда. И даже обретение видимого политического суверенитета страной-сателлитом на практике оборачивается перемещением в сферу влияния нового центра силы. Так обычно бывает при очередном переделе мира. Но больше всего поражает логика двойных стандартов. Советский Союз ошельмовали как «империю зла», разрушение которой являлось неременным условием для всеобщего благоденствия и процветания. Канонические примеры советских «преступлений» давно озвучены: Венгрия, Чехословакия, Польша, Афганистан. Но СССР вводил войска лишь на сопредельные с ним территории и только в тех случаях, когда там возникали кризисные ситуации. Со стороны Советского Союза это была не «имперская прихоть», а необходимость, определяемая особенностями его геополитического положения.

Однако в отношении США подобных примеров можно привести гораздо больше. Югославия, Афганистан, Иран — лишь последние из них. К тому же достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, где эти страны, а где Соединенные Штаты. Боевые действия в данных регионах велись с неслыханной жестокостью. В Югославии в пасхальную ночь натовская ракета с надписью «Поздравляем с Пасхой» унесла десятки жизней. Среди погибших были и дети. И странно, что все наши новоявленные президенты от Горбачева до Путина без конца каялись за реальные и мнимые прегрешения СССР.

Очевидно, что после поражения СССР в холодной войне резко усилилась эскалация агрессивных устремлений американского империализма. Как заявил небезызвестный Г. Киссенджер, США остались «единственной сверхдержавой, которая обладает возможностью вмешательства в любой части земного шара». Сегодня в Вашингтоне перекраивают географические карты и решают, какому народу, с каким правительством жить, чтобы лучше воплотить в жизнь «американскую мечту». Таким образом, идеология американизма, по существу, представляет собой новый колониализм, отбрасывающий суверенные государства к статусу стран третьего мира. Но и победители получили не совсем то, что хотели. Эйфория в их лагере начинает уже спадать. В условиях набирающего силы антиглобализма, они боятся мощной геополитической кон-

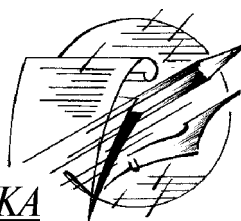
траты, способной остановить американскую экспансию. Ведь по известному закону действие равно противодействию. Вот как характеризует теперешнюю ситуацию в мире бывший директор ЦРУ Р. Гейтс: «В результате событий последних лет мир стал гораздо более нестабильным, сумбурным, непредсказуемым и переполнился насилием. Надежды на новый мировой порядок сменились реальностью мирового беспорядка. Это не тот лик мира, который мы ожидали увидеть после кончины коммунизма». Как говорится, за что боролись...

Протоиерей Евгений ШЕСТУН

НЕТ ДЛЯ БОГА НЕВОЗМОЖНОГО

На одном из совещаний, где обсуждалась программа по борьбе с наркоманией, медики достаточно высокого уровня, ссылаясь на слова министра здравоохранения, заявили, что наркомания — болезнь неизлечимая. Душа моя восстала против этих слов. Сколько молодых людей, их родителей и близких потеряют надежду, сколько сердец наполнится унынием и отчаянием. Врачи сообщили правду о себе, но не о наркомании. Сказав, что наркомания — болезнь неизлечимая, они должны были договорить, что она неизлечима медицинскими методами; другими словами, медицина в решении этой проблемы оказалась бессильной. Медицина имеет опыт излечения телесных и душевных недугов человека. Но человек, сотворенный по образу и подобию Божию, — существо не только плотское и душевное, но и духовное. Духовную немощь медицинскими методами не одолеешь.

Так что же такое наркомания? Бессилие медицины наводит на мысль, что это не болезнь (хотя она и порождает массу заболеваний), а особое, плененное состояние человеческой души. Человек не может излечить такую душу, а только Бог Своею благодатью может исцелить ее, освободить от власти страстей, греха и смерти.



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Более четырех лет назад архиепископ Самарский и Сызранский Сергей дал мне послушание окормлять людей, страдающих недугом алкоголизма и наркомании. Так образовалось братство «Радонеж», и к настоящему времени у нас уже накопился некоторый опыт преодоления этих недугов православными церковными методами. Нам ничего не пришлось изобретать: опыт Церкви по исцелению духовных недугов насчитывает более чем двухтысячелетнюю историю. Русская Православная Церковь всегда боролась с пороком пьянства и алкоголизма; в XIX—XX веках эта деятельность получила организационное и теоретическое оформление.

Мы не ставим своей целью показать полный опыт служения Церкви по преодолению пороков алкоголизма и наркомании в обществе, а делимся наблюдениями и впечатлениями, которые были получены в процессе общения с людьми, настрадавшимися и погибающими, но с Божией помощью воскресшими и ожившими, открывшими мне глаза на многие реалии духовной жизни.

Исцеление начинается с диагноза

Слово «наркомания» состоит из двух слов: «нарко» и «мания». Словарь иностранных слов поясняет значение этих понятий, пришедших в наш язык из греческого языка. «Нарко» переводится на русский язык как оцепенение. Человек в состоянии оцепенения не способен проявить свою волю, он находится как бы в связанном состоянии. «Мания» обозначает безумие, страсть, влечение. Это вторая составная часть сложных слов, обозначающая сильное пристрастие, болезненное влечение к тому, что выражено в первой части слова. «Наркотик» переводится как приводящий в оцепенение, одурманивающий.

Несложный этимологический анализ показывает, что наркоман — это человек связанный, одурманенный и испытывающий влечение к дурману, более того, как показывает жизнь, не только испытывающий, но и прилагающий все усилия для поддержания этого состояния.

Если человек потерял свободу, оказался связанным, действует не по своей воле, то, с духовной точки зрения, он попал под влияние демонических сил. Таким образом, наркомания представляет собой одержимость человека бесовскими силами, иначе говоря — беснование. Подтверждением этому служат и изменения личности наркомана. Он становится лживым (сатана — отец лжи, как

свидетельствует Священное Писание), способен обманывать и обворовывать самых близких людей, поэтому наркоману на первых стадиях реабилитации верить нельзя. Понимание природы наркомании позволяет применять к наркоманам те же церковные методы, что и к бесноватым. Главное — это воцерковление всей его жизни.

Слово «алкоголь» соответствует русскому «винный спирт», а слово «алкоголизм» обозначает заболевание, вызываемое систематическим употреблением спиртных напитков, характеризующееся влечением к ним и приводящее к психическим и физическим расстройствам. Слово-вар иностранных слов отсылает нас к греческому слову «дипсомания» (дипса — жажда + мания), которым определяется периодически возникающее неудержимое влечение к алкоголю, периодический запой.

Только в «Радонеже» я узнал от многоопытных членов братства, что есть различие между пьяницей и алкоголиком. Оказывается, пьяница — это человек, который иногда может преступить приличие и, упившись вином, потерять человеческий облик, но, проспавшись, он продолжит трезвую жизнь, при этом будет испытывать мучения совести от своего падения. Другими словами, пьянство — это явление, связанное с дефектами воспитания. Алкоголизм — это болезнь нередко врожденная, наследуемая или приобретенная, суть которой заключается в том, что при попадании в кровь даже небольшой дозы алкоголя человек сразу теряет свою волю и попадает в тяжелый многодневный запой. Возникшее оцепенение сопровождается непреодолимым влечением к алкоголю. Мне памятен случай, когда алкоголик, много лет живший трезвой жизнью, сорвался оттого, что добавил в чай ложечку бальзама Биттнера.

Медицинскими методами алкоголизм чаще всего неизлечим. Обычно к нам в братство приходят люди, которые испытали многие методы, такие, как кодирование, гипноз, вшивание ампул, особые уколы и так далее. При этом они жаловались на то, что после лечения им становилось еще хуже и что новые запои можно было прекратить только с помощью реанимации. На вопрос: «Для чего вы лечились?» отвечали обычно одинаково: «Чтобы быть как все». Продолжение бесед показывало, что в их сознании понятия «быть как все» и «пить как все» совпадают. Они мечтают о том, чтобы выпить бокал вина или рюмку водки и, как все, утром отправиться на работу, а не в запой и не в реанимацию. И они крайне удивляются, когда узнают, что алкоголики — это люди особые, что у них есть только

две возможности в жизни: пытаться пить, а значит дотянуть, может быть, лет до сорока или чуть более и бесславно покинуть земную жизнь, или учиться трезвой жизни с Божией помощью и жить долго и радостно в согласии со своими близкими и своей совестью.

Алкоголик — человек очень часто непьющий, как это ни странно. Но при этом он тяжело болен алкоголизмом. Один алкоголик рассказал историю о том, что однажды на рыбалке после того, как сварили уху, все рыбаки налили себе по сто граммов, поднесли стакан и ему. Он вежливо отказался, пояснив, что не пьет потому, что алкоголик. Наступила тишина. Все поужинали, собрали снасти, погрузились в машину и поехали. Через некоторое время один из рыбаков поворачивается к нему и спрашивает: «А тогда мы кто?»

Иногда десятки лет уходят на то, чтобы понять, что ты — алкоголик. Столько лет человек внушает себе горделивую мысль, что он способен по своей воле прекратить пить. Но учиться трезвой жизни — значит учиться иной, отличающейся от привычной, жизни. А иная жизнь может быть только в Церкви. Стремление научиться жить церковной жизнью, то есть воцерковление, необходимо как алкоголика, так и наркоманам, да и не только им, но и всем людям, осознавшим себя кающимися грешниками, проснувшимися от оцепенения, от греховного сна.

Алкоголик и наркоман могут жить долгой и радостной жизнью, если в них пробудится духовная жизнь и они не будут прикасаться к дурманящему зелью. Человек по своей природе не нуждается в алкоголе и наркотиках, он может спокойно прожить без них всю жизнь, и это не состояние ремиссии, что в переводе с латинского обозначает временное ослабление болезни, а состояние, к которому должен стремиться каждый. К духовному трезвению, к свободе от власти страстей и греха призывают нас святые отцы. Путь исцеления — это путь духовного восхождения, дорога к Богу, по которой идет кающийся грешник, пробудившийся от греховного сна. Для православного человека дорога к Богу есть дорога в Церковь, в которой и происходит спасительная встреча.

С чего начинать?

Часто жизнь ставит перед нами на первый взгляд неразрешимые задачи: как помочь погибающему человеку, если он сам от этой помощи отказывается и не верит в

свое плачевное состояние? Как убедить его? Как достучаться до его разума? Как привести его к Богу? Как привести его в храм? Вопросы, вопросы, вопросы...

Сколько горьких рассказов о погибающих от алкоголизма и наркомании слышал я от матерей и жен, плачущих о своих близких. Как хочется всем помочь, но понимаю, что преодолеть эти страшные смертельные недуги можно только с Божией помощью и по желанию самого погибающего.

Зависимость от алкоголя или наркотика — это болезнь или врожденная, или приобретенная, болезнь практически неизлечимая и смертельная. Это болезнь не только плоти, но и души. В человеке затемняются и искажаются все разумные силы души — ум, воля, чувство. Достучаться до разума или взывать к воле — дело безнадежное. Надо обратиться к сердцу.

Но беда в том, что жизнь алкоголика или наркомана становится определяющей для всей семьи. В духовном плане болезнь начинает поражать и окружающих. Мысли — только о болезни, надежда — только на врачей, лекарства, гипноз, кодирование. Имеющиеся средства, часто скудные, расходуются на это. Все живут от стакана до стакана, от дозы до дозы. Все хотят исцеления, все, кроме одного человека, без участия которого это исцеление не наступит. Но ведь Господни пути неисповедимы.

Каждый из нас проживает свою жизнь и несет по ней свой крест. Но в какие трудные ситуации ни попадаем мы или наши близкие, на устах наших пусть остается молитва: «Слава Богу за все». За все! Не только за хорошее, но и за скорбное. Пусть впадший в немощь увидит своих близких не в раздражении и унынии, а на покаянной коленапреклоненной молитве. Пусть его пока нетрезвый взгляд останавливается на иконах, священных книгах, распятии. В его сердце пусть стучатся слова молитвы, возносимые за него любящими устами. Благодать Божия, по молитвам жен, матерей, священников, обязательно коснется еще живого сердца. И однажды, когда он в скорбях, в отчаянии проснется ночью от боли и страданий, его взгляд упадет на огонек лампадки у лика Спасителя, из глубины сердца вырвется стон: «Господи, помоги, погибаю». И тогда он сам найдет дорогу, ведущую к храму, к Богу, к духовному совершенствованию, без которого непреодолима ни одна болезнь.

«Ну что ты унываешь? — обращаюсь к плачущей женщине. — Скажи, как его зовут, давай вместе помолимся».

«Материнская молитва со дна моря достает» — это не просто слова, это многовековой опыт Церкви. Когда вижу плачущую мать, говорю ей: «Молись».

Общая молитва объединила нас всех в единое братство. Один из наших братьев, алкоголик, написал икону Богородицы «Неупиваемая Чаша», по молитвам у которой происходят многие исцеления от наркомании и винопития. На чин освящения иконы собрались все члены братства. Мы прочитали акафист, и с тех пор вот уже более четырех лет каждое воскресенье всем храмом мы поем его перед этой иконой, которая стала святыней нашей церкви. Сотни имен мы поминаем во время акафистного пения, вот уж где воистину видишь масштабы нашей народной беды. Читаю святые имена — Мария, Петр, Сергей, Георгий, Любовь, Ксения, Фотиния, Александр, Андрей, Пелагия, Наталья, Галина, Михаил, Виктор, Дмитрий, Алексей, Владимир, Марина, Илья, Виктор, Константин, Валентина, Олег, Геннадий; читаю толстую тетрадь, в которой есть все имена, имеющиеся в святцах, и верую, что все святые, предстоящие у Престола Божия, не оставят своим покровительством названных в честь них страждущих чад.

Сколько чудесных возвращений из небытия произошло по молитвам у этой иконы! Как удивляются матери, когда их дети, покинувшие дом и скитавшиеся по подвалам и притонам, возвращаются домой и просят родителей их спасти, идут в церковь, исповедуются, причащаются, обретают новую жизнь. Как бывают поражены жены, говорившие, что их мужья никогда не придут в церковь, увидев их на богослужении с просветленными лицами. Начало всему — молитва. Молимся все вместе в храме, вынимаю частички на проскомидии, молимся каждый в своем доме, молимся каждый день со слезами на коленочках, и нас становится все больше. Каждый день желательно читать акафист иконе Богородицы «Неупиваемая Чаша», Псалтирь, Евангелие, поминать болящих на утренних и вечерних молитвах, заказывать в церкви обедни и молебны об их здравии.

Меня часто спрашивают: сколько исцелилось людей? Как ответить на этот вопрос? Мы не боремся с наркоманией как с явлением, мы боремся за каждую душу, за каждого человека. Для нас нет абстрактных понятий «наркомания» и «наркоман», а есть конкретные люди, которых мы просвещаем, за которых молимся, которых мы

любим и вместе с которыми живем жизнью нашего прихода. У каждого своя особая, неповторимая жизнь. Нет особой методики или технологии излечения от наркомании и алкоголизма. Пробуждение души благодатью — всегда чудо, и это чудо совершается в Церкви по молитвам священников, близких и самих страждущих.

Все наши братья и сестры, за которых начали молиться, остались живы. Если мать молится за свое чадо, много им еще придется пережить скорбей, но Господь сохранит жизнь ребенку и не даст погибнуть. Если жена молится за мужа, не умрет муж ее, не останутся ее дети сиротами. Наркоманов и алкоголиков можно отмолить.

Сила молитвы проявляется в обычной жизни. Одна наша прихожанка по имени Пелагея рассказывала о том, что, когда она лежала в реабилитационном центре, все ее соседи-наркоманы не могли спать по ночам и как тени бродили по комнатам и коридорам. Не могла заснуть и она. Однажды вечером, достав привезенный с собой молитвослов, Пелагея прочитала молитвы на сон грядущим и вскоре заснула детским безмятежным сном. Днем соседка стала допытываться у нее, какое средство она приняла, что спала всю ночь. Вечером соседка читала вечернее правило вместе с Пелагеей, и уже двое заснули спокойным сном.

После тяжелого срыва алкоголик Александр сказал на общем чаепитии: «Не знаю, как другим, а мне хоть плачь, а молись, иначе погибну!» Как коротко и мудро сказал! Эти слова относятся не только к алкоголикам и наркоманам, а ко всем нам. «Без Бога ни до порога», — гласит народная мудрость, так что всем нам «хоть плачь, а молись, иначе погибнем».

Исцеление наркомана и алкоголика — всегда чудо. Когда слушаешь исповеди исцелившихся, сталкиваешься с реальным, конкретным явлением вмешательства Божия в жизнь человека. Молодые наркоманы после своего исцеления, проанализировав свою жизнь, сознают, что их отмолили, что обязательно был кто-то из близких, кто не потерял надежду и молился о спасении их души.

Родителям и близким страждущих можно дать совет: чем раньше вы начнете отмаливать своих детей, создавать условия обращения их к Богу, тем раньше воскреснет погибающая душа. В доме должны появиться иконы, священные предметы, чтобы блуждающий взгляд человека все время на них останавливался. Память о Боге ведет

человека к молитве, особенно когда ему очень плохо. Алкоголики и наркоманы, как и все люди, когда им плохо, кричат: «Мама!» или, если видят икону на стене: «Господи!»

Это уже молитва. Душа, истерзанная, обращается к Богу, и часто с этого начинается путь спасения. Многие, особенно алкоголики, говорят, что начали спасаться, когда достигли дна. Вроде бы человек уже погиб, а с ним происходит чудо. Он перерождается. Благодать, которая есть в Церкви, вразумляет, укрепляет, просвещает все разумные силы души, все естество человека, наполняя его радостью. У нас в Самаре, в Покровском кафедральном соборе, есть чудотворная икона Богородицы «Взыскание погибших». О чем она напоминает нам? О том, что надежда есть всегда. Нельзя человека вычеркивать из списка живых, пока он жив. Исцелившиеся наркоманы и алкоголики понимают, что их жизнь не заканчивается, а только начинается. Это подвижники. Они испытали радость православной жизни, научились достойно, со смирением переносить скорби. Это не значит, что они отрываются от мира, но они становятся Богом хранимыми.

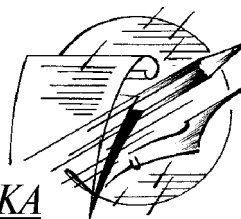
Валерий СОЛОВЕЙ,
доктор исторических наук

МЫ И ОНИ

В элите стремительно размывается социальный инстинкт — фундаментальное отличие человека от животного. То, что, собственно, делает человека человеком, превращая биологический вид в человеческую общность в подлинном смысле слова.

Слово «элита» вызывает в нашем обществе в лучшем случае иронические, а значительно чаще — негативные ассоциации. Но, прежде чем присоединиться к обширному хору критиков российской элиты или к редким, слишком редким голосам ее защитников, надо определиться, что имеет в виду, каково значение самого термина «элита».

Среди великого множества его определений наибольшей популярностью пользуется так называемое структурно-функциональное, согласно которому элиты — это небольшие группы людей, занимающих ведущее положение и принимающих ключевые решения в политической, экономической и культурной сферах жизни общества. Правда, массовое сознание, как правило, исключает «мастеров культуры» из элиты, подразумевая под последней исключительно политическую и финансовую верхушку. В чем легко убе-



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

даться, проанализировав употребление популярной русской дихотомии «мы» — «они». «Мы» — общество, «они» — политики и преуспевающие дельцы; «они» решают за «нас» и вместо «нас».

В идеале к элите предъявляются только два требования, но каких! Она должна быть эффективной и справедливой. Эффективность подразумевает успешное решение стоящих перед страной задач, справедливость — их решение в интересах большинства общества. Гармоничное сочетание эффективности и справедливости встречается столь же редко, как идеальный брак, чаще всего баланс сдвинут в одну из сторон. Но это не беда, как не беда даже почти полное отсутствие эффективности или справедливости. История свидетельствует, что общество готово долго терпеть несправедливую элиту, если она успешно преследует общенациональные цели, например добивается победы в войне и умело подавляет своих противников внутри страны. Точно так же неэффективная элита может пользоваться длительной массовой поддержкой, если ее действия считаются справедливыми. Пример неэффективного, но справедливого правления — советская элита 70-х — начала 80-х годов XX века. Однако горе той элите, которая одновременно оказывается и неэффективной, и несправедливой.

Этот небольшой теоретический экскурс позволяет на место публицистического морализаторства и бессильных инвектив в адрес российской элиты поставить ее трезвый и нелицеприятный анализ.

Вопрос первый: можно ли нашу элиту назвать эффективной? Не отдельных представителей, а в целом группу людей, принимающих важнейшие государственные решения и контролирующих их выполнение. Увы, ответ — сугубо отрицательный. Качество и эффективность государственного управления в современной России заметно ниже, чем в Советском Союзе, и, по некоторым оценкам, вряд ли выше, чем в ельцинское правление. Не преувеличение ли последнее утверждение? Но если коррупцию считать тромбом, снижающим эффективность государственной машины, то сейчас ее артерии зашлакованы значительно больше, чем десятилетие назад.

Нередко приходится слышать, что, мол, наверху принимаются правильные и замечательные решения, но ужасное бюрократическое исполнение извращает их до неузнаваемости. В качестве примера приводится администра-

тивная реформа Дмитрия Козака. Уровень подобных аргументов сродни заявлению, что сперматозоид был красавцем, а ребенок почему-то оказался уродом. Грош цена государственному мужу, который не представляет, в какой социальной и культурной среде будут реализовываться его «гениальные» планы. Здесь к месту придется парадокс знаменитой фразы: другого народа и другой России у нас для «них» нет.

Принципиальная неэффективность государственной элиты как в капле воды отразилась в явлении, которое задело всех и каждого, — в галопирующем росте продовольственных цен. Что здесь проявилось?

Во-первых, неспособность минимального предвидения. Еще в начале 2007 г. было очевидно, что в силу ряда внешних факторов цены на продовольствие пойдут в гору, но эти аналитические выкладки были проигнорированы. Во-вторых, трусость. Правда о положении дел была сквозь зубы процежена лишь тогда, когда скрывать ее уже не было никакой возможности. В-третьих, управленческая слабость и отсутствие политической воли. Государство оказалось неспособно сломить ценовой сговор крупных торговых сетей. Оно не пошло даже на то, чтобы заморозить тарифы на услуги ЖКХ и тарифы естественных монополий и тем самым сдержать инфляцию 2007 года. В-четвертых, отсутствие стратегического горизонта. Очевидно, что в складывающейся ситуации надо спешно реанимировать отечественное сельское хозяйство. Но так называемый нацпроект по сельскому хозяйству — не более чем средство не дать ему окончательно загнуться, но никак не форсированное развитие.

Современная госэлита преуспела только в двух пунктах: подавлении политических оппонентов и использовании государственных активов и государственного имущества в личных и групповых целях. Но последнее обстоятельство трудно назвать эффективным руководством страной — руководством, которое по определению предполагает приоритет общенациональных целей над личными.

Конечно, российскую финансово-промышленную элиту можно назвать сверхэффективной в части личного обогащения и агрессивной экспансии. Но в том, что касается создания нового промышленного и технологического уклада, а не эксплуатации советского наследия, она выглядит значительно менее успешной. Да и, честно говоря, подавляющему большинству нашего народа нет никакого

прока от ее успешности. Рядовому обывателю чаще всего невыгодно то, что выгодно «Норникелю» или «ЛУКОЙЛу». В этом нет ничего удивительного. По самой своей природе капиталистическое предпринимательство нацелено на максимизацию прибыли, вынося за скобки справедливость и общественные интересы.

Заставить деловую элиту делиться с обществом, идти навстречу его фундаментальным потребностям можно лишь в прямом смысле слова под дулом пистолета. Таким «пистолетом», по идее, служит государство, призванное ограничивать корыстные и групповые интересы. Но ворон ворону глаз не выклюет: родовая черта отечественной элиты (не только деловой, но и государственно-политической) — вопиющая несправедливость в отношении общества. Дело даже не в том, что российская элита отчуждена от народа культурно и социально, причем этот разрыв нарастает. Есть серьезные основания полагать, что в социальном отношении она вообще **не вполне относится к человеческому роду**.

Это не гипербола, а научная гипотеза, хотя и очень экстравагантная, которую подтверждают исследования ценностного и социокультурного профиля отечественной элиты. Согласно им в высших эшелонах элиты стремительно размывается социальный инстинкт — фундаментальное отличие человека от животного, то, что, собственно, делает человека человеком, превращая биологический вид в человеческую общность в подлинном смысле слова.

Возможность превращения человека в существо, по своему физическому облику человеческое (антропоморфное), но своим поведением отрицающее человечность, принципиально заложена в самой анатомической структуре нашего мозга, который состоит как бы из трех частей, трех слоев или, если угодно, трех мозгов: «рептильного», «животного» и собственно человеческого. Эти, условно говоря, три мозга отвечают за различные функции человеческого поведения, различные сферы человека, причем «рептильному мозгу» принадлежит ключевая роль в агрессивном поведении, в установлении социальной иерархии (в том числе через половое поведение) и контроле территории.

Так вот, «человеческий слой» нашего мозга может вообще отключаться или его влияние на поведение и мотивацию человека может значительно ослабеть с соответ-

ствующим усилением «животного мозга» и «рептильного». Это достоверно доказано медицинской наукой. А одному из крупнейших психологов конца XX в., Станиславу Грофу, неоднократно удавалось в ходе его революционных экспериментов изменить человеческое сознание, причем достоверность полученной информации была подтверждена зоологами и палеонтологами. В этом свете сравнение некоторых людей и их поведения с животными перестает быть избитым литературным приемом, а приобретает прямой, нередко зловещий смысл.

Теперь давайте представим людей, у которых «человеческий мозг» был изначально ослаблен в пользу «животного» и «рептильного мозгов». В прежнем историческом контексте их скрытые потенции подавлялись, и они вынуждены были их скрывать. Но вот открылся уникальный исторический шанс, когда «звериное» начало оказалось не недостатком, а колоссальным исходным преимуществом. Естественно, оно вылезло наружу, стало править бал и адаптировать ситуацию под себя, а не адаптироваться к ней. Говоря огрубленно, строить мир для хищников и дичи.

Внешне это, безусловно, люди, причем зачастую не лишенные внешнего лоска и даже рафинированности. Но вот по своему социальному поведению, по своей глубинной (даже не осознаваемой ими самими) мотивации **они уже перестали быть людьми**. Мог ли старик Ницше вообразить, что его призыв «преодолеть в себе человеческое» станет игрой не на повышение, а на понижение, приведет не к человекобугу, а к зверочеловеку?! Впрочем, опускаться всегда легче, чем подниматься.

Было бы заблуждением полагать, что наша элита асоциальна как таковая. Нет, она социальна — несоциальных животных не существует. С одним крошечным уточнением: присущий российской элите и тщательно пестуемый ею тип социальности по своей сути носит дочеловеческий характер, и в этом смысле он противоположен социальности человеческой.

В лучшем (подчеркиваю: в лучшем!) случае мы — «дикари», с которыми вынуждены иметь дело «цивилизаторы». **Такова культурная и социальная система ценностей современной российской элиты, в том числе составляющей руководящий государственный слой**. Качественное исследование ценностно-культурного профиля российской элиты обнаруживает системообразующую роль ценности

иерархии, задающей структуру ценностей и тип поведения. Эта ценностная иерархия суть установка на неравенство. В этом смысле базовая ценность элиты **последовательно и глубоко антагонистична** ценностям равноправия — подхода к индивидам как равным перед законом и моралью.

Как все это выглядит на деле? Лишь один пример. Приобретение в собственность земли с живущими на ней людьми, то есть фактическое восстановление крепостного права, все чаще подается как благотворное влияние на экономику. А ведь подоплеку такого социального сдвига составляет антропологическая минимизация человека — наделение его статусом недочеловека, «говорящего орудия».

Пора понять, что отношения между «ними» и «нами» не объясняются только материальным неравенством, для их объяснения явно недостаточны классические теоретические модели вроде социального отчуждения, классовой вражды и культурного разрыва. Это все присутствует, но вместе с тем есть нечто гораздо более глубокое и основательное — **антропологический разрыв**.

Социальные и культурные практические действия элиты направлены на закрепление отчуждения между нею и обществом именно на антропологическом уровне. Взять, например, интенсивные исследования в области обретения физического бессмертия (или кардинального увеличения продолжительности человеческой жизни), финансируемые двумя видными, знаковыми представителями российской элиты (фамилии не называю, но, поверьте, они не сходят с газетных страниц). Цель эта, по оценкам ряда американских исследовательских центров, вполне достижима на современном этапе научно-технического развития. Но каковы будут последствия? Они легко прочтываются: увековечивание социального господства избранных и биологический разрыв между элитой и обществом. Ведь стараются-то эти достопочтенные господа не ради блага человечества, а для себя, любимых. И нет никаких оснований полагать, что они выпустят из рук, пустят в широкий оборот подобное научное достижение. Наоборот, его будут тщательно скрывать, подобно Кошевой игле бессмертия. В этой перспективе отношения между элитой и «остальными» превратятся в отношения имеющих общий антропоморфный облик, но фактически двух различных видов живых существ наподобие уэллсовских элоев и морлоков.

Тем, кто посчитает эту зловещую перспективу авторской «страшилкой», напомню, что в человеческой истории упадок и регресс занимают ничуть не меньше места, чем прогресс и развитие. После падения античной Римской империи на Европу опустились «темные века» — одичание было чудовищным и длительным. Впрочем, не стоит уходить так далеко в историю. В 1985 году никто, ни один человек не мог представить, в какую бездну наша страна провалится спустя всего лишь какое-то десятилетие. Давайте посмотрим правде в глаза: великий Третий Рим пал, и на его руинах строится новый, поистине варварский мир.

У рассказанной мною истории нет хеппи-энда. **Российская элита становится все более несправедливой и все менее эффективной.** И без давления она не изменит свой социокультурный и антропологический вектор. Как показывает мировой опыт, радикальная самотрансформация элиты вообще возможна лишь перед лицом серьезных внешних и внутренних вызовов и угроз*.

Другими словами, чтобы измениться в нечто более справедливое и эффективное, наше правящее сословие должно быть поставлено перед выбором: бесповоротный уход или изменение. Это и ответ на вопрос, что должны делать мы, граждане России, дабы обрести лучшую участь, дать надежду нашей стране и нашим детям.

* Нынешняя российская «элита» имеет в основном инородческое происхождение, и именно этим объясняется ее «нечеловеческое» отношение к чуждому ей народу. — Ред.

Юрий ВОРОБЬЕВСКИЙ

НАД ЦАРЬГРАДОМ ПОГАСЛА ЛУНА

1

В 1451 году на оттоманский престол, умертвив для верности своих малолетних братьев, взошел двадцатилетний Мехмет II. Вскоре, заискивающе улыбаясь, с поздравлениями к нему прибыли византийские послы. Султан принял их на удивление любезно. В дружбе с православной империей он поклялся на Коране и, отпустив неверных, омыл свои руки и лицо... Политика восточного владыки оказалась столь же витиеватой, как и его подпись. Вскоре Константинополь был заблокирован: на европейский берег Босфора турки наложили зловещую пентаграмму — стремительно возвели пятиугольную крепость Румели-Хиссар. На строительство пошли и камни разрушенных православных храмов. Пролив стал полностью простреливаться артиллерией.

А потом дороги Малой Азии огласил стук копыт и ржание лошадей. К стенам Константинополя шло несметное войско султана. Цветы весенней Анатолии покрыл толстый слой пыли. От нее меркли солнце и луна. На долгие годы покроет пыль забвения название греческих городов, гробницы патриархов и императоров, сам смысл истории Царства Ромейского. Однако пыль, поднятая нашествием человеческим, рано или поздно уносится прочь...



СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Жители обедневшего Царьграда латали стены. До сих пор в их когда-то стройной кладке можно увидеть невесть откуда взявшийся фрагмент мраморной колонны — следы спешной починки. Окружали эти стены уже не прежнюю — блестящую — столицу. Численность населения уменьшилась. Со времен латинского владычества многие кварталы лежали в руинах, не был восстановлен даже главный императорский дворец. А ведь когда-то он поражал своей роскошью и величием. Чего стоил один только «трон Соломона»! С помощью скрытого механизма он мог подниматься и опускаться. Пока иностранные послы падали ниц перед василевсом, трон возносился, и император как бы парил в воздухе. А у подножия трона возлежали два позолоченных льва, которые могли бить хвостом, разевать пасть и шевелить языком, издавая при этом устрашающий рык. На позолоченных деревьях пели механические птицы, и неземная музыка двух серебряных оргáнов поражала послов окончательно...

Но не в материальной бедности близкой к краху Византии было дело. Невидимое ядро унии уже сокрушило имперскую стену.

Страшные знаки небесной оставленности были явлены Второму Риму перед его падением. Во время крестного хода — к ужасу верующих — с носилок упала Влахернская икона Божией Матери*. Подняли и поставили ее на место с трудом — она словно свинцом налилась. Тут же разразилась гроза с градом и ливень, остановившие ход. Наутро весь Константинополь окутал невиданный туман. Словно сама Царица Небесная покрыла посвященный ей Константином град белым платом. Но только для того, чтобы жители не видели Ее ухода.

А знамения продолжались. Однажды черной майской ночью усталая столица проснулась от ослепительно яркого света. Пламя исходило из сорока верхних окон святой Софии. Огонь объял церковную выю, купол, а затем, не опалив его, устремился вверх. Небеса разверзлись, и пылающий столб скрылся из виду. Все продолжалось несколько минут. Благочестивые люди тогда говорили: «Свет, озарявший Константинополь, и пламя, исходившее из

* Это Богоматерь Оранта, простирающая руки в молении, с младенцем Спасом на груди в медальоне; Богоматерь, защищающая мир своей молитвой, называемая Эпискеписис, то есть «та, которая защищает». Влахернская чудотворная икона, написанная, по преданию, евангелистом Лукой, являлась защитницей Царьграда еще во времена императора Ираклия в VII веке.

окон великой церкви, не что иное значит, как благодать Пресвятого Духа... а притом и сама милость Божия и Его к нам щедроты уже оставили нас».

Это видение, описанное в «Повести о Царьграде» Нестором Искандером, было настоящим чудом — прорывом из незримого мира благодати в видимый мир природы. Но грозным было чудо.

За полгода до случившегося многие горожане не посещали главный храм империи — после отслуженной там Исидором мессы, с поминанием папы. Тогда же верующие с ужасом заметили, что священник освящал пресный хлеб и вливал холодную воду в чашу Причастия. Хлеб квасной, имеющий соль и закваску, сообщающую ему дыхание и движение — живой, одушевленный, — был заменен опресноками! Возмущенные прихожане покинули святую Софию... И была брошена пророческая фраза: «Лучше увидеть в городе царствующей турецкую чалму, чем латинскую тиару!»

Меж тем вечером 23 мая 1453 года с башен Золотых ворот греки увидели бригантину. Она стремительно уходила от преследования неповоротливых османских парусников. И вот уже — благополучно проскользнула мимо пушек береговых крепостей турков. Что это? Авангард обещанной подмоги? Сердца защитников города радостно забились. Наступила тьма. Опустив цепь, преграждавшую вход в бухту Золотой Рог, бригантине дали пристать к берегу. Оказалось, ее послали на поиски венецианского флота и других, суливших поддержку союзников... Ни одного их корабля в Средиземном море замечено не было. Команда решила вернуться в обреченную столицу. Когда капитан закончил доклад, император заплакал. Стало ясно: ни одно христианское государство помощи не окажет.

Следующей ночью над Царьградом исчезла луна. Это было ее полное затмение. (Луна являлась знаком древнего Византия, на месте которого и был основан Константинополь). Тьма произвела на греков тягостное впечатление. Лишившись Божией помощи, они, возможно, впервые осознали свою малочисленность.

Мехмет II даже представить себе не мог, сколь слабые отряды защищали многокилометровые стены города от его почти трехсоттысячного войска. Он не мог знать о печальных результатах выполнения императорского приказа — выяснить число мужчин, готовых носить оружие. Кого же встречали посланцы василевса в обветшавших

домах столицы? Чем были озабочены мужчины? Переписчики могли наблюдать привычные картины: намочив свои черные волосы, глава семейства сушил их на солнце, дабы они приобрели благородный рыжеватый или русый оттенок. Потом эти волосы, нередко доходящие до пояса, тщательно подвивали щипцами и умащали благовониями. На какие деньги покупались эссенции и притирки? На какие средства жил практически отрезанный от мира город, вся торговля в котором уже издавна сосредоточилась в руках выходцев из итальянских городов? Трудно сказать. Ясно, что на вопрос чиновников о защите столицы свободные граждане Царьграда чаще всего отвечали: «ох-ох...». И тут же принимались за ногти.

Тот же ответ давали и те, кого переписчики заставляли за гаданием на ячменных зернах. Нередко те говорили: разве вы не знаете, что с неба упала грамота, где сказано, что сам Бог поразит нечестивых оттоманов? Когда турки проникнут в город и дойдут до колонны Юстиниана, что перед Софийским храмом, с мечом в руке сойдет ангел и враги побегут до границ Персии... Третьи и вообще не могли ответить ничего членораздельного. Напившись дешевого, с привкусом гипса, вина и не имея денег на сытную пищу, многочисленные пьяницы Константинополя бубнили что-то невнятное о том, что им будет неплохо и при турках. Алкогольная прострация лишает человека и небесной, и земной родины. Вздыхая, чиновники шли в поисках добровольцев дальше. Они знали: у василевса нет денег и для оплаты наемного войска. По городу уже давно ходила шутка, что в императорской казне ничего не найдешь, кроме Эпикуровых атомов. Последние безанты израсходованы были на отправленную в другие страны пышную процессию, призванную найти невесту императору Константину. Возглавлялось посольство сановником Францем. Многочисленная свита Франца состояла из знати и гвардейцев, из лекарей и монахов, его сопровождали хоры инструментальной и вокальной музыки. Обстановка по своей пестроте совершенно театральная. Эта дорого стоившая поездка длилась более двух лет. Посольство ехало с музыкой и тем возбуждало восторг и изумление деревенщины, особенно в Иверии, или Грузии. Кажется, с отходом от византийских униатов Духа Святого, от них вовсе отобран был разум.

Кстати, о свадьбе. Греки склонялись к тому, чтобы императрицей стала вдова турецкого султана Мурата Ма-

рия, православная христианка, родом из Сербии. Их, озабоченных продолжением императорского рода, не смущал даже пятидесятилетний возраст султанши. Велико же было разочарование царедворцев, когда замужеству Мария предпочла уход в монастырь. Ей не суждено было погибнуть рядом с императором. Промысел Божий готовил ее к другому... А сватовство окончилось ничем. Не от кого было получить и приданое. Отчаявшийся император отдал приказ чеканить монеты, переливая в золото и серебро церковную утварь.

Однако вернемся в осажденный Царьград. Что же показала «перепись героев»?

Страшный результат ее велено было сохранить в тайне. Воинов оказалось четыре тысячи девятьсот семьдесят человек. Каково же было население города? Число пленных, подсчитанных турками, уже вскоре даст ответ: более чем сто тысяч. Мужчины, от которых вскоре будут отрывать жен и детей, не готовы были защищать их мечом. А богачи, чьи сокровища через считанные дни достанутся врагу, несмотря на просьбы императора, не раскошались на оплату наемных войск... Меж тем к горстке храбрцов-ромеев присоединились две тысячи добровольцев из христианских стран. Да, вооружены они были прекрасно. Да, они отбили несколько штурмов с большим уроном для врага. Однако на смену башибузукам, на вербованным из всякого отребья (в том числе из бывших христиан), к стенам уже подтягивались отборные отряды янычар...

Мы едем вдоль берега Золотого Рога. Стены Константинополя здесь пострадали более всего. Однако даже в их остатках чувствуется былая имперская мощь. К ним, словно прося защиты от времени и стихий, прилепились похожие на временки жилища стамбульской бедноты. В начале XX века, когда Османская империя уже агонизировала, город постигло несколько землетрясений и пожаров. Сама священная земля освободилась от векового слоя пыли. На месте убогих домишек вскрывались фундаменты грандиозных базилик Византии. Во времена ее расцвета в Константинополе насчитывалось до полутысячи храмов и монастырей, в XX веке — в разной степени разрушенности — их осталось около тридцати.

Вот руины монастыря прп. Феодора Студита. Как не вспомнить его толкование знаменитого евангельского текста: «Ты — Петр, и на сем камне...», на котором веками папский престол основывает свои претензии мирового

главенства. Однако святой Феодор относил эти слова ко всем патриархам. Тем более, что еще до прибытия в Рим апостол Петр основал Антиохийскую Церковь.

...Археологам те бедствия начала XX века задали работу. Верующим напомнили: для Бога нет не только мертвых людей, но и мертвых городов, если их строили православные. Тысячи Ангелов, приставленные к алтарям древних храмов, и поныне незримо несут свой вечный дозор — по всей прикровенной империи.

Камни Византии. Кажется, это все, что осталось от православного царства. Но иногда мнится другое: империя жива. Просто она окаменела от горя.

Это удивительное ощущение. И оно нашло для нас воплощение в зримом образе. Дело было в Капподокии, где подвизались в свое время многочисленные отшельники. Едем по шоссе мимо сотен, тысяч причудливых скал. Они состоят из мягкой породы, и ветер превратил большинство из них в колоссальные «грибы». Светлая ножка такого гриба зачастую усеяна окнами скальных келий — в несколько этажей. А сверху, на немалой высоте, — массивная шляпка... Вдруг мой спутник резко обрывает свою речь на полуслове. Словно онемев от неожиданности, показывает куда-то рукой. Я перехватываю его взгляд. Машина тормозит. За нагромождением глыб вижу в отдалении фигуру из камня. Рука невольно совершает крестное знамение. Богородица! Да, это именно Она. Застыла, одетая в длинный темный хитон. Стоит в скорбной позе. Словно ушла из покрываемого ею Царьграда в каменистую пустыню. Фигура очень выразительна, хотя она, если присмотреться, явно нерукотворная. Приблизиться к ней мешают скалы. До нее довольно далеко. Но тогда — какая же она огромная! Мы фотографируем это чудо с обочины дороги. Теперь — поехали. И только тут замечаем, что сидящий за рулем турок буквально застыл в изумлении... Есть у них религиозное чувство, есть. Мы неоднократно замечали: турки словно стесняются византийских древностей. Когда речь заходит на эту тему, у них выпадает не только смутная тревога. Кажется, присутствует и основанное на древних пророчествах предчувствие.

Да, наступят времена, когда Царица Небесная вернется из пустыни забвения в царственный град.

2

Солнечным весенним днем 330 года император Флавий Валерий Константин шел по свежей траве и делал отметки

копьем. Отмечал границы будущего города. Приближенные устали. Изумлялись размерам новой столицы и спрашивали: докуда, государь, ты пойдешь? Он отвечал: до тех пор, пока не остановится идущий впереди меня.

Пока византийские императоры следовали воле Божией во всех государственных делах, империя была могущественна, ибо сохранялась самим Господом.

Когда уже было определено расположение стен и ворот города, «внезапно вышел из норы змей, пополз на то место, и вдруг сверху ниспал орел, схватил змея и полетел с ним в высоту, а змей обвился вокруг орла. Император и все люди смотрели на орла и змея. Орел, взлетев высоко, надолго исчез из глаз, но вот он пал со змеем на прежнее место, ибо одолел его змей. Люди, прибежав, убили змея и освободили орла». Спрошенные Императором мудрецы так пояснили это знамение: «То место наречется седмихолмный град и будет прославлен паче всех городов. Орел — знамение христианское, а змей — знамение басурманское, а как змей одолел орла, так басурманство одолеет христианство. А как христиане убили змея и орла освободили, так напоследок вновь христианство одолеет басурманство и будет обладать седмихолмным и в нем воцарится».

В середине XIX века русский путешественник Н.В. Берг свидетельствовал о Востоке, «верящем по-прежнему, что придет Асфар-Мелик (русый царь) и завоюет все... А Русым царем некому больше быть, кроме русского».

Да, бывали времена, когда и обнищавшие потомки ромеев, и даже русофобский Запад «великодушно» признавали права русских государей на Царьград. Греки — в том числе и потому, что помнили их византийское происхождение. «В 1562 г. Собор греческих патриархов прислал грамоту, признающую Ивана IV достойным царского титула, так как род его ведется от Анны, сестры Василия Багрянородного, вышедшей замуж за св. Владимира...»

В 1575 г. имп. Максимилиан II указывает Ивану Грозному, что в случае, если он вступит с ним в союз против турок, то «много великих княжеств и цесарства Греческого ото всхода солнца со всяким достоинством и честьями и вольностями... достанет».

Поощряемый патриархом Константинопольским Иоанником II, о готовности — ради освобождения Византии — принести в жертву войско, казну и даже собственную кровь, заявлял царь Алексей Михайлович.

О желании побороться за восстановление Царства греческого и посадить на его трон своего внука, Великого Князя Константина, писала Екатерина II. Была отчеканена даже пробная медаль за взятие Константинополя — на ней виден падающий полумесяц и очертания Софии.

Но никогда победоносные русские войска не стояли так близко от стен Царьграда, как в 1878 году. Ватикан тогда, конечно, «забыл», что это — «отчина русских царей». Папа Пий IX велел молиться о победе турецкого оружия над «схизматиками».

Вступив во Фракию, наши войска уж не имели на своем пути препятствий для продвижения к Царьграду. 30 января 1878 года во все русские посольства была разослана циркулярная телеграмма: «Совокупность этих обстоятельств обязывает нас позаботиться и с нашей стороны о средствах, оказать покровительство христианам, жизни и имуществу коих будет угрожать опасность, и для достижения этой цели иметь в виду вступление части наших войск в Константинополь».

Тогда не остался равнодушным к византийскому наследию и святитель Феофан Затворник: «Нам необходимо взять в свои руки вход в Босфор со стороны Черного моря. А то всякая дрянь (...) врывается со своими кораблями и грызет наши окраины...»

До заветного города оставалось не более 80 верст, но ввести в него войска было не суждено. Говорят, помешали международные интриги, сконцентрировавшие в себе всю ненависть и страх европейский перед Россией. В решающий момент Александр II телеграфировал Великому Князю Николаю Николаевичу, Главнокомандующему: «Прошу тебя, как брат, и повелеваю, как Государь, не входить в Константинополь».

В ответ поступила телеграмма, говорящая о милосердии к поверженному противнику: «Я употребил все усилия, чтобы действовать по твоим указаниям и предупредить разрушение турецкой империи, и если мне это не удалось, то положительно виноваты оба паши, которые не имели достаточно мужества подписать наши условия мира».

Много позже генерал П. Краснов выразительно писал: «Англия не позволила!.. Дип-пло-мат-ты вмешались!.. И Государь сдал. Перед дипломатами. С такими солдатами нам бояться Англии? О!.. какую ненависть к себе в эти дни посеяла в русских сердцах Англия... Английский

жид Биконсфильд жирным пальцем остановил полет наших орлов к Босфору и Дарданеллам...»

Современник той грандиозной войны и последовавшего за ней Берлинского конгресса Феофан Затворник восклицал: «Хоть бы шапку-невидимку и ковер-самолет достать. Вот бы погулять по англичанам. Первого Биконсфильда схватить бы за волосы, и ну таскать над Лондоном. Потом бросивши прогремел бы: всем вам будет то же за неприязнь к России».

Решить судьбу Царьграда могла и I Мировая война. В 1916 году Государь Николай II утвердил план штурма города силами Черноморского флота под командованием адмирала Колчака. Осуществиться намеченное должно было в марте 1917 года...

Не интриги папы, не масоны и не большевики помешали осуществлению этой цели... Не было воли Божией... Не суждено было русским победоносно завершить Первую мировую. Не суждено было сбыться и планам остатков Белой армии — двинуть из Галлиполи в Константинополь. Эти полки уже не являлись христолюбивым воинством — не им было замахиваться на Царьград. Кому же вселяться было в его мистическое тело взамен беса агарянского? Бесам атеизма. Национальных и политических раздоров.

Нет, Некто незримый и власть имеющий уже не шел впереди наших полков.

Иван ДРОНОВ

ЦАРСКИЙ НАСТАВНИК

(ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ)

...Пользуясь расположением и полным доверием наследника (будущего царя Александра III. — **Ред.**), князь В.П. Мещерский* прочно забрал в свои руки подготовку его к предстоящему царствованию. Цесаревич Александр уже с 1866 г. присутствовал на заседаниях Государственного совета, принимал участие в работе некоторых комитетов: Польского, Кавказского и др. Однако Мещерский считал такую деятельность малопродуктивной. Знакомиться с Россией, по его мнению, следовало не по чиновничьим бумагам и столичной бюрократической рутине, а по впечатлениям от живой действительности, увиденной собственными глазами. Поэтому он призывал наследника, во-первых, как можно больше путешествовать по российским городам и весям, а во-вторых, непосредственно общаться с разномастными людьми из провинции. Наследник, также имевший предубеждение против «бюрократического» Петербурга, охот-

* В.П. Мещерский (1839—1914), князь, писатель и публицист, общественный деятель, издатель журнал-газеты «Гражданин».



НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

но соглашался с этими мыслями, однако был слишком тяжел на подъем и выезжал из столицы нечасто.

Мещерский и здесь оказался незаменим. В 1867—1869 гг. по заданию МВД князь совершил несколько путешествий по европейской части России с целью, «избегая всякого официального вмешательства в дело, осмотреть в подробностях нынешнее состояние крестьянских учреждений и нераздельно от них крестьянского быта вообще». Сам Мещерский рассматривал свои путешествия как постижение «великой науки Отечестваведения». Он побывал в ряде губерний великорусского центра, Юго-Западного и Северо-Западного краев. Опыт и наблюдения, полученные в этих командировках, создали у Мещерского тот запас сведений, из которого он черпал материал для своих идейных конструкций в течение нескольких последующих десятилетий. И 20 лет спустя, доказывая Александру III необходимость учреждения должности земских начальников, Мещерский ссылаясь на свой тогдашний опыт: «В чем не сведущ, в то не суюсь; но в вопросах провинциального быта, без малейшего сомнения, скажу, что знаю дело это хорошо, и никто меня не собьет с толку: недаром 8 лет в молодости изъездил 18 губерний». Благодаря длительному соприкосновению с бытом провинции князь считал себя стоящим в своей общественно-политической деятельности на твердой почве русской действительности в противоположность тем «беспочвенным» и «безнародным» либералам-интеллигентам, чьи взгляды навеяны шелестом книжных страниц. Обвинение в «незнании России» было наиболее частым в его полемике с политическими противниками.

Свои мысли и впечатления от увиденного в поездках по стране Мещерский подробно описывал в корреспонденциях к цесаревичу Александру. Эти отчеты служили для того одним из основных источников информации о положении на бескрайних просторах России. Для нас же они являются важнейшим материалом для анализа настроений и взглядов Мещерского, менявшихся по мере ознакомления с положением дел в российской глубинке. В письмах Мещерского нашли свое отражение самые разные процессы пореформенной эпохи: и становление новых судебных и земских учреждений, и деятельность крестьянского самоуправления, и политика «обрусения на окраинах», и судьба дворянского сословия. Однако какой бы предмет ни рассматривал князь, его наблюдения сводились к признанию несостоятельности гражданского общества в России.

Как впоследствии утверждал сам Мещерский, в середине 1860-х гг. либеральный образ мыслей ничуть не претил ему, и реформаторский курс Александра II находил в нем самого ревностного сторонника. «В то время, испытывая поневоле действие сильно напиравших на жизнь либеральных стремлений, я иногда чувствовал себя колеблющимся и, во всяком случае, твердым хозяином своих политических убеждений, как после, далеко еще себя не чувствовал», — признавался он. Отголоски этих либеральных увлечений князя проявлялись в искреннем негодовании против «крепостников», саботирующих процесс обновления, и в горячем уповании на преобразование России посредством освободительных реформ, которые нередко звучали в его письмах. Однако открывшаяся перед его взором картина повседневной жизни, проходящей сквозь горнило преобразований страны, произвела существенную метаморфозу в круге его понятий. «Вначале, как и все, я верил в будущность земских учреждений, — вспоминал князь в 1897 г., — но рядом лет приведен к необходимости изменить свое убеждение и заменить его новым: убеждением в непригодности и бесполезности земских учреждений; как все, я верил в будущность суда присяжных, но рядом лет приведен к признанию, что это уродливое и нелепое учреждение, столь же похожее на правосудие, как обезьяна похожа на человека. Как все, я верил в патриотизм печати, но прошли года, и я радикально изменил свое убеждение, поняв, что она рынок для одних и орудие политического растления для других. Но так менять убеждения вряд ли предосудительно: наоборот, порядочный человек должен менять свои убеждения, когда жизнь ему доказывает их ошибочность...»

Этот переворот во взглядах, действительно, растянулся у Мещерского на долгие годы, но не подлежит сомнению решающее воздействие на него впечатлений от путешествий по России во второй половине 1860-х гг.

В тот период особый интерес вызывала у молодого князя и его августейшего корреспондента имперская политика на национальных окраинах. Эпоха реформ вскрыла немало нарывов, вызревавших десятилетиями под официальным глянцем николаевского царствования. Национальные противоречия вырвались наружу польским восстанием 1863—1864 гг., сепаратистским брожением в Остзейских губерниях и даже на Украине. Непосредственная угроза территориальной целостности и державному

величию страны естественно выдвигала национальный вопрос на передний план. Разрешение этого вопроса на землях бывшей Речи Посполитой, по мнению Мещерского, требовало от правительства «признать Западный край неотъемлемо своим, русским, достоянием Земли Русской» и «стать твердою ногою на почву, облитую столько раз русскою кровью и русским трудовым потом». Поэтому речь здесь должна идти «не о борьбе русского элемента с польским, но об уничтожении последнего до корня».

Из пяти основных средств «обрусения», называемых Мещерским, — «1) администрация русская, 2) крестьянское дело и мировые учреждения, 3) духовенство, 4) народное образование и 5) усиление русского землевладения», — четыре предполагали активное участие гражданского общества. Однако последнее в деле поистине государственной важности показало свою полную негодность. В письмах 1869 г. о Юго-Западном крае князь не раз с сожалением констатировал бессилие «общества», «отсутствие русской силы, нравственной, умственной, промышленной и торговой». «Самая грустная сторона киевской жизни, — писал он, — это разъединение всех составных частей его общественного житья-бытья. Так и кажется, что не будь здесь администрации и ее деятельности, все бы заснуло и замерло; а между тем Киев снабжен всеми условиями, благоприятствующими самостоятельному развитию общественной жизни, имея и Духовную Академию, и Университет, и огромный по многолюдству состав управления, и торговую деятельность, и сосредоточение Военного управления округа. Все эти отдельные части составляют отдельные друг от друга миры, не связанные между собою никакими мыслями; нет единства, нет дружной работы, нет, следовательно, опоры для русского начала, над усилением и прочным водворением коего трудится одна администрация с ее ограниченными средствами, космополитическими тенденциями и поверхностными чисто чиновничьими приемами...»

В удручающей пассивности и безучастности общества князь усматривал и главную причину «еврейского засилья», приметы которого в Юго-Западном крае на каждом шагу бросались ему в глаза. «Сколько кажется, — писал он, — сила евреев, или, по крайней мере, одна из их сил, заключается в нашем бессилии, в нашем разъединении, в отсутствии всякой солидарности между разными сословиями или слоями общества. Есть здоровые и светлые мыс-

ли, но нет инициативы и единства их осуществлять. Таковы, например, мысли о необходимости учредить ремесленные школы для облегчения крестьянам возможности не нуждаться в ремесленниках-евреях; такова мысль о необходимости усилить мелкое землевладение в крае русскими людьми, чтобы ослабить еврейскую силу арендаторов и эксплуататоров имений, такова мысль о поднятии вообще умственного уровня народа, чтобы избавить его от гнета еврейского мошенничества; но все эти мысли, — кому их осуществлять? Неужели все правительству да правительству? Вот при этой-то неподвижности самого общества, все возлагающего на правительство, трудно ожидать чего-либо существенно действительного против возрастания еврейской силы...»

Несостоятельность общества усугубляет сложность задач, стоящих перед властью. Она обязана принять на себя бремя общественной инициативы, неизбежно выходя при этом за рамки своей компетенции. Но это не должно смущать истинных государственных мужей, которых Мещерский призывал брать пример с М.Н. Муравьева. Ибо на западных окраинах «положение осадное для всякого русского элемента: поляки так и стерегут той минуты, когда правительство признает край умиротворенным, заснет и провозгласит принцип общего действия законов; ни один из поляков не положил оружия, ни одно фанатическое пламя не угасло, ни одна польская сила не ослабела: все ждет и все бодрствует. Отсюда вывод один: русская администрация в этом крае должна жертвовать законностью для русских интересов, должна зорко и ежеминутно следить за каждым движением поляка и неумолимо, удар за ударом, преследовать одну задачу: уничтожение этого элемента не силою штыка, но силою русского ума, русской воли, русской мысли, облеченные в диктаторство...»

Между тем правительство Александра II, в котором во второй половине 1860-х гг. задавали тон П.А. Валуев и шеф жандармов П.А. Шувалов, а также правительственные агенты на местах (прежде всего генерал-губернаторы Северо-Западного края А.Л. Потапов и Юго-Западного — А.М. Дондуков-Корсаков) оказались отнюдь не на высоте своей задачи. О последнем, например, Мещерский писал, что «в нем нет ни горячего русского чувства, ни чувства, без которого человек не есть гражданин своего государства — народной гордости». Валуев, по оценке князя, «был не русский, а космополитический государственный человек».

Вообще Мещерскому всюду, и в особенности на окраинах, бросался в глаза «недостаток не в уме, а в русском национальном чувстве в среде административной».

Деятельность подобных администраторов проникнута равнодушием к «русскому делу», их ум занимают лишь карьерные интересы, в жертву которым они всегда готовы принести интересы национально-государственные. «Не могу выразить, Ваше Высочество, — жаловался Мещерский цесаревичу в письме от 3 августа 1869 г., — сколько грустных дум наводит это слово «русский» в применении к государственной жизни. Оно насмешка, сарказм, шутка в мыслях наших государственных людей; а пока это будет, мы далеко не можем идти по пути распространения свободы в нашем государстве. Чем больше наблюдаешь, чем больше вникаешь, тем больше убеждаешься, увы, что ни к чему правительство так не относится враждебно и недоверчиво, как ко всему, что носит вывеску и предъявляет права русского. Немецкий вопрос, польский вопрос, вопрос печати, вопрос земства, вопрос мировых посредников, вопрос Славянства в Константинополе — везде правительство враждебно смотрит на ту сторону, где являются интересы русские, и готово им изменять, только бы не казаться твердо и открыто отстаивающим русские интересы...»

Но и в провинции Мещерский встречал «везде то же преследование всякого даже в зародыше русского начала, как только это начало не есть мертвое чиновное или, что еще хуже, предательское и изменническое». Поэтому «все как будто замирает в механизме администрации», и князю даже приходило в голову подозрение в существовании заговора с целью «довести равнодушием Россию до революции и тогда уже приняться вновь за железную опеку».

Спасти государственный организм от атрофии, оживить бюрократическую рутину в силах только прилив истиннорусских, почвенных сил, заглушаемых и попираемых петербургскими «космополитами», заполонившими правительственные учреждения. Земское самоуправление казалось Мещерскому в 1860-е гг. именно тем средством, которое откроет, наконец, простор для созидательной деятельности патриотов, даст кадры толковых и честных работников, искренно радеющих о благе своего Отечества, а не своего кармана. «Земство, — писал он наследнику 16 октября 1868 г. из Харькова, — по-моему, выше всех реформ царствования, после крестьянской; она не может сравниться ни с одною, с Петровского до нашего

времени по своему значению в настоящем и для будущего, ибо она имела счастье быть с самого начала реформой чисто русской, не смешанной ни с какими западными политическими примесями, а по тому самому сроднившейся с Россией во всех ее слоях и сферах; крестьянин так же, как и высший по образованию гражданин, одинаково доступны земству, так же как и земство доступно столь же крестьянину, сколько боярину и священнику...»

Лишь выдвижение на авансцену политической жизни России земских тружеников, выходцев из коренной России, могло, по мнению Мещерского, поколебать всевластие столичной безнациональной бюрократии. «Петербург, когда в нем жизнь человека пустила глубокие корни, — писал князь наследнику, — мешает любить и понимать Россию. Он искусственный, а не природный центр государства; оттого все проявления его так часто ложны и так часто вредны для России. Обольщение Петербурга заключается в той легкости, с которою каждый русский жизненный вопрос может, по-видимому, быть разрешен; Качалова многие у нас в министерстве и в министерстве финансов серьезно считают полусумасшедшим; не удивляйтесь этому: в этом факте выражается все гибельное различие между Петербургом и Россией и весь смысл тех затруднений, о которых я говорю. Качалов, один из многих непетербургских русских, его процесс мыслей совершенно иначе образуется, чем логика Шумахера, Рейтерна, Шувалова и т.п. Государственных людей. Логика относительно русского какого-либо вопроса у Качалова сложилась в течение 10 и более лет добросовестного труда ознакомления с народными нуждами, логика же Шувалова, Рейтерна, Тимашева и К⁰ созидает готовые представления о России не десятки лет, а в 10 минут, в ту минуту, когда им предлагают место и они отвечают: «Да»...»

По мере углубленного изучения положения на местах и накопления информации о земских делах у Мещерского нарастало разочарование в «самоуправлении». Он с огорчением замечает в деятельности земства ненавистные черты той самой бюрократии (волокита, показуха, коррупция и т.п.), могильщиком которой в сфере общественной инициативы они должны были стать. Например, из Курской губернии князь сообщал цесаревичу (20 августа 1868 г.): «Каково здесь земство, Вы будете иметь понятие по следующим фактам из жизни земства Обоянского уезда, в коем я нахожусь: земское собрание ассиг-

новано 6 тысяч рублей на народные училища; открыто 7 школ, в них учащихся 9 мальчиков и никого более. Земство ассигновало 10 тысяч рублей на народное здравие; в уезде один земский врач, ни разу не бывший ни в одной деревне и ни у одного больного и получающий 1000 р. жалованья. Сломался в деревне мост. Член Земства доносит, что нужно на исправление моста 480 рублей; пока о том производится переписка, крестьяне сами починяют мост, и ремонт этого моста им стоил 40 рублей. Земская управа, узнав об этом, приходит в ярость, ибо ей помешали взять себе 440 рубл. в карман, и жалуется на самоволие становой пристава, распорядившегося с крестьянами починить мост. Вот образцы земской жизни в Курской губернии; почти во всех уездах они одинаковы...»

Однако вину за названные и прочие беспорядки князь в то время возлагал не на сами принципы земской реформы, а на дурное исполнение замысла законодателя и еще конкретнее — на местную дворянскую элиту, не способную отрешиться от крепостнических привычек и замашек, от барского пренебрежения общественными обязанностями, от косности и инерции. «Причина этих грустных явлений, — утверждал Мещерский в том же письме, — жалкий нравственный уровень здешнего дворянства, издавна прославленного с самой дурной стороны; волосы дыбом становятся от всех тайн здешнего дворянского внутреннего мира, и не веришь всему тому, что так больно оскорбляет не столько дворянское, сколько русское ухо. Замечательно при этом, что ни одна губерния так не богата именами наших знатнейших родов, как Курская: Барятинские, Шереметевы, Юсуповы, Салтыковы и т.п., а между тем, где следы их присутствия в Курской губернии? Вот в этом-то равнодушии нашей знати к общественным местным делам и заключается объяснение, почему за отсутствием их так всемогуще здесь мелкое, грубое и необразованное дворянство, которого имя — легион! В такой среде, на такой почве может ли земское учреждение пустить свежие корни и приносить добрые плоды!..»

Свою долю ответственности за провалы в попытках наладить общественное самоуправление должны нести, по мнению Мещерского, и представители коронной администрации — «дураки-губернаторы». «За исключением Дена, один за другим перебивали здесь (в Курске. — И.Д.) губернаторы или взяточники, или крайне неспособные», — писал он.

Своими сомнениями по поводу перспектив земских учреждений Мещерский делился с цесаревичем. «Вы однажды требовали от меня сведений о земстве, — писал ему князь, — ныне в Москве собрано губернское земское собрание. Должно быть налицо 90 с чем-то членов; знаете ли, сколько явилось? Два раза явилось столько, что Гагарин (председатель Московского земского собрания. — И.Д.) должен был закрыть собрание, т.е. **менее 33-х членов!!!** Из остальных 60 **более 10 даже не прислали сказать** «имей мя отреченна» (как в притче Евангелия о приглашенных на брачный пир), а просто не явились! Вот крупная грустная черта из жизни русского земства: если в столице России два года после дарованных ему прав 2/3 лиц отрываются добровольно от своих прав, одни под влиянием равнодушия, другие потому, что приехать на земское собрание в Москву из какого-нибудь захолустья в 100 и более верст расстояния от Москвы слишком дорого стоит, то по этому можно судить, как прививается эта реформа к жизни, и вовремя ли она применена к России?.. Я готов, после всего, что видел и слышал, или по крайней мере почти готов проникнуться одним убеждением: земство как собрание — учреждение несостоятельное, но как способ, развязывающий руки одному или двум деятелям в разных уездах — благодетельное учреждение. Пока земство в своих собраниях шумит и целые часы посвящает пустым прениям, в уездных управах, прикрытые уединением и скромною безызвестностью, одно лицо дельное и добросовестное работает практически и в пределах возможного трудится для благосостояния народного...»

Классическое воплощение такого «дельного и добросовестного» работника Мещерский встретил в лице харьковского губернатора П.П. Дурново. Князь не скрывал, что жесткие авторитарные методы управления Дурново означали для подчиненных ежовые рукавицы, однако именно такие методы оказывались эффективнее, чем что бы то ни было иное в российских условиях: «Дурново — олицетворение губернатора-деспота, но умного деспота, что всегда и во всякой местности пригодно... Признаюсь, что не желал бы быть в зависимости от такого губернатора; сознавая все свое значение и всю свою силу, он, чтобы управлять, должен быть пашою, а сидеть под пашою, даже когда это паша — Бисмарк, не совсем-то уютно и привольно. Но губернаторов таких давай Бог побольше! Пока еще там, где забирается власть в одни руки, там гарантия благосостояния...»

Нельзя не почувствовать в этом «пока еще» нотки сожаления и одновременно робкого упования на то, что в будущем с развитием гражданственности в России положение изменится. Ныне же духовное ничтожество и неспособность в самостоятельности общества вынуждают власть, чтобы быть адекватной, обращаться с ним в духе восточных сатрапий. «Если сказать себе, что Петербург — Россия и что Россия в Петербурге, то, пожалуй, с грехом пополам, станешь верить гигантским шагам России на пути прогресса, — размышлял князь. — Если же посмотришь на Россию в Курске, то, увы, придется во многом разочароваться. Здешний губернатор Ден — что-то вроде Паши в своем пашалыке; а между тем не знаешь: одобрять ли такой образ действий как согласный с уровнем здешнего общества, или удивляться ему и приходить в негодование от деспотизма Его Превосходительства как несогласного с потребностями времени; не знаешь же потому, что курское общество нечто вроде населения какого-нибудь пашалыка или какой-нибудь провинции в Китае...»

Таким образом, резюме впечатлений Мещерского от российской действительности было в пользу единоличной власти. При этом князя нельзя обвинить в предвзятости, ведь он, выезжая из Петербурга, напротив, с симпатией и надеждой отзывался о земстве. Однако зрелище доморощенного self government было столь разочаровывающим, а местами и жалким, что «внук Карамзина» воочию убедился в том, что роль авторитарного управления не только в верхах, но и внизу, еще далеко не исчерпана. «Не знаю, — писал Мещерский, — будет ли то время на Руси, когда общество будет представлять собою действующую единократно единицу, но пока всякое явление хорошее следует приписывать инициативе и уменью одного лица; везде en petit et en grand* все Петр I, созидатель из народной грубой силы что-то стройное, — но увы! — созидатель на время, пока он жив, а за ним, или, вернее, после него — одно лишь воспоминание о былом в связи с тем, что не могло истребить время...»

В этом отзыве Мещерского нет ни злорадства в отношении новых учреждений, ни восхищения бюрократическим администрированием, но лишь констатирование печального факта («увы!»). По его тогдашним убеждениям, которые князь исповедывал публично, «многого пра-

* В малом и в большом (*фр.*).

вительство не может исполнить без участия общества», ибо «правительство создает учреждения, общество наполняет их жизнью». Следовательно, паралич общества опасен для судеб нации, а это не могло не тревожить любого гражданина и патриота.

Совершенно такие же впечатления вынес князь из многолетних исследований крестьянского самоуправления в пореформенной деревне. «Таким образом, — подводил он итог этим исследованиям, — привились к миру государственных крестьян единоличное учреждение волостного головы и волостного писаря. Все, что этого единоличного характера не имело, все коллегиальное и затем все благотворительные учреждения, все то, как несогласное с их уровнем, стояло между ними как бы насильственно». Однако даже эти «единоличные учреждения» в крестьянской среде подверглись быстрой деградации. Так, в письме к цесаревичу Николаю о Подольском уезде Московской губернии Мещерский рассказывал: «Во всем уезде выдвигаются из толпы старшин, или невеж, или взяточников, одна только личность — старшина грамотный и безукоризненно честный, у которого я застал волость в идеальном порядке... В других волостях старшины и писаря идут — увы! — рука об руку по избитой большой дороге взяточников-чиновников; на днях один из них удален был от должности за то, что вместе с писарем плясали в пьяном виде перед целою деревнею и собирали за это зрелище гроши! Вообще, в Московской губернии я мало нашел между крестьянами уважения к власти ими избранной: чуть ли не ежедневно волостные суды собираются, чтобы судить мужиков то за побои, причиненные старосте, то за ругательства, то за буйное неповиновение и т.п. проделки...»

В волостных судах царит «не совесть, а водка». Выборы сельских старост и волостных старшин производят своего рода отрицательный отбор. «Эти должностные лица, — писал Мещерский, — неся ответственность за исправный внос платежей по своему селу, в то же время представляют из себя самый жалкий класс париев, бедных, глупых, безнравственных, словом, никуда не годных, которых по тому самому крестьяне и избирают в эти должности. Почти везде они жалованья не получают, а идут в эту должность или по принуждению, или взамен того, чтобы не идти в Сибирь на поселение по приговору общества за порочное поведение, или потому, что общество, его избирающее, принимает на себя платить за этого старосту

все подати. Оттого, когда мировой посредник сменяет старосту в виде наказания, последний бросается ему в ноги и благодарит за такую милость, а когда, напротив, посредник назначает кого-либо в старосты, этот опять же бросается в ноги и умоляет пощадить его и уволить от этой ужасной казни». Причину подобных неурядиц князь усматривал в том, что «крестьяне больно не любят хорошего старшину в этом смысле и как только они видят, что избранный ими старшина начинает деятельно приниматься за взыскание недоимок, они очень скоро спихивают этого старшину под каким-либо законным предлогом и заменяют его слабеньким и безгласным».

Все эти факты позволили Мещерскому иронизировать над «торопливостью и необдуманностью петербургских наших реформаторов и устроителей судеб России»: «Составители крестьянских учреждений, созидая эти живые должности и весь этот мир self government, имели, вероятно, перед глазами не грубые массы народа, требующие над собою и опеки, и строго присмотра, но каких-то идиллических граждан-пастушков со всеми добродетелями жителей Аркадии и всеми совершенствами цивилизации гражданина Америки или Англии».

Условия России, как все больше убеждался князь, требуют бдительного надзора и контроля над течением общественных дел, в том числе и крестьянских, со стороны власти. В письме к наследнику из Сумского уезда Харьковской губернии (19 сентября 1868 г.), где Мещерский присутствовал на вечере у предводителя дворянства «с чинами земства, мировыми посредниками и некоторыми господами из дворян», князь суммировал свои наблюдения: «Вообще, приходишь к грустному, но тем не менее правдивому убеждению, что опека над крестьянами безусловно необходима. Я убеждение это усвоил себе еще после первой моей поездки, ибо положение государственных крестьян, благодаря этой опеке, слишком красноречиво повсеместно указывало на благотельные ее результаты. В Петербурге мое убеждение встретило почти единодушное негодование и противоречие; такая мысль, дескать, не сообразна с условиями времени, свободы, крестьянину нужна самостоятельность для развития, и т.п. В теории все это верно, но каково мое удивление, когда третьего дня на этом вечере в один голос даже люди более передовые признали это мое убеждение единственно верным; они пошли даже далее: не только нужна опека

для блага крестьян, но, по их мнению, необходимо безусловно всех крестьян поставить в такие отношения к мировым посредникам, в каких были государственные крестьяне к своим окружным начальникам, а мировых посредников следует обратить в окружных начальников со всеми атрибутами их полновластия... В Изюмском уезде я это же мнение слушал от весьма умного, но передового товарища прокурора... Этот отчасти красный товарищ прокурора говорил, что по его добросовестному, хотя и грустному убеждению, мировой посредник должен быть преобразован в чиновника от правительства с прямым подчинением губернатору; странно, что почти то же говорил Дурново в нашей беседе о крестьянах!..»

В этих рассуждениях Мещерского четко вырисовывается прообраз должности земского участкового начальника, агитации за введение которой князь отдал немало сил в царствование Александра III. Правда, в конце 1880-х гг. земский начальник представлялся князю не только агентом коронной администрации, но преимущественно уполномоченным по крестьянскому управлению от уездного дворянства.

Дворянству в письмах и публицистике Мещерского 1860-х гг. также уделяется довольно много внимания. Князь в то время отнюдь не был безусловным апологетом дворянства. Взгляды его на «благородное сословие» весьма критичны. Он, конечно, не поддерживал знаменитого призыва И.С. Аксакова к «самоуничтожению дворянства», по крайней мере, в такой категоричной форме, как у Аксакова. Однако в письмах Мещерского к цесаревичу дворянству адресованы весьма жесткие и даже жестокие укоры, совокупный смысл которых едва ли не сводится к той же самой идее. В частности, разъясняя наследнику смысл «национальной политики» в 1871 г., князь писал: «Национальная политика весьма проста. Ее основа — объединение Государя с народом, отрицание сословных прав политических, а признание сословий только как частей земства...»

Дворянство, по мнению князя, оказалось не на высоте своих задач, так как, увлекшись политическими поползновениями, оно оставило в пренебрежении свою главную миссию — руководство крестьянской реформой. Наиболее вопиющий характер это приобрело в Тверской губернии: «Здесь мировые учреждения с их представителями резко разделяются на два лагеря: лагерь консерваторов и лагерь либералов. Целые уезды составляют отдельные ла-

гери: Новоторжский, например, есть главное поприще либеральных деятелей-посредников! Это родина Бакуниных. Зато ни один уезд в России так плохо не вел дело составления уставных грамот: более половины не окончено, так что приходится отправлять туда мировых посредников из других уездов. Само собою разумеется также, что нигде так скверно не взыскиваются подати, повинности и оброки, как в Новоторжском уезде; словом, нигде дешевый либерализм не заявил себя столь торжественно несостоятельным, как в Тверской губернии...»

Во Владимире губернский предводитель граф Апраксин, по словам Мещерского, «из лагеря ультраконсерваторов и мечтателей о великом значении Дворянства как исторического сословия». А между тем, «из помещиков Владимирской губернии, которых чрезвычайно много, 9/10 не заглядывала в свои имения ни прежде, ни после мансипации; это все князья и графы, живущие в Питере, ораторы по делу земства и конституции, но никогда не видевшие, как живет у них крестьянин во Владимирской губернии, отчего во многих местностях здесь крестьянский вопрос еще далеко не разрешен, тогда как в других губерниях он уже окончен».

«Мечтателям о великом значении Дворянства как исторического сословия», столичным краснобаям, выдавшим крестьянина только на картинах передвижников, Мещерский противопоставлял поместное дворянство «в смысле людей образованных и представителей порядка», в смысле культурных и практических работников непосредственно на русской почве, являвшей собой культурную целину, — работников, возделывающих свои имения и руководящих на местах темной стихией крестьянской массы. Однако «убеждение в том, что барщина есть идеал крестьянского быта, что крепостное состояние было условием необходимым развития русской жизни и что когда-нибудь ему суждено существовать вновь под другим названием, и т.п. плантаторские мысли», князь решительно объявлял «чепухой».

Не без гневных нот в голосе Мещерский клеймил крепостнические замашки некоторых бывших душевладельцев. Так, например, 10 июля 1869 г. в письме из Екатеринослава князь писал цесаревичу: «Губернский Предводитель Струков... всегда пьян, пьян даже во время Губернских земских собраний, когда он председательствует. Это тип самодура-помещика, коего жизнь немислима без Васек, Гришек и Мишек, крепостных людей, над которыми

во дни оны упражнялась помещичья блажь, помещичьи кулаки, помещичья милость руколобызания и т.п. Ни земство, ни прогресс — ничто не переделало этого самодура... Таким уродам пора сходить со сцены долой, а не стоять во главе дворянства или земства губерний, для одного — они комическая ветошь прошедшего, для другого, то есть для земства, — тормоз и преграда всему дельному, новому и свободному...»

Другого рода безобразия, творившиеся главою дворянской корпорации, обнаружил Мещерский во Владимирской губернии: «К сожалению, — писал он наследнику 12 июня 1867 г., — здешнее дворянство и земство запятнано недавно обнаружившимся скандалом: прежний губернский предводитель дворянства и до сих пор еще председатель губернской земской управы Огарев изобличен в растрате 40 000 рублей дворянских денег! 1-го июля назначено экстраординарное собрание всего Владимирского дворянства, и грустный этот факт будет заявлен всей губернии и повлечет за собою изгнание Огарева из среды дворянства и смещение с должности председателя губернской земской управы!..»

Напротив, представители «неблагородных» сословий, по отзывам Мещерского неплохо зарекомендовал себя в работе Владимирского земства. «Здесь, по малочисленности живущих в губернии дворян, земство представляет собою весьма значительную долю участия крестьянского и купеческого сословий — есть, например уездная управа, где председатель — купец, а члены — 1 дворянин, 2 купца или 2 крестьянина, даже более того, есть уезд, где все члены земской управы — крестьяне! Спрашивается: как же идут дела; отвечают на это: очень изрядно, ибо крестьяне рассуждают здраво, а редакция и административная часть, на их счастье, в руках честного и способного писмоводителя...»

Однако такие примеры были редки. В большинстве своем недворянские элементы производят на князя разочарывающее впечатление. Даже наиболее продвинутые слои (купечество, предприниматели) являли крайне скудную среду общественных и культурных деятелей: «Увы! Вглядываясь в наши центры промышленности и торговли, каковы Иваново, Рыбинск и другие, выносишь грустное впечатление: нет в них могучей общественной жизненной силы, способной создавать и хотеть самостоятельно; все разрозненно, все пропитано узкими заботами как бы на-

жить рубль на рубль, но в то же время к всему другому все безжизненно и с какою-то болезненной апатией ищет над собою опеки и под ее игом произносит, как бы сквозь полусон вечную фразу: «виновато правительство!»..» «Какое правительство в состоянии и управлять, и с тем вместе думать и действовать за каждого из 60 миллионов в государстве!» — раздраженно восклицал Мещерский.

Поэтому дворянство при всех своих недостатках и пороках оставалось в глазах Мещерского единственной достаточно подготовленной и способной к общественной инициативе силой: «Дворянство все-таки и доселе, несмотря на все его слабости и уродливые иногда проявления, осталось тою средою, единственною доселе, откуда являются наши дельные люди в сфере общественной; оно — масса образованных людей, и людей, которых жизнь так слагалась, что позволяла держаться разумной середины в увлечениях и крайностях нынешнего времени».

В целом весьма богатые и разнообразные наблюдения Мещерского над развитием пореформенных процессов в России сложились в определенную систему взглядов. В основание этой системы легло постепенно выработавшееся у князя убеждение в том, что «общество» в России недееспособно. Внешнее раскрепощение в ходе реформ 1860-х гг. обнажило его внутреннюю несостоятельность. Поэтому администрация, как и встарь, оставалась единственным организатором и вдохновителем любого общественного движения, вне ее — застой и упадок. Залогом же эффективности администрации является принцип единоначалия. Но и администрация оказывается бессильною и впадает в бюрократический маразм, если ее не подпитывает энергия, исходящая от «сильной личности» наподобие М.Н. Муравьева. Ибо, как удостоверился Мещерский, в России по-прежнему все зависит от лиц, а не от учреждений. При этом вялость и бесплодие бюрократии есть следствие ее космополитизма, отчужденности от коренной России. Оживляющая любое дело личная энергия рождается патриотизмом, бескорыстной преданностью «русскому началу». Следовательно, ротация элит, вытеснение с ключевых ролей в управлении представителей космополитической клики ревнителями «русского начала» из провинциальной земской среды — условие успеха реформ и дальнейшего поступательного развития страны.

«Новая книга России», 2007, №9

Сергей ВЕРТЬЯНОВ,
кандидат физико-математических наук

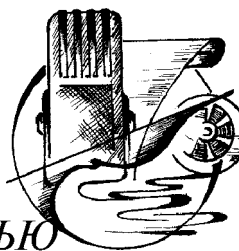
КЕМ СОЗДАН МИР?

(С Сергеем Вертьяновым, автором книги «Происхождение жизни» и учебника по биологии, содержащего критику эволюционизма, беседует Леонид Виноградов)

— Сергей Юрьевич, как вам пришла в голову беспрецедентная идея — написать альтернативный учебник по биологии?

— В строгом смысле учебник нельзя назвать альтернативным, биология — она и есть биология, фактический материал измениться не может. Но в советских учебниках, в целом неплохих, были представлены только научные данные, которые согласовывались с идеей эволюции. Мы же внесли в учебник целый пласт научных данных, которые противоречат гипотезе эволюции, утверждая альтернативную идею — сотворения мира Богом.

Лично я впервые столкнулся с темой происхождения жизни в 1982 году. Я тогда учился на втором курсе факультета молекулярной и биологической физики физтеха. Мы проходили термодинамику, и я увлекся неравновесной термодинамикой и



НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

синергетикой, то есть областями науки, изучающими проблемы самоорганизации материи — каким образом сами по себе из мертвой материи могли бы образоваться простейшие живые организмы. Прочитал много литературы и убедился, что такая возможность только декларируется, но не доказана. Более того, понял, что происхождение любого живого организма — такой сложный процесс... Поскольку я в то время был атеистом, подумал, что за этим стоят силы, о которых наука пока не знает, мистические силы. А когда после 1000-летия Крещения Руси стал приходить к вере, читать Библию, у меня возник вопрос: как же так — в Библии написано, что Бог сотворил мир, а в научных книгах, что все само появилось? Знают, где-то написано неверно. Сложно было мне, ученому, признать, что ученые ошибаются. Прочитал только что изданные труды протоиереев Стефана Ляшевского и Глеба Каледы (оба были геологами, как и мои родители) и успокоился. Они хорошо, как мне тогда показалось, обосновали, что можно согласовать эволюцию и Библию, то есть понимать эволюцию как путь творения. Но чем больше читал (а тогда появились книги зарубежных протестантских ученых, которые в советское время не издавались), тем больше узнавал фактов в пользу сотворения мира, опровергающих всякую эволюцию. Когда переехал в Дивеево, стал детально изучать проблему и понял, что от эволюции не остается камня на камне. Все там эфемерно, одни гипотезы без доказательств.

И я задумался: а может быть, Библия верна именно так, как она написана? Перечитал гору литературы и убедился, что и идея эволюции как таковая (атеистической или теистической) ничем не подтверждена. Так я пришел к убеждению, что мир сотворен без всякой эволюции. Виды не развивались, а были созданы развитыми. А дальше были только адаптационные изменения — так называемая микроэволюция (в рамках групп очень близких видов). Воспитывался я в семье геологов, поэтому еще в школе прочитал институтские учебники по геологии, и когда эволюционисты утверждают, что в геологии мы видим упорядоченность слоев, подтверждающую эволюцию, не перестаю удивляться их необразованности. Нет такой упорядоченности — стратиграфическая шкала составлена, в значительной степени исходя из предположений эволюции. А биологи говорят, что эта шкала подтверждает их идею эволюции. Как же она может не под-

тверждать, если шкалу изначально «подогнали» под эти идеи, как «единственно научные»?

— **И вы, физик, решились написать учебник по биологии?**

— Я ничего не собирался издавать, изучал проблему для себя. Но делился своими размышлениями с духовником, и он посоветовал написать брошюру для наших дивеевских школьников, чтобы они поняли бездоказательность гипотезы эволюции. Материал понравился в Троице-Сергиевой Лавре, и в результате в 2003 году вышла моя первая книга «Происхождение жизни». Сейчас она уже четвертый раз издана, на всех книгах указан мой электронный адрес, и ни разу ни один специалист не указал мне на какие-то серьезные ошибки. Может быть, потому, что у меня там все аргументировано, все факты я подтверждаю ссылками на научные статьи. Ученые и раньше знали, что есть противоречия в эволюционизме, но никто не предполагал, что против эволюции так много фактов. Это и для меня стало неожиданностью.

Когда вышла книга, мне предложили сделать учебник. Конечно, в одиночку я бы не дерзнул. Я занимался молекулярной и биологической физикой, так что знания по биологии у меня были, но все же недостаточные для того, чтобы писать учебник самому. Мне помогала наша дивеевская прихожанка, доктор биологических наук, и ряд ученых в Москве. В 2005 году вышло пробное издание для православных школ. Оно быстро разошлось и, главное, идея понравилась выдающемуся генетику академику Юрию Петровичу Алтухову. Новый, дополненный учебник мы уже создавали под его руководством, он привлек к редактированию и своих коллег на биофаке. Все говорят «учебник Вертьянова», а на самом деле его тщательно выверял целый коллектив профессоров и доцентов биофака, кандидаты и доктора, членкоры. А весь учебник выверял (дважды!) сам академик Алтухов. За несколько дней до смерти (у него была онкология, но голова работала прекрасно) он позвонил, сказал, что еще раз проверил вышедшее в свет издание, что ошибок нет. «Теперь, можно сказать, не зря и жизнь прожил», — сказал он на прощание.

В МГУ известны слова Юрия Петровича: «Если кто-то считает, что были переходные формы, пусть приходит ко мне в кабинет, обсудим, и я докажу, что никаких настоящего переходных форм не было». К выводу о невозможности появления видов друг из друга академик пришел на основе своих исследований, за которые полу-

чил Государственную премию. Позиция Алтухова — не эволюционная, Юрий Петрович полагал, что мир сотворен Богом. Более того, когда мы с ним обсуждали, сколько лет миру, Юрий Петрович сказал: «Мы не можем доказать точно, что миру 7 тысяч лет, но мы обязаны привести факты, которые работают на эту библейскую идею и в учебнике выразить ей симпатию. Над ней еще нужно работать, но мы уже сегодня можем заявить: идея, что мир создан Господом Богом 7 тысяч лет назад, сильная, и ничто ее не опровергает».

Мы в учебнике изложили идею эволюции как гипотезу, а наряду с ней привели научные факты, которые опровергают ее, говорят о творении.

— **Научные споры, гипотезы — явление естественное. Но как получилось, что спор двух естественнонаучных теорий стал спором о вере? Большевики утверждали, будто бы наука доказала, что Бога нет? Сегодня всем понятно, что это ложь, но попытки доказать бытие Бога через науку не менее странны.**

— Да, в советское время так обосновывали атеизм: ученые якобы доказали, что не Бог сотворил жизнь, но она сама постепенно развилась в результате эволюции. Мы поставили одной из своих задач объяснить, что наука ничего подобного не доказала, а научная фактура свидетельствует не об эволюции, а о творении. В отличие от математики биология не нейтральна по отношению к идее творения, она может с ней либо согласовываться, либо нет. Вот мы и проверяли, согласуется ли гипотеза эволюции с идеей творения. Есть верующие сторонники эволюции, они считают, что Бог так сотворил мир, чтобы он эволюционировал.

Теоретически допустимо — для Бога нет ничего невозможного. Но где следы эволюции? Ни в палеонтологии, ни в жизни мы не видим трансформацию одних видов в другие. Поэтому корректно утверждать, что никакой эволюции не было, Бог сотворил эти виды. И нам кажется, что эта позиция более достоверна. Для православных людей она притягательней, потому что не надо делать никаких натяжек в толковании Библии, выдумывать, что «персть возделанная» — это обезьяна. Никто из святых отцов этого не писал, все они понимали, что это тончайшая земля, пыль. А мы сегодня умнее святых отцов и понимаем, что это могла быть и обезьяна?! Второй момент — до грехопадения не было тления и смерти.

Если же была эволюция, хоть и теистическая, то жи-

вотные должны были, умирая, сменять друг друга еще до Адама. Тогда придется сказать, что святители Иоанн Златоуст, Василий Великий и другие святые отцы ошибались. Опять серьезная натяжка. И с точки зрения науки я не вижу необходимости следовать гипотезе эволюции. Будь эволюция доказанным фактом, не было бы о ней столь ожесточенных споров в науке со времен Дарвина.

— С точки зрения веры вы считаете этот спор принципиальным?

— Есть православные эволюционисты, они считают, что эволюция была, но не сама по себе, а Бог так устроил мир. Мне понятно, что если отец Роман Братчик работал в лаборатории эволюционной зоологии у известного эволюциониста Воронцова, ему ближе именно такая позиция — это связано с его научными увлечениями. Покойный отец Глеб Каледа был ученым-геологом, он привык эволюционно понимать геологию. Другие ученые, не менее сведущие (как, например, академик Алтухов), считают, что не было никакой эволюции. Говорить, что вопрос решен, рано. Но если мы говорим о вере... Не отвергая идею эволюции, можно привлечь на свою сторону людей из научного мира, только задумывающихся о Боге. Им это ближе — не надо отрицать эволюционных построений, просто надо Богу молиться. Но совместить это с библейскими истинами трудно. В кого Господь вдохнул дух? А кто была Ева, если была эволюция? Другая обезьяна из стада? Или все же она была сделана из ребра Адама, когда он спал, как написано в Библии. У мужчины на 2 ребра меньше, чем у женщины — пары не хватает. Может быть, это ребро и было вынуто?

А грехопадение? Если встать на позицию теистической эволюции, то смерть царствовала в мире еще до грехопадения Адама. Но мы же не протестанты, чтобы толковать Писание как нам хочется. Святые отцы пишут, что когда Адам согрешил, отпал от Творца, с ним и все творение рухнуло в тление и смерть. Кроме того, святые отцы считали, что нам сегодня пища нужна для восполнения физических сил. А Адам в этом не нуждался. Он мог иногда съесть животворное яблоко, но нельзя сказать, что он питался. Он был бессмертен, и его потребности в пище, сне, отдыхе восполняла благодать Божия. И звери в раю были бессмертными, абсурдно говорить о хищных зверях до грехопадения Адама. Разве сегодня львы и тигры все время козюль едят? Вовсе нет, они в тропиках могут неделями

питаться растительными продуктами. А тогда, возможно, лев раз в неделю съедал какой-нибудь кочан капусты или, быть может, вообще почти не нуждался в пище, подобно Адаму. Как видите, эволюционная гипотеза трудно совместима с верой. Отец Роман Братчик вправе верить в эволюцию, но когда он утверждает, что учебник Вертьянова безграмотный, он берет на себя ответственность утверждать, что сам разбирается в этом лучше академика Алтухова, который занимался проблемой вида и видообразования более 30 лет. Вполне ли уместна такая категоричность и смелость?

— **В этой полемике каждый может сослаться на авторитетное мнение. Вы же сами считаете, что взгляды отца Романа связаны с его работой в лаборатории Воронцова, тоже крупного ученого.**

— Извините, но это несопоставимые имена, и не только потому, что Воронцов профессор, а Алтухов академик. Просто в научном мире Алтухова уважают, несомненно, больше, чем Воронцова. В значительной степени и потому, что Воронцов продвигал, пусть и искренне веря в нее, идею эволюции, отвечающую нуждам государственного атеизма. Эволюционизм, в сущности, не биология. Алтухов исследовал гены, изучал популяции — это биология. А как можно изучать происхождение крокодилов от рыб? Воронцов занимался философией в биологии. Есть биология как базис — то, что мы исследуем реально. А есть философия в биологии, теоретизирующая, как можно все связать неким эволюционным процессом. Но в полном смысле слова это не наука. И когда наш учебник вышел, ученые не раз говорили: хорошо, что Юрий Петрович в нем поучаствовал, это многих приведет в разум.

— **Но многие ученые утверждают, что именно благодаря теории эволюции стал возможен прорыв в медицине, были найдены современные лекарства.**

— Да, лекарства проверяют на каких-нибудь мышах, и они потом эффективно помогают людям. И эволюционисты считают, что это неоспоримое доказательство эволюции. А мы говорим, что согласно Божьему плану у людей и некоторых животных близкая физиология. Потому и возможны опыты на животных при разработке лекарств для людей. Но при чем тут эволюция? Линней, когда сделал классификацию, без которой современная биология немислима, не видел там никакой эволюции. Он считал, что раскрывает Божий план. Никаких проблем. Поверьте,

если из биологии убрать теорию эволюции, ничего не случится. Попробуйте убрать цитологию, генетику, клеточную теорию — все рухнет. А без эволюции все останется по-прежнему. Просто видимое родство организмов будет называться не эволюционным, а родством по плану Творца. Господь создал комплексы организмов, менее или более сходных друг с другом. Их можно расположить, систематизировать по степени увеличения признаков, например, формы конечностей, потом сопоставить с крыльями и сказать, что так конечности превращались друг в друга от плавника рыбы до крыла птицы. А можно сказать: Богу угодно было создать организмы с вариациями конечностей — для жизни в воде, на суше и для полетов в воздухе.

— **Так все-таки конфликт между эволюционистами и креационистами научный или религиозный?**

— Я считаю, что конфликт личностный. Его бы не было, если бы люди, считающие, что мир сотворен или эволюционировал, спокойно отстаивали свои позиции. Но не получается. Мы приводим выводы ученых, что эволюция — бред, и мир создан Богом. Естественно, эволюционисты защищаются, но, к сожалению, зачастую не научно выдержанными методами. Пусть пишут статьи, учебники, обосновывающие их позицию. К сожалению, чаще спорят на эмоциональном уровне, переходят на личности. И сторонники идеи творения порой отвечают тем же. Это, конечно, неконструктивно. Большинство людей, независимо от своего мировоззрения, в биологии ничего не смыслит. Но раз уж они втянулись в эти споры, надо им объяснить, что сегодня у верующих есть две разные позиции. Одни ученые придерживаются идеи творения, отвергая эволюции атеистическую и теистическую. Другие считают, что Бог создал мир, но по Его воле он эволюционировал. Если мы принимаем идею эволюции, то не конфликтуем с научным миром, но сильно расходимся врозь с православным богословием, с мыслью святых отцов. Если же придерживаться идеи творения, отрицающей эволюцию (кроме адаптационных изменений, микроэволюции), мы остаемся в рамках чистого святоотеческого богословия, но вступаем в противоречие с большей частью научного сообщества, в значительной степени подверженного эволюционным идеям. Наша задача — предоставить людям максимально полную информацию, а выбор каждый для себя пусть сделает сам.

Владимир ЮДИН

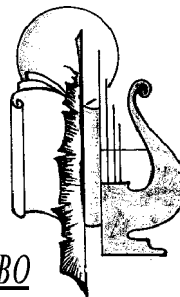
ВАДИМ КОЖИНОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Датскому философу, богослову и писателю Кьеркегору принадлежит широко известный афоризм: «Определитесь с понятиями, и вы избавите человечество от половины заблуждений».

Определимся и мы с некоторыми базовыми мировоззренческими понятиями, дабы избежать разночтения и кривотолкований обозначенной в заголовке данной статьи проблемы.

Национализм — форма национального самосознания, выражающаяся в любви к своей нации (народу, народности, этносу). Коренное отличие национализма от шовинизма и фашизма состоит в терпимом отношении к другим (не враждебным) этносам.

Русский национализм (как и национализмы других больших наций, например, французов) является одним из препятствий глобализации. Поэтому космополиты-либералы, проводники так называемых пресловутых «общечеловеческих ценностей» ведут с национализмом как идеологией и националистами как пропагандистами этой идеологии беспощадную борьбу. На самом острие этой борьбы на-



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

ходилась и Вадим Кожин, которого мы можем смело называть убежденным и просвещенным русским националистом, рассматривавшим национализм как проявление природного инстинкта сохранения нации. Утрата национального чувства, по Кожину, неизбежно приводит к деградации этноса и полному его исчезновению.

Исследования В. Кожина по литературе, истории, в области эстетики, социологии, философии и культуры пронизывает ключевая мысль: вне национального содержания, вне национального стержня невозможно сколько-нибудь глубоко, полно и объективно рассмотреть ни один вопрос, если поставлена цель познать подлинную сущность предмета или явления. Эстетика вне национального корня перестает быть эстетичной, культура вне национального определения аморфна, перестает быть культурой...

Все значительные культурные вершины были взяты тогда, когда творец опирался на классические достижения предшественников, брал на вооружение новые художественные приемы и средства, развивал их и совершенствовал. Но мастер признавался гением тогда, когда умел показать драматические изломы истории и большие социальные сдвиги, когда мог выразить национальные характеры в водвороте крупных общественных событий. Шекспир или Гёте, Достоевский или Толстой, Шолохов или Леонид Леонов стали вершинами мировой культуры благодаря глубоко национальным мотивам в своем творчестве. Высокая культура — национальна. В этом ее мировое значение. Вот почему В. Кожин подчеркивал: выявление национальной самобытности и национального видения художника — одна из важнейших задач эстетики.

Нередко национализму противопоставляют космополитизм. Но это совершенно несопоставимые явления. Еще Николай Бердяев писал: «За национальностью стоит вечная онтологическая основа и вечная цель. Космополитизм и философски и жизненно несостоятелен, он есть лишь абстракция или утопия, применение отвлеченных категорий к области, где все конкретно. Космополитизм не оправдывает своего наименования, в нем нет ничего космического, ибо космос, мир есть конкретная индивидуальность, одна из иерархических ступеней. /.../ Чувствовать себя гражданином Вселенной совсем не означает потери национального чувства и национального гражданства. /.../»

Человек входит в человечество через национальную индивидуальность как национальный человек, а не отвлечен-

ный человек, как русский, француз, немец или англичанин. /.../ Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности...»

Вот почему В. Кожина так остро заботило сохранение национального начала как подлинно научной методологии познания, как надежного ключа к постижению художественной истины и истины вообще. Примечательно, что одно из основополагающих исследований ученого называется «Судьба России».

В. Кожина остро волновала денационализация, то есть частичная или полная утрата национального самосознания личностью и обществом, будь то Россия или любая другая страна. Культура, лишенная национального содержания, по Кожину, становится отвратительным бескультурьем. Духовность без питательного национального источника становится бездуховностью. Это подтверждают сегодня наше пошлое телевидение, низкопробный, денационализированный театр, абсурдно-разрушительный кинематограф, растоптавшие классические национальные традиции горе-литература сорокиных, ерофеевых и пр.

Если бы процесс денационализации ограничивался только словесными баталиями оппонировавших друг другу идееносителей, все было бы менее трагично. Вследствие безудержной массовой денационализации осуществляется геноцид народа, распад российского государства. Нация (этнос) вырождается физически и нравственно, исчезает с мировой арены.

В. Кожин отмечал: наиболее сильной денационализации в XX веке подвергся русский народ — вначале большевиками-троцкистами под флагами «интернационализма», «мировой революции», «классовой борьбы» и борьбы с «великорусским шовинизмом», а с конца 1980-х гг. — «демократами» под флагом «вхождения в цивилизованное сообщество», борьбы с «экстремизмом» и «русским фашизмом».

Нынче мы отчетливо видим, как чуть ли не возведенная в ранг государственной политики денационализация пронизывает многие сферы духовной жизни российского общества, способствуя непрекращающемуся унижению русских. В массовое сознание внедряется абсурдный комплекс национальной неполноценности, национальной вины и т.п. Между тем еще великий русский историк С.М.

Соловьев в седьмой книге своей знаменитой «Истории России с древнейших времен» писал: «Неприятное восхваление своей национальности... не может увлечь русских...» Отнюдь не зараженный шовинизмом, но глубоко чтящий нетленную память родной истории великий Пушкин призывал соотечественников «гордиться славою своих предков», справедливо упрекал тех, кто не желает «гордиться», в «постыдном малодушии»... Не более того. Какой уж тут «экстремизм», какое национальное чванство!..

Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков» также отмечал: «Но узкая национальность не в духе русском. Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе — во имя негодующей любви к правде, истине... С какой, например, силой эта способность осуждения, самобичевания проявилась в Гоголе, Щедрина и всей этой отрицательной литературе, которая гораздо живучее, жизненней, чем положительная литература времен очаковских и покорений Крыма».

Неутолимую жажду русского человека к самобичеванию и неистовому самоосуждению Достоевский связывал с надеждой на его (русского человека) духовное исцеление. «И неужели это сознание человеком болезни не есть уже залог его выздоровления, его способности оправиться от болезни... Сила самоосуждения прежде всего — сила: она указывает на то, что в обществе есть еще силы. В осуждении зла непременно кроется любовь к добру: негодование на общественные язвы, болезни, предполагает страстную тоску о здоровье».

Самоосуждение и самобичевание русского человека, о которых с высоким пиететом высказывались и которыми искренне восхищались великие знатоки «загадочной русской души» С.М. Соловьев, Ф.М. Достоевский и др., нынче, к сожалению, в суровых исторических испытаниях разнузданной русофобии вряд ли уместны и плодотворны, ибо граничат с покорностью и смирением. Смирение же Грибоедов определил как «лучшую добродетель тяглового скота». А у скота, известно, не бывает ни побед, ни мечты о свободе...

Почему я акцентирую внимание на этом полемическом вопросе? Прежде всего потому, что В. Кожин жив и не случайно им интересовался, придавая ему исключительно важное, даже судьбоносное для России значение.

Сейчас мы живем в ситуации, когда политические силы откровенно русофобской направленности предают обструкции здоровые национально-патриотические силы, в том числе используют публичные оскорбления, угрозы и судебные преследования. С другой стороны, в русских «патриотов» нередко рядятся некие ловкие имитаторы русского национализма, политические фарисеи, оболванивающие доверчивых граждан лживыми заклинаниями в своей безоглядной «любви» к многострадальному Отечеству... Достаточно привести в качестве свежего примера новоявленных «борцов за права человека» — представителей радикально-оппозиционной коалиции «Другая Россия», проводивших в Москве и Петербурге пресловутые «марши несогласных», которые до некоторых пор пользовались полной свободой деятельности, получали материальную поддержку из-за рубежа, а носители русской национальной идеи шельмуются, цинично приравниваются к «фашистам»...

В. Кожина можно смело назвать убежденным и активным противником пресловутых либеральных ценностей. Как известно, либерализм — это идеология и политика, основанные на провозглашении свободы личности, печати, собраний, вероисповеданий и предпринимательства (свободный рынок). Казалось бы, что же в том дурного? Живи, процветай, радуйся!.. Однако Кожин превратно видел: либерализм коварно обманчив, является одним из инструментов, подрывающих государственные устои, национальные традиции, духовность и культуру.

Касаясь европейской и мировой истории, В. Кожин отмечал: либерализм как идеология широко использовался мировой закулисой в агитационно-пропагандистских целях при подготовке кровавых революций во Франции (1789, 1830, 1848, 1871 годы), в Центральной Европе (1830, 1848 годы), а также в России (1825, 1905, 1917, 1991 годы), в Китае (1989 г.) и других странах. Современные «оранжевые» и прочие цветные революции — писк политической моды — из того же ряда практического воплощения неолиберальных идей.

Внешне будто бы привлекательный, либерализм пахнет кровью, воплощенные в жизнь идеи либерализма, как показала жизнь, заканчиваются страданиями и гибелью миллионов людей. В небезызвестных «Протоколах сионских мудрецов» есть примечательная фраза: «Когда мы ввели в государственный организм яд либерализма, вся

его политическая комплекция изменилась: государства заболели смертельной болезнью — разложением крови; остается ожидать конца их агонии. Проповедуя гоим либерализм, мы в то же время держим свой народ и наших агентов в неукоснительном послушании».

Как мыслитель В. Кожин, несомненно, был пророком. Прекрасно зная историю, применяя ее законы к современности, он понимал главный ее урок: история учит предвидеть будущее. В самом деле, в настоящее время либерализм провозглашен глобалистами как высшая политическая ценность и используется ими в качестве повода для агрессии против государств, проводящих независимую политику (Сербия, Венесуэла, Иран, Северная Корея и др.). Либерализм играет роль прикрытия на современном этапе глобализации. На смену ему неизбежно (в случае победы глобалистов над народами Земли) придет всемирный тоталитарный режим (фашизм) с подавлением всяких личных прав и свобод: «...мы должны будем слово «свобода» исключить из человеческого лексикона» («Протоколы сионских мудрецов»). Нынешняя международная политика США, как главного бастиона пресловутого либерализма, всецело подтверждает эту антигуманную, агрессивную доктрину.

В ряде своих историко-публицистических трудов В. Кожин глубоко и обстоятельно анализирует мондиализм, как человеконенавистническую концепцию, разработанную на Западе. В основе мондиализма лежит вывод о том, что ресурсы Земли не в состоянии прокормить все человечество, поэтому высокий уровень жизни может быть обеспечен только «золотому миллиарду» (т.е. населению Западной Европы, Японии, США, Канады и нескольких других англоязычных стран), а все население Земли должно быть сокращено до 2 млрд. чел., в т.ч. население России до 40—50 млн.

В. Кожин убедительнейшим образом вскрыл заведомую ложность и абсурдность антигуманных и русофобских посылок мондиалистов. Именно страны «золотого миллиарда», писал он, навязали вопиюще несправедливые цены — низкие на ввозимое сырье и высокие на вывозимые товары, что, по существу, является завуалированной политикой колониального грабежа. В результате такой политики разрыв в уровне жизни населения самых богатых и самых бедных стран за последние 50 лет увеличился в несколько раз.

Концепция мондиализма разработана для оправдания

глобализации и установления «нового мирового порядка», который, если осуществится, будет похлеще «нового порядка» гитлеровских фашистов на оккупированных территориях. При этом будем твердо помнить: России место в «золотом миллиарде» не предусмотрено...

Считаю целесообразным вспомнить об отношении Кожинова к православной культуре, православному воспитанию в школах, ибо православие и национальное самосознание русского человека для него были единой сутью. Размышления и практические «наставления» ученого-патриота по этой проблеме глубоко поучительны и актуальны.

Вопрос о введении предмета православной культуры в школах России дискутируется давно и остро. Не секрет, либеральные силы выступают против его положительного решения. Достигнут компромисс: по желанию родителей этот предмет может преподаваться на факультативной основе, то есть не в обязательном порядке. Но разве допустимо внушать юным питомцам чувства христианские, вечные, добрые на некой факультативной основе? Это кощунство! Кроме того, апологеты светского образования нарушают Конституцию РФ и международное законодательство в сфере прав человека на свободное религиозное волеизъявление и воспитание.

Известно, что 86% населения России считает себя православными. Возрождение православия — это путь к спасению нашего многострадального народа, духовной соборной личности, которую хотят превратить в биомассу, в послушных бездумных роботов без рода и племени.

Уместно вспомнить, как осуществлялось религиозно-нравственное воспитание школьников в царской дореволюционной России. В отличие от цивилизованного Запада, который подчас берет за эталон общественного благоразумия и спокойствия и который, к слову, нередко сотрясали долгие межрелигиозные войны, Россия не знала межконфессиональных конфликтов. Православие — это общепризнанный факт — никогда не противопоставляло себя другим верованиям и не утесняло другие религии.

Все основные верования имели полное равенство и право на самореализацию без какой бы то ни было дискриминации. Мыслитель консервативно-традиционных убеждений и вместе с тем обладающий даром зорко глядеть в будущее, В. Кожин неустанно призывал: без органичного усвоения гуманистического опыта предтеч невозможно движение вперед.

Говоря о несомненном классическом характере научных суждений В. Кожина, справедливо подчеркивая академичность и животрепещущую актуальность его историко-философских изысканий, мы вправе развивать его фундаментальные теоретические посылы. Сам ученый никогда не рассматривал доктрины признанных мэтров догматично, как некие застывшие породы, и любой научный вопрос стремился анализировать творчески, в диалектическом развитии. Это дает нам право столь же творчески подходить к идеям самого Кожина.

Так, теоретики национального вопроса часто задаются вопросом: кто такой русский человек? Многих до недавнего времени устраивало суждение В. Кожина: русские — не по крови, а по культуре и государственной принадлежности. Но получается, что вообще исчезает русский по национальности. Пути исторического развития России нынче приобрели ломаный, извилистый характер. Сейчас везде и всюду эксплуатируют определение: русские — это просто россияне...

Полагаю, нужна корректировка кожиновского суждения, исходя из веления нашего времени. Нам нужно четко различать: есть русские по национальности, культуре и духу, а есть — только по национальности. Ведь вряд ли можно назвать русскими таких современных «героев», как Черномырдин, Горбачев, Ельцин... Ибо по культуре духовной — это не русские люди. Но есть русские только по культуре, и с этим надо считаться, не отказывать им в русскости их духа. Триада — национальность, культура, духовность определяет национально-духовное содержание личности. Согласно этой концепции истинно русскими являются и негр (А. Ганнибал), и немец (Фон-Визен), и татарин (Ак-саков), и грузин (Багратион), и еврей (Шафиров-Шапиро) и т.д. Характерно в этом смысле высказывание о себе Сталина: «Я — не грузин. Я — русский грузинского происхождения!» «Русский — тот, кто любит Россию!» — воскликнул живописец Илья Глазунов. И служит верой и правдой России — добавим мы.

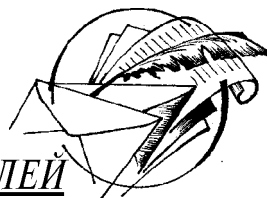
Во взглядах на национальный вопрос В. Кожин был твердым и последовательным традиционалистом-консервативом, т.е. проводником классического наследия русских «почвенников». Без воплощения в жизнь русской национальной идеи, по его просвещенному мнению, не может быть реализована идея возрождения и существования великой России.

Елена СУХОВА

НА ПЫЛЬНЫХ ТРОПИНКАХ ЛУНЫ...

Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства США утеряло единственное свидетельство пребывания американцев на ближайшей к нам планете. После потери оригиналов видео- и фотодокументов о высадке на Луну доказательства того, что Нил Армстронг, Эдвин Олдрин и их последователи там были, остается искать лишь на самом спутнике Земли.

В первые минуты новость шокирует: ну как можно потерять 700 коробок с видео- и фотоматериалами, хранившимися в архиве НАСА?! Объяснения официальных представителей агентства только запутывают дело: мол, за годы хранения пленок неоднократно менялся обслуживающий персонал, кто-то перепутал этикетки на коробках... Словом, где находится оригинал того самого армстронговского «маленького шага для человека — огромного скачка для человечества», официально неизвестно. Поверить в обычную халатность мешает по меньшей мере одно обстоятельство: американская лунная программа, успешно осуществленная в 60—70-е годы прошлого века, — главное и единственное сверхдостижение аэронавтики США и убедительнейшее подтверждение статуса сверхдержавы. Если, конечно, программа эта и в самом деле была осуществлена и речь не идет, как неоднократно



ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

заявляли некоторые исследователи, об одной из самых масштабных фальсификаций XX века.

Так или иначе, «потеря» оригиналов на фоне непрекращающихся скандалов с разоблачениями лунной программы — хороший выход из ситуации: пройдут годы, а может, и десятилетия, прежде чем какая-либо страна сможет повторить подвиг. Ведь теперь только обнаружение физических следов на «спутнице» Земли — от следов ботинок астронавтов до следов стартовых модулей спускаемых аппаратов — позволит точно ответить на вопрос: а были ли американцы на Луне?

Напомним, что с 1969 по 1972 год США, по официальной информации, отправили к спутнику Земли девять экспедиций, шесть из которых увенчались прилунением в общей сложности 12 человек. В гостях американцы чувствовали себя раскованно: проводили на лунной поверхности многие часы, катались на луномобиле, собирали мешками грунт. А потрясенное человечество не отходило от голубых экранов, следя за этим «реалити-шоу».

Так откуда же неспадающая волна сомнений? Причина отчасти связана с нежеланием властей что-либо доказывать. В октябре 2002 года НАСА предложило было своему бывшему инженеру, а ныне одному из самых авторитетных экспертов по истории космических исследований Джеймсу Обергу опровергнуть инсинуации по поводу фальсификации лунной программы, но вскоре почему-то передумало. А опровергать было что. Недоумение, к примеру, вызывало фото развевающегося флага на Луне, лишенной атмосферы. Кое-кто из экспертов предложил объяснение: флаг — это фальсификация, очень уж хотелось сделать трансляцию красочнее и патриотичнее.

Все бы ничего, если бы претензии сводились только к флагу. Но их куда больше. Часть экипажей «Аполлонов» не видела звезд, которые, к слову, отсутствуют и на фото-видеоматериалах. Астронавты не сделали ни одного свободного лунного прыжка — их скачки не превысили 45 см в высоту (средний земной параметр) и метра в длину, тогда как условия гравитации позволяли подпрыгнуть на полтора метра вверх и на три в длину. Вызывают сомнения и ненадутые скафандры. Эксперты сравнили их с теми, что надевают астронавты шаттлов, выходя в открытый космос. Реальные скафандры заметно надуваются от перепада давления. И вообще: ни один участник лунной экспедиции не жаловался потом на здоровье, хотя от вредоносного излучения их защищали скафандры на порядок тоньше, чем аналогичные современные.

Наконец, главный аргумент скептиков: США удалось добиться фантастических успехов в отсутствие современных технических возможностей, например, компьютерного управления посадкой и взлетом. По рассказам так и не полетевшего на Луну Алексея Леонова, на тренировках отрабатывалось очень важное действие — он, скосочившись, смотрит в иллюминатор, с тем чтобы в решающий момент запустить тормозные двигатели. Ошибка в полсекунды стоила бы ему жизни.

У американцев, как мы помним, не обошлись без осечек: например, в случае с «Аполлоном-13», который вместо прилунения Луну облетел. Но никто не погиб. Но в других случаях американцы долетали до Луны, садились, взлетали и возвращались на Землю. И им хватало горючего! Кстати о посадках: реактивная струя, бьющая из сопла спускаемого аппарата, должна была разметать пыль в радиусе сотни метров. При посадках советских автоматических аппаратов так и было — пыль стояла столбом еще долго, тогда как американцы бодро спускались по трапу на нетронутый грунт и оставляли на нем знаменитые следы.

И это далеко не полный список претензий: есть и «неправильно» отбрасываемые тени, и освещение в целом, ретуширование и обрезание фотографий...

У скептиков есть и своя версия того, как это делалось. По их мнению, не стоит ничего выдумывать — все описано и сказано участниками и свидетелями событий. Например, воспоминания советского космонавта Константина Феоктистова. Вот что он написал о своей поездке в НАСА: *«С аэродрома мы поехали на базу в Лэнгли, где нам показали тренажер для отработки ручного управления при прилунении... Посадочная площадка была сделана «под Луну»: на поверхности из шлака, залитой сверху бетоном, — кратеры, горки и все такое прочее. Имитировались и условия освещения солнцем места посадки... В Хьюстоне мы видели специальный тренажер для отработки причаливания. Это огромное сооружение, в котором натурный (по размерам и внешней форме) макет основного блока «Аполлона» и макет лунной кабины с двумя тренирующимися космонавтами могут совершать перемещения в пространстве... С моей точки зрения, это дорогостоящее сооружение американские специалисты сделали зря».*

Не зря — убеждены скептики. Здесь-то все и снимали, как в Голливуде. Лунной гравитации, например, достигали путем замедления в 2,5 раза скорости воспроизведения кадров видеозаписи. Билл Кейзинг, бывший начальник отдела технической информации фирмы Rocketdyne, работавшей в рамках проекта «Аполлон», утверждает, что

астронавтов перед стартом сначала загружали в корабль, а потом незаметно выводили и отправляли в штат Невада, на авиабазу, где велись съемки лунной эпопеи.

Конец спору можно было бы положить, предоставив суду экспертов оригиналы видео- и фотодокументов. Ведь то, что увидели в свое время 600 миллионов телезрителей, — это запись с записи. Обычные телекамеры снимали картинку, транслировавшуюся на специальный монитор НАСА. Но и первичное изображение не отражало всей картины: съемки записывались на скорости 10 кадров в секунду, а транслировались с частотой 60 кадров. *«То, что увидел мир, и близко по качеству не приближалось к полученному с Луны изображению»*, — заявил Джон Саркисян из обсерватории CSIRO Parkes в Новом Южном Уэльсе (Австралия) — одной из трех станций, которая принимала оригинальную съемку до того, как отправить ее в конвертированном виде в Хьюстон. Словом, если бы вместо мутной и малоразличимой в деталях картинки ученые получили четкие оригиналы, одной из сторон спорить стало бы проще.

Но вместо этого в процессе разборки архивов НАСА выяснилось, что пленки, пропутешествовав от НАСА в Национальный архив США и обратно, вроде бы нашли пристанище в Центре космических полетов Годдарда в Мэриленде. Туда же якобы отправили и оборудование, на котором их можно смотреть. Ни того, ни другого пока обнаружить не удалось.

Впрочем, даже если пленки найдут и изучат, никто не даст ответ на главный вопрос: почему после столь фантастического успеха США, да и СССР, свернули лунные программы и, более того, почему до сих пор не повторили то достижение? Нехватка средств? Но транснациональные корпорации неоднократно предлагали миллиарды на промышленное изучение Луны. Только летите. Не хотят. Или не могут? Ведь в ответ на недавнее заявление властей Китая о намерении осуществить пилотируемый полет на Луну Джордж Буш распорядился ускорить новую лунную программу. И что ответило НАСА? Нужны сотни миллиардов и около 50 лет, чтобы создать соответствующий корабль. А где же старые наработки? В ответ на недоуменные вопросы в НАСА намекают, что потерялись не только видео- и фотоматериалы, но и вся техническая документация прежней лунной программы.

Лидия АРДЫШЕВА

МОРСКИЕ СЮЖЕТЫ

РАССКАЗЫ

ХОЛОСТЯК

Женщинам Савчиков не верил. Потому, наверное, и ходил до сих пор в холостяках. Единственный на судне. Некоторые ему завидовали, некоторые сочувствовали — не везет парню. Хотя, что такое везение в подобных делах, Савчиков слабо представлял. Он вполне был удовлетворен общением с краткосрочными подружками, когда бывал на берегу: никому не обязан, поступал так, как ему нравится. Ощущалась иногда некая пустота в душе, но этот мимолетный «каприз» быстро проходил, бесследно исчезая. А уж когда бывал в гостях у друзей, то все более убеждался, что именно его жизнь устроена как нельзя лучше...

Отход в очередной рейс был назначен на собрании экипажа на шесть ноль-ноль. Очень неудобно добираться до судна, поэтому Савчиков решил, что домой не поедет, останется здесь до утра. Родители на даче, вещи все собраны, и Савчиков поднялся к старпому — тот как раз стоял на вахте.

— Данилыч, хочешь, заменю тебя, все равно остался? — в шутку предложил Савчиков.



ПРОЗА

— А ты что не поехал домой? А-а-а, понял: жинки нет. Вот, видишь, как плохо, когда тебя не ждут, — завел старпом старую песню. У него было трое детей, семейный стаж — двадцать лет.

— Ладно тебе. Почему не попросил второго штурмана тебя подменить?

— Да я уже простился дома.

— А-а-а. — Савчиков, как и все моряки, в приметы истово верил. — Ну, постою с тобой.

— Сходи к своим: все у вас там в порядке? А то, гляди, опять топливный насос полетит, в море будем возиться.

— Тьфу, — сплюнул Савчиков. — И охота тебе гадости говорить? Один-то раз и было.

Савчиков ходил стармехом всего два года. Несмотря на незначительный для этой должности возраст — тридцать два года, его уважали. И начальство, и подчиненные: нетороплив в суждениях, опытен, немногословен, с завидной реакцией и чутьем на «здоровье» двигателей.

— Ладно, поеду-ка я домой. Родители сейчас с дачи вернутся. Посидим, — внезапно принял решение Савчиков.

— То-то, — одобрил старпом.

Уже подъезжая на такси к дому, Савчиков обратил внимание на девушку, не спеша выгуливающую дворняжку на Зоологической. Что это дворняжка, Савчиков был уверен. Его поразило не это: царственная осанка ее хозяйки говорила о непомерной гордости. Савчиков попросил водителя:

— Останови, шеф. Сдачи не надо. — Провожаемый удивленным взглядом таксиста, Савчиков почти побежал за девушкой.

Путь ему преградила собачка — она наскакивала на него, заливисто лаяла, как будто чувствовала, что Савчиков навсегда теперь отнимет право собственности на ее хозяйку.

— Белка, замолчи! — Девушка и в этой ситуации не спешила, а несла себя, такую гордую, на красивых длинных ногах. «Все, пропал», — горячей молнией пронеслось по душе Савчиков.

— Извините. — Грудной низкий голос незнакомки завершил «падение» холостяка.

— Ничего, мне даже приятно, — понес он какую-то околесицу. — А сколько лет вашей милой собачке?

— Шесть, — удивленно протянула девушка. — А какое это для вас имеет значение?

— Если вы не разрешите сопровождать вас, я умру.

— Умирайте.

Савчиков упал на колени, затем картинно распростерся прямо на тротуаре: правда, предварительно положив голову на руку. На них оборачивались, какая-то сердобольная дама предложила помощь: Савчиков в своей джинсовой куртке и остроносых ботинках на осеннем тротуаре смотрелся нелепо.

— Вставайте, вставайте же! — Рука незнакомки тянулась к нему. Савчиков гордо отказался от помощи, легко вскочив на ноги.

— Вы испачкались, посмотрите!

— Вы должны теперь пригласить меня домой — как в кино!

— Меня мама не поймет, — смеясь, ответила девушка. — Меня Настей зовут.

— А я — Саша.

— Ладно, пойдемте, — неожиданно согласилась Настя. — В конце концов, вы из-за меня пострадали.

Белка шла рядом с хозяйкой и недовольно скалила зубы, встречаясь с Савчиковым взглядом. Они свернули на тропинку, зашли в подъезд, и Настя открыла дверь.

— Проходите. Мама, у нас гость!

— Какой гость? Ты же с собачкой гуляла?

— На дороге встретила — посмотри, понравится ли тебе!

Странно, но Савчиков не испытывал и тени смущения: галантно поцеловал руку Марии Степановне, извинившись за свой вид:

— Саша спас нашу Белку. — Из ванной вышла Настя и помогла Саше выйти из щекотливой ситуации. — На нее опять Рекс напал.

— Господи, неужели снова без поводка его отпустили? Сколько раз с хозяином ссорились!

В незатейливом разговоре Савчиков участвовал как бы внешним образом: он не спускал преданных и восхищенных глаз с Насти и был уверен, что судьба его предрешена. Счастливой ли она будет, либо это знакомство принесет только страдания ему, он не думал. Дремавшие в нем доселе силы теперь сконцентрировались, он ощущал себя легким и сильным. Впрочем, особым самоанализом Савчиков не занимался никогда, как и не жалел о случившемся. Принял, как дар.

— Завтра в море, рейс — полгода. — Отвечая на вопрос Марии Степановны, он встретил задумчивый взгляд Насти. — Что? Мореходку высшую окончил. Стармех.

— Мам, почему допрашиваешь, я знакома только час с Сашей.

— Эх, дочка, сама ты себя не понимаешь. Если привела в дом...

— Извините, мне домой нужно, — остановил становящийся опасным для него разговор Савчиков. — Настя, проводите меня. Пожалуйста.

— Сейчас, — неожиданно согласилась Настя. — Мама, я быстро.

— Ну-ну. Не задерживайся, дочка. Счастливого вам плавания, Саша.

— Встретимся скоро, Мария Степановна, до свидания.

У Савчикова было такое впечатление, что возьми его Настя за руку — он умрет, но уже от счастья. Он прервал молчание.

— Знаешь, — да, мы будем на «ты», — твердо чуть хрипловатым голосом ответил на смущенный взгляд девушки Савчиков. — Без лишних слов — обещай дожидаться меня!

Настя шла, чуть опустив голову.

— Прости, если обидел.

— Нет, что вы, ты, — поправилась Настя. — Просто мне страшно, и я сама себя не узнаю.

— Значит, так бывает, — уверенно взял за руку Настю Савчиков. — Не бойся. Я все сделаю, чтобы ты в жизни была счастлива. Со мной. У меня времени мало, еще заскочить нужно к родителям. Завтра в шесть утра отход. Обещай, что встретишь.

— Хорошо, — чуть слышно произнесла Настя. — Буду ждать.

— Да, а какой у тебя номер дома, телефон, — спохватился Савчиков. — Можно с моря позвонить тебе?

— Конечно. Номер дома — 83, телефон — вот. — Настя достала из крохотного кармашка вельветовой курточки визитку. — До свидания.

— Буду ждать встречи, — Савчиков скользнул губами по нежной шелковистой щеке Насти. — Не обижайся.

Настя смотрела вслед ему — Савчиков это чувствовал кожей...

Савчиков в первый раз уходил в море с такой мукой и тяжестью на душе. Он смотрел на удаляющиеся огни причала, и даже утренняя свежесть не могла охладить его и настроить на деловой лад. Вся его выстроенная с такой легкостью схема отношений с противоположным полом потерпела полный крах. Без Насти он не мыслил уже сво-

его существования, а вера в то, что такая красивая девушка его дождется, лишь чуть теплилась в душе. И эти мысли приводили Савчикова в бешенство. На плавбазе его не узнавали: всегда сдержанный, теперь он мог из-за любой ерунды броситься на собеседника чуть ли не с кулаками. А бывали минуты, когда картины возможного счастья рисовала его мятущаяся душа, и Савчиков грезил. Тем более мучителен был переход от виртуальности к прозаичному.

Несколько раз Савчиков звонил Насте. Ее уверенный голос без тени волнения не давал Савчикову никакой надежды. Он решил больше не ходить в радиорубку...

Когда был заход в порт, Савчиков напился и заперся в каюте. Любовь прошла по нему гигантским смерчем, играя и мстя за все прошлые обиды, оставив в душе выжженное поле горьких сожалений, упреков судьбе. Савчиков лежал, смотрел в иллюминатор и бормотал:

— За что?! Мне так хорошо раньше было. За что?! — Даже в полузабытьи Савчиков знал, что от этого смерча никуда ему уже не деться.

Его не тревожили до утра. На завтрак он вышел, как всегда, гладко выбритый и пахнувший дорогим одеколоном, — Савчиков знал в нем толк.

— Ну что, полегчало? — Данилыч с сочувствием глядел на Савчикова.

— Все нормально. — Савчиков поковырялся в бифштексе из тунца, выпил стакан сока и спустился в машинное отделение. Все и без него там крутилось и работало. Морской жизни еще оставалось три месяца...

На этот раз судно приходило в десять вечера. Запретив себе даже вспоминать о Насте с того «беспамятного» вечера, Савчиков готовился на берег: аккуратно сложил подарки для родителей, спокойно, сжав скулы, положил в чемодан приготовленный для Насти шикарный французский косметический набор, собрал в отдельную сумку свои вещи, белье. Спускался по трапу почти последним, за ним только Данилыч да капитан отдавали последние распоряжения вахтенным.

А на берегу была весна. Стоявшие на причале клены радовались ему курчавыми веточками еще не до конца распустившихся листьев, в нежном белом наряде красовались черемухи — уже цветут! Глядя прямо перед собой, Савчиков, не торопясь, приближался к остановке такси.

Быстрый стук каблучков заставил его оглянуться. К нему неслось мучительное счастье: Настя.

— Саша, Саша! — Догнав, Настя помедлила секунду и бросилась ему на шею.

— Настенька, Настя! — Нежность душила Савчикова и не давала говорить. Он только молча гладил лицо, волосы Насти, целовал губы, щеки, глаза и не мог поверить судьбе.

Мимо прошел Данилыч, усмехнулся, но ничего не сказал.

ЖЕНСКОЕ ХОББИ

Он был красив: широкоплеч, высок, мужественное лицо. И профессия — под стать: водил БМРТ, штурман дальнего плавания. Казалось, судьба благоволила ему. Дома ждала верная жена, молодая и прекрасная Алена. А через три месяца появился и наследник — телеграмму прислала теща. Даже имя уже было придумано — Петр. В честь рождения сына Дмитрий — как раз зашли в Лас-Пальмас — закупил несколько упаковок пива и ящик бренди. Экипаж гулял.

А наутро Дмитрий проснулся от теплого ощущения, что он не один в постели: жена приснилась. Открыл глаза. На него без всякого стеснения смотрела буфетчица Зина: все, что на ней было — это нейлоновая сорочка на тоненьких бретельках. Она давненько совершенно беззастенчиво давала ему понять, что, мол, не прочь... Дмитрий, как мог, увилывал: Алену свою обожал, предавать и в мыслях не было. Видимо, борьба страстей душевных столь явно нарисовалась на его лице, что Зинка захохотала:

— Попался, голубчик! Теперь-то, красавчик, от меня не уйдешь.

Дмитрий молча вытолкал упирающуюся женщину за дверь, запер каюту и задумался. О Зинкиных происках его предупреждали, намекали на какое-то прошлое, на какие-то преследуемые ею цели, — Дмитрий только посмеивался. Не нужны ему Зинкины услуги. Да и не нравилась она ему, хотя была соблазнительной, пухленькой, с ладненькой фигуркой. Но вот лицо ее чем-то отталкивало, хитрое какое-то, лисье. И мизинца Алениного не стоила. Гляди ты, подловила. И как с ней вести себя дальше? А если узнают на пароходе?

А вот об этом-то не стоило думать: встретившись с сочувственным взглядом вышедшего из соседней каюты начальника радиостанции, Дмитрий понял — знает.

— Пожалуйста, завтракать, Дмитрий Григорьевич, — в салоне стол накрыт.

С показной услужливостью Зина быстро обслужила штурмана: вилочки, тарелочки и все такое. Дмитрию недавно исполнилось тридцать, мудрости не хватало, иначе бы сдержался:

— Пошла отсюда!

— Не грубите, Дмитрий Григорьевич, вы ведь мой будущий муж! — И захохотала.

От подобной наглости Дима окаменел, застыл с открытым ртом. В салоне заржали. Зинка продолжала:

— Да знаю, женатый ты. И ребеночек маленький. Ничего, я тебе сама рожу — девочку. А у твоей Ленки родичей много — воспитают.

Дмитрий из салона выскочил пулей. Надо было идти на вахту, но собраться с мыслями ему еще долго не удавалось. Вглядываясь в бесконечную морскую гладь, он понемногу приходил в себя. Занялся привычным и любимым делом — определением места судна, прокладкой курса, наблюдением за обстановкой: это только несведущему в мореплавании человеку может показаться странным, что в огромном водном пространстве сталкиваются суда...

На следующее утро ситуация в салоне повторилась. Но на излишнюю услужливость Зинки Дима внимания не обращал, заговорил с соседом — радистом.

— Ну что у тебя дома, дочка пошла в садик?

— Устраивается. — Олег, как всегда, был немногословен и сдержан. — Тебе телеграмма. Все у них хорошо, завтра выписывают.

У Димы защемило сердце: как там одна будет Алена с крохой-сыном? Хорошо еще, теща пока обещала остаться помочь.

Два месяца пролетели. Вот и Балтийск в зоне видимости — скоро родной порт, родные и близкие люди. Дмитрий уже заканчивал собирать вещи, когда дверь каюты раскрылась: Зина нагло усмехалась.

— Я не шутила. Не женишься — все равно тебя разведу. Не со мной — и не с ней. Так что думай. Или гони семьдесят бонов (морская «валюта»), мне на шубку не хватает. Через неделю позвоню. Так и знай.

Дмитрий устало присел на койку. Будущее ему уже не представлялось радужным.

Встретили его теща и мама (отца своего не помнил — мать одна вытягивала сына). Теща помогала Алене.

— Как рейс? — Тесть дивился на смурной вид зятя.

— Все нормально. Шторм прихватил в Бискае.

Дома — непривычная тишина. Алена прямо в дверях кинулась ему на шею, шепнув:

— Тихо! Спит Петенька.

Родители удалились на кухню: Дмитрий поесть любил, надо стол срочно накрыть. Обняв жену, Дмитрий прошел в детскую. Раскинув крохотные ручонки, в кроватке сладко спал малыш. В ползунках и чепчике. У Дмитрия слезы показались на глазах — моряки все сентиментальны, но тщательно это скрывают.

— Спасибо тебе, любимая.

Алена нежно прильнула к широкому и надежному плечу мужа.

Ужин прошел в уюте и тепле. Петька оказался спокойным, в основном спал. Дмитрий полюбил гулять с ним: ласково про себя называя малыша сыночком, Дмитрий представлял себе, как вырастет, ножками забегает, как он возьмет сына на пароход, покажет ему рулевую рубку...

Гроза разразилась через месяц. Тихомировы купали Петьку, когда в квартире раздался звонок. К телефону подбежал Дима.

— Здравствуй, любимый. — Вмиг позабытый к тому времени сладкий голосочек Зинки опустил Дмитрия с небес на землю.

— Чего тебе?

— Забыл — гони деньги или развод будет. — Зинкин тон возмутил своей наглостью и бесцеремонностью, Алена никогда так не разговаривала с мужем.

— Пошла ты...

— Кто звонил? — спросила Алена, намыливая голову сыну. Тот кричал не переставая.

— Ладно, потом, Аля.

Поздно вечером Дмитрий намеревался поговорить с женой, объяснить ей все. Но, взглянув на похудевшее личико Алены, ее слипающиеся глаза, передумал: может, «рассосется»?

Не рассосалось. Следующий звонок был через неделю. Зина разговаривала строго:

— Ну что, надумал с женой разводиться? Ответа жду через два дня. — И бросила трубку. И вновь Дмитрий не смог себя пересилить и подойти к жене с разговором.

Беда нагрянула — отворяй ворота, говорят. Петька что-то разболелся: температура, кашель, врача вызыва-

ли. Дмитрий вызвался посидеть с Петькой, пока жена сбегает за лекарством. Вернулась она бледная, без привычного румянца: хотя на улице — минус двенадцать. В руке держала конверт и с ужасом, молча смотрела на Дмитрия. Тот все понял. Попытался объяснить, но голос не слушался, язык выговаривал какие-то несвязные слова.

— Уходи, Дима, — тихо сказала Алена. «Она не простит, — с горечью подумал Дмитрий. — Она святая».

— Выслушай, Алечка.

— Уходи, — повторила Алена.

Дмитрий ушел в очередной рейс, так и не помирившись с женой. Да и виделись они после того только один раз — Дима пришел попрощаться перед рейсом. Алена готовила обед, родители гуляли с Петькой. Он даже больше, чем жену, хотел сына увидеть. Не получилось. Разговор был коротким. Дмитрий думал, Алена на разводе будет настаивать. А она просто так произнесла:

— Если ты любишь эту женщину, давай разведемся. Я сумею сама Петьку воспитать. Захочешь — придешь с сыном поиграть.

— Аленушка, любимая, — начал, было, Дима. Алена тихо заплакала:

— Не говори ничего, прощай.

Шесть месяцев в рейсе тянулись на этот раз непривычно томительно. Забыться от своих мыслей штурман не мог даже на вахте. Твердо решил: вернется, поедет к Алене, попробует все объяснить. А пока вопросительно смотрел при встрече на начальника радиостанции — тот качал головой. Не было для Дмитрия телеграмм.

Дима даже не думал, что и как на берегу будет. Одно беспокоило — как там Петька растет без него? Решил ехать к Алене, а уже потом к матери, в Багратионовск.

Дверь на звонок распахнулась сразу, — как будто ждал его. За порогом стояла Алена, такая красивая и строгая, что у Дмитрия закружилась голова. За подол ее халатика держался — пока еще нетвердо — Петька и смотрел на вошедшего незнакомого дядю с интересом, как показалось Дмитрию. Он подхватил Петьку на руки, уткнулся в его пахнущее детством плечико. Петька тоже обхватил ручками загорелую шею отца.

— Можно войти?

— Это твой дом. — Слова Алены стали той последней каплей, на которой ломается. Дмитрий сел на чемодан

прямо в прихожей. Алена обняла голову мужа, погладила его и тихонечко прошептала:

— Я тебе верю. Я поняла — ты не виноват, ты любишь меня, и мы тебя очень любим и очень ждали. Я загадала: приедешь сразу к нам — все у нас будет хорошо.

После разрыва Алены с мужем письма от Зинки еще несколько раз приходили. Алена их не раскрывала — было противно. Того, первого, послания было достаточно, чтобы понять низменные мотивы Зинки.

...Тихомировы и по сей день живут счастливо в браке — у них уже есть внук, Димкой назвали, в честь деда. А Зинка так и не одумалась: «поиски» мужа, шантаж попавших в ее сети моряков продолжались. Поняв, что с Дмитрием получился облом — не тот случай, она не упускала случая попытать судьбу еще не раз. Из-за нее развалились две семьи, но расколотые сердца и покалеченные жизни ее не волновали. В море ходила еще лет пять. Потом в конторе стало известно о ее «штучках» (ладно бы мужика искала, а тут вымогательство, угрозы), — в работе Зинке отказали. А на берегу на нее никто внимания не обращал — слишком большая и не в ее пользу конкуренция. В конце концов Зинка была наказана судьбой: бесславно кончила, став алкоголичкой.

Василий КИЛЯКОВ

ЗАПИСКИ НЕРАВНОДУШНОГО

* * *

...И всякий раз это повторяется: в шесть тридцать утра — вниз по эскалатору на службу. А они уже внизу. Они уже сидят. Их «служба» гораздо тяжелее и требует неминуемой обязательности. Нищие. Вот у того столба метро, обложенного мрамором, — стриженный неровно, словно овечьими ножницами, мальчишка с рыжей лохматой собакой. У стены — старик, отыгрывающий на баяне «Амурские волны», и этот безрукий в тельняшке, неизменно худой и еще более худеющий с каждым днем, с надеждой глядящий снизу вверх, вымаливая подавание. У него уже есть свои клиенты, он тут завсегдатай. Старика и мальчишку гоняют, и они пропадают на несколько дней, а этот — всегда здесь. Он издали узнает своих благодетелей и начинает улыбаться. Глядя на попрошайек, я узнаю и свое подлинное лицо в этом болоте нашей жизни, и вот как. Всякий раз, увидев их, поравнявшись с ними, вспоминаю, что непременно хотел им помочь. И вчера думал, что при входе в метро отложу для них хотя бы небольшие деньги. Но вот — опять забыл, ду-



ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

мая о своем, — забыл, как забывал и раньше. А копать при них в собственном кошельке, обнадеживая этим своим копанием, явно не настолько, насколько им хотелось бы, мне кажется неудобным... Тогда я решил отложить определенную сумму и разложить ее по карманам: старику, инвалиду, мальчишке... Но с утра захлестал дождь, и я надел плащ, не вспомнив даже, что в карманах куртки — три подаяния. И вот я копаюсь в кошельке над этим инвалидом, стоящим передо мной на коленях и смотрящим мне в глаза снизу вверх. О, Боже мой, этот взгляд выше моих сил! ...И что же, отдал я купюру, которую нашел? А как же ехать с пересадками в обратную сторону, а мой обед? А оправдания: этому отдашь, а те? А эти?

Однажды через поезд, через вагон шла старуха в лохмотьях, так искренне и убедительно просящая «ради Бога», но дали мало. Почему — трудно сказать: то ли заняты были отбытием поезда, то ли устали, — не знаю... И вот она, до этого покорная, казалось, вдруг повернулась — и какие же проклятия услышали все! И пусть тут другое, но почему я вспоминаю опять и опять эти толстовские рассуждения о том, как приятно ему давать всем понемногу денег, оделяя всех собравшихся нищих в Ясной Поляне. И тотчас же укорял он себя: надо гнать это удовольствие подаяния; вот это и есть награда дающему — удовольствие. Чтобы не радоваться благодарности этого человека, не гордиться, не возноситься перед собой и другими своей щедростью. А что чувствовал я? Стыд, смешанный со щемящей тоской, потом жадность и жалость, что не приготовил сразу и дал «слишком много». Стыд, смешанный с жадностью. Одному стыдно унижаться, а другому стыдно унижать, давая. Так что же теперь, не давать? Или давать совсем уж гроши? Но и тут будет стыд и унижение.

И не узнал себя хорошего...

* * *

Они никогда не простят Сталину «пятой» графы и Биробиджана, мерзлого и неуютного, вместо сияющего голубизной морской воды — обещанного им Крыма. Они не простят холокоста немцам и тем, кто позволит себе в нем усомниться, они не простят сомнений. Да и Гитлера не простят, хотя сами дружно собирались туда, под крыло «взбесившегося», — перед тем, как его взбесило. Это к тому, что если и не они сами, то их родственники по крови сужали его, Гитлера, деньгами на вооружение немцев, направленное против них же! Они не прощают Со-

лженицыну многого в его книгах, особенно последних, итоговых, описывающих его взгляд на «двести» лет их оседлой, соседствующей жизни на русской земле с русскими, и многого из его военных замечаний, незабываемых по своей категоричности, цепкости и точности взгляда.

Они не прощают и не простят за схожие или почти те же самые мысли и замечания И. Шафаревича и В. Осипова, да и не только их... Они не простят Панарину его расшифровки «их» замысла о глобализации... Они не простят и Храмовой Горы — мусульманам, и Аль-Алякса, убеждая весь мир о неперемнной необходимости возведения нового, теперь уже третьего храма Соломона с совершением жертвоприношения по их вере...

Они не прощают мусульманского терроризма, ксенофобии, «возрождения русского фашизма» (умом не постижимое словосочетание! — В.К.) Они не прощают русским русской жизни и сложностей, которые им пришлось пережить вместе с русскими, пережить в России, прежде чем удалась эта попытка выбраться за рубеж, в основном — в Землю обетованную (более семи миллионов)... И что же? Вернулись. И продолжают возвращаться. Многие — целовали землю. Эти кадры кинохроники «Возвращения» обошли весь мир. Один авторитетный критик, актер, сценарист, режиссер — яркий представитель интересной нации, которому можно доверять и верить, всю жизнь проживший в Москве, добившийся заслуженной известности (а сколько их, подобных ему...), — сказал, вернувшись в Белокаменную, что там он — приезжий иноходец, а здесь, по связям и знакомствам, едва ли не хозяин. Иные же его соплеменники не открываются в любви к русской равнине, но открыто и прямо называют Россию «зоной свободной охоты». И мы молчим. В этих словах — горькая правда для нас, это — их откровения...

А мы простили! Простили! Простили семнадцатый год. Ягоду, Свердлова, Бронштейна. Простили девяносто первый, и девяносто третий, и «Бейтар» в Москве, и много много фамилий и «семей», которые отдыхают в Швейцарских Альпах и Куршавеле, покупая вино по пятнадцать тысяч евро за бутылку. Для французов все они — русские. И они наливают и пьют это вино, причмокивая, весело вспоминая, что пролетариям на все сто двадцать миллионов, не считая детишек — они оставили десять процентов от бывшей собственности...

* * *

Несутся «Мерседесы» по Подмосквью, по улицам маленьких подмосковных городков, искалеченных казенными казематами нуворишей среди кажущихся картонными домов простых жителей... «Эге-ге-эй! — Разой-дись!» И на ходу, вернее — на лету — из окон «Мерседесов» выбрасывают на обочину дороги большие целлофановые мешки, кули, отработавшие свое. Один, верно, опасаясь моего взгляда, или водитель — сделал хитрее: подозвал школьника, идущего домой после уроков с портфелем, пошептал ему на ухо, дал конфету и показал пальцем, куда швырнуть... Обходя брошенный мешок у столба с пасынком-опорой, перешагивая, увидел, что там выпитые бутылки вина, пустые пачки из-под дорогих сигарет и всякий мусор. Мусор и грязь неистребимы у нас, потому что их бросают на улицы даже из окон «Мерседесов».

* * *

В «откровении» святого Иоанна Богослова говорится, что сатана наложит печать на чело и руку. Без наложения этой «печати» невозможно будет физически существовать: ни купить, ни продать, ни насытиться, а главное, нельзя будет наложить крестное знамение на чело. Вот она и наложена, эта печать: на руку — деньги в виде взяток (как это и предсказано, печать принимается добровольно) и говорить то, что нужно власти, на чело: вбивать в головы людей, в мозг и душу то, что нужно власти. СМИ — апостолы дьявола.

* * *

— Лось трубил, ломал сучья, а, увидев охотника, так рванул вперед, что если бы осечка — смерть. Шерсть на спине шевелилась, — рассказывал мне шеф.

Охота платная: домик на сутки, с камином и горячей водой — пятьсот долларов... Но туда попадаешь только вечером. Весь день стоишь, не шелохнувшись, по колено в снегу, на номерах. Хорошо еще попадешь, где нет ветра, а то и не покурить ни разу...

Шеф так отдыхает. Ему нужна встряска. Он не чувствует себя отдохнувшим после рыбной ловли или театра. Казино, охота, публичные, хорошо оплачиваемые девки... Нечто среднее между воровством и убийством — вот это отдых.

Словами «чернь, плебс» привыкли обозначать бедняков. Между тем, чернь — это совсем другое. Это опре-

деление душевное. Беда сегодняшней жизни в том, что нравственные плебеи, эти верные служащие плоти, живущие для этой материи, сами являясь только лишь материей и иной жизни не ведая, эти бездуховные люди стали материально богатыми.

До революции семнадцатого года богатые были, по крайней мере, душевно образованы, при материальном богатстве была и внутренняя жизнь. У дворян — вера, воспитание. У купцов — церковь, которая хотя бы внешне сдерживала их неудержимые порывы. У этих, сегодняшних, катастрофически богатых бандитов, министров, генеральных (модное слово) директоров — есть только какое-то непонятное, плохо осознаваемое неудобство жизни. Они даже не понимают, откуда это неудобство, эта некая тоска, забыть о которой можно только с помощью сильной встряски, стресса, проигрыша или выигрыша. Или риска оказаться на рогах лося или под клыком борова-секача, или прыгнувшего из тьмы кустов на плечи волка... А они рады и тому. Душа проклевывается с болью у них, как цыпленок из яйца, а они мнят себя героями, и от этой боли и мнимого геройства — исходят пакостью.

* * *

Зимний дождь одиннадцатого января. Воробьи купаются в лужах, пьют из луж. Они стоят как бы на трех опорах: на двух лапах и хвосте. С размаху кидаются в свое отражение в луже, пьют из лужи эту хмарь зимнего недоброго утра, эти облака. Мелко трясут крылышками. И в этом глупом, нелепом, на первый взгляд, купании — отражение лица Божьего, прославление Бога. А уж плеску, чиликания! И выражается оно, это прославление, в том видимом удовольствии, с которым плещутся эти птички небесные. Благодарят Господа за жизнь дарованную.

* * *

Крещение Господне, розлив воды верующим в церкви из огромных чанов, очередь к каждому чану. И как просветлели лица людей после окропления, как тотчас они стали веселы, добры друг к другу, внимательны, и так все это от чистого сердца, и так трогательно, что, расчувствовавшись сам, стоя в очереди за крещенской водой, думал со слезами счастья на глазах, вспоминал: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь...», как это верно, как глубоко и трогательно... «И смерть да не имеет с тобой части...»

А из церкви вслед мне шел, звенел колокольный гул, догонял меня после службы, как пар из «духовной бани». Только бы сохранить, только бы не растерять это ощущение причастника. Причастника великой тайны, что совершилась в Церкви на моих глазах и при моем участии, о которой так сокровенно помнит душа, ставшая зрячей.

* * *

Рассказ воевавшего в Чечне омовца, как, раненные, после боя они сползлись вместе — по двое, по трое, помогая друг другу. И так лежали, прижавшись, подбадривая один другого. Перетягивали раны, кололи промедол. Вдруг стали каяться друг перед другом, словно почуяв смерть совсем уж близко. «Иван, ты прости меня...» — «И ты, Петро, прости...» Что человеку в этом покаянии? Какой глубочайший смысл сокрыт в этом, если каяться начал первым, по словам рассказчика... мусульманин...

* * *

Помню, в детстве бабушка Поля разделила хлеб на всю семью и, отрезая нечаянно лишний кусок, сказала:

— Вот, кто-то голодный.

И я тотчас понял, что она хотела сказать вот что: кто-то, принадлежащий к нашей крови, находясь сейчас где-то далеко от нас, голоден. И вот рука ее и сердце почувствовали этот голод как свой, и она резанула лишний кусок. И всё в этом, как я теперь понимаю, — и Фрейд с психоанализом, Юм и Юнг. Но открыто все это русскому через любовь. Любовь, которой никакие расстояния не помеха. Народ, у которого такие приметы, невозможно победить. Он сердцем видит. И такой народ не может не быть православным.

* * *

Надо же было Толстому начать «Войну и мир» с нескольких страниц на французском языке... Даже Толстой в свои 35 лет уже кривлялся той своей погоней за мнимой подлинностью и «естественностью», о которой было впоследствии сказано старцем Амвросием (Гренковым) в Оптинской одним словом: «Гордыня!».

* * *

Жук, прелестно свинцово-сизый, забежавший под мою книгу на траве и замиравший, пока я читал ее, и замиравший, пока я снова не открывал страницу... Открываю —

прячется, замирает. Он как бы делом отвечал на мои вопросы и изыскания книжные: ничего, брат, нет, кроме самой смерти. А хочешь жить — не высовывайся.

* * *

Люди не случайно так много говорят о погоде. И дело тут не только и не столько в том, что не о чем поговорить, а просто настолько не доверяем уже мы друг другу, что предпочитаем говорить только об очевидном, бесспорном — о погоде на сегодня. Тут скрыта трагедия человечества, в этих разговорах будто бы и ни о чем...

* * *

Мне рассказывал человек, долго просидевший по тюрьмам, что вот, настоящий «сиделец», даже освободившись после долгой отсидки, никогда не сядет спиной к двери на стул или кресло, а только лицом, и еще долгие годы в быту на уровне инстинкта он будет помнить опасность. Садись спиной к двери — и всегда рискуешь поймать петлю или заточку, да что угодно... В каких же дебрях нужно жить, чтобы двери всегда оставались орудием пытки?

* * *

Ресторан «Царская охота». И всё фонарики да бочки дубовые, декорации — перья разноцветные, плетни да солома. Антураж. Вместо экипажей — «лексусы» и «джипы». Выходят в длинных развевающихся пальто, прислушиваясь к писку своих гелиотропово сияющих мобильных, пятидесятилетние мальчики, плейбои, с ними — двадцатилетние, в коротких песцовых манто, девочки, и все это подается как будто счастье, за которым всю жизнь недостижимо гоняется каждый человек. Но какая же нищета и упадок духа, скрытая злоба, равнодушие царствуют здесь. Как они развращены и унижены. И эта публика, и только такая публика имеет эту страсть — ходить по казино и ресторанам, наслаждаться тем, как перед ними унижаются за деньги, и даже сами не упускают случая унижить официанта, метрдотеля, охранника-швейцара при дверях... Все это для того, чтобы компенсировать свою ущербность в собственных глазах, забыть свои унижения, через которые пришлось пройти для-ради денег, утвердить себя в мысли, что и все вокруг точно такие же, как они, или даже худшие мерзавцы. Это унижение других —

путь их самооправдания. Это образ их жизни: «Если я тебе плачу, я могу делать с тобой все, что заблагорассудится...» Страшное, униженное общество, оно занимает совершенно иное положение по отношению к прошлому великой России. Это ужасает. И как неуютно в этом блеске, тяжело среди этих людей, сусального золота, огней и зеркал.

* * *

«Материнские сертификаты», принятые правительством, грешны, вредны и опасны. Грешны они тем, что остальные семьи, уже многодетные к 2000 году, тотчас становятся уже заведомо в проигрышную ситуацию: им приходится кормить и учить своих детей как пасынков от государства, которым ничего не только не положено, но даже и не обещано.

Слушал «Радонеж» — единственную программу, которую еще можно слушать. Там доктор наук Медведева сообщила, что в Самаре 27 семей имеют от 4 и более детей. Им были подарены 9 микроавтобусов от мэрии города. Все семьи не русских людей.

Примерно того же хотят добиться и добьются «Материнскими сертификатами». Это всего-навсего какой-то этап, «фаза» вживления одной нации в другую на пути к всеобщей глобализации...

Сегодня ясно, и в этом нет даже предмета спора, что Родину свою любить в состоянии те из людей, что были любимы родителями. Более того — более 90% самых отъявленных маньяков — или из сиротских домов, или неполных семей, но так или иначе — были жестоко избиваемы, унижаемы в детстве. Смердяков Достоевского точен, архитипичен. Иваны не помнящие родства виновны отворачиванием к родным пенатам не сами по себе. Их принудили не любить Родину. Вот и сейчас в России странная пора, создают искусственно такие условия для русских семей, чтобы ускорить разводы, «ампутируют» детей от родителей. С помощью «гильотины» — глянцевого журналов, «гламура» пустоты, где голый на голом, во весь разворот, и на этих голых часы последней стильной марки и т.п. А телевизор. А Интернет, который наспигован уже таким объемом всякой дряни, что отсекает корневые системы русской истории, нации, культуры. Тот перформанс, который вносили Л. Парфенов, особенно в цикле о «Русских

царях», или Эдвард Радзинский — стыдно смотреть. Там столько же правды, как в «документалистике» Попцова о Ельцине. Это — какая-то сарафанная история, но вовсе не России. И кто только не лез изменить сознание нашей молодежи, поменять векторы, особенно — истории: и Сорос с его грантами, и «математик» Фоменко, и Резун-Суворов. От молодежи, насильственно запутывая ее, насильно отсекают корневые системы русской истории, нации, культуры. И тем легче, незаметнее эта «ампутация», чем больше неполных семей, чем больше сирот. Этим новым Иванам, родства уже не помнящим, — что Сталлоне, что Бетман, что Илья Муромец — все едино...

Как-то нечаянно мне в руки попала в пору работы моей в кадрах по безопасности на частном предприятии картотека молодежи. Сначала удивила «безопасность» — две трети не служили в армии по здоровью или семейным обстоятельствам... И все получили допуск на оружие. Дальше — больше: все менеджеры, супервайзеры, мерченайзеры и проч., (по-русски — приказчики, охранники среднего звена, секретари и секретарши — все молодые, словом) выросли при мачехах или при отчимах. Из неполных семей. Я был так потрясен, что решил побеседовать с ними. Они словно не учились в школе. Они не знают ни истории, ни литературы.

Любимый фильм «Перл Харбор»... И до сих пор я сохраняю твердое убеждение, что неполная семья в России — тоже пункт в «общемировых планах» по глобализации и единому правительству. Сегодня мы имеем то, что имеем уже прочно и навсегда.

Подлинная трагедия жизни России — это даже не трагедия отъема льгот и привилегий, даже не растаскивание по нормам государственной собственности «новыми русскими», вовсе даже не ими созданной и отвоеванной, подлинная трагедия — это трагедия множества абортотворцев и разводов.

Владимир ДЕСЯТНИКОВ

ДНЕВНИК РУССКОГО

1984

22 июля

Есть люди особого рода. Имя им — подвижники. Они скромно свершают свой подвиг длиной в жизнь. Иногда их знают только специалисты. Широкому кругу соотечественников до поры до времени они неизвестны. Но пробивает урочный час, имя подвижника воскресает из небытия как знамя. Его жизнь и деяния во славу Отечества являют собой пример для подражания, особенно для подрастающего поколения.

В давнюю мою бытность сотрудником Министерства культуры СССР случай свел меня с архитектором-реставратором П.Д. Барановским. Ему тогда исполнилось семьдесят лет, и реставрационная мастерская, где он работал, представила его к присвоению почетного звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Петр Дмитриевич принес в министерство автобиографию, фотокарточку, листок по учету кадров и список творческих трудов. Старший инспектор отдела кадров, подполковник в отставке, полистал документы Барановского и безапелляционно заявил:

— Какое вам может быть звание? Вы всю жизнь церкви реставрировали.

Барановский вскипел и забрал документы.

Продолжать разговор было бессмыс-



ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ленно. Петр Дмитриевич положил бумаги в потертый портфель с ручкой, оплетенной синей изоляционной лентой, и вышел. Мне было стыдно за моего коллегу, но служебная этика не позволяла вступать в разговор. Я вышел из кабинета и побежал в гардероб. Петр Дмитриевич неспешно надевал свой темно-серый демисезон, в котором он выглядел скорее мастеровым, но никак не профессором, выдающимся ученым. Извинившись, я попросил его отдать мне принесенные документы. Расчет мой был простой. Бывший подполковник частенько прихварывал. Я надеялся в его отсутствие заготовить необходимые бумаги и подписать у начальства. В то время я учился в МГУ и знал, что П.Д. Барановский приступил к реставрации Крутицкого подворья в Москве. Знал я и другое — что человек он прямой и у него много недоброжелателей. Звание ему нужно было не корысти ради, а как щит от несведущих людей, а то и заведомых врагов.

Звание Петру Дмитриевичу все-таки присвоили. Последние двадцать лет жизни он охотно ставил свою подпись в защиту памятников Отечества на прошениях, где нужен был высокий ранг челоуитчиков. Что касается личной выгоды, то Барановский никогда ее не искал. Его девизом были слова Гоголя: «Призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований. На битву мы сюда призваны».

Несмотря на огромную разницу в возрасте, мы подружались с Петром Дмитриевичем, и я стал бывать у него дома. Он жил с женой — Марией Юрьевной в маленькой коммунальной квартире в бывших больничных палатах Новодевичьего монастыря. Мария Юрьевна относилась ко мне тепло, по-матерински. Она была известным ученым, специалистом по декабристам и крупнейшим знатоком московских некрополей. На ее долю пришелся нелегкий и скорбный труд быть секретарем комиссии по эксгумации и переносу могил Н.В. Гоголя, Н.М. Языкова, А.С. Хомякова, С.Т. и К.С. Аксаковых, Д.В. Веневитинова и многих других. Это она тогда записала, что корень березы, посаженной над могилой Веневитинова в Симоновом монастыре, пророс через сердце поэта. Его был передан в Литературный музей перстень с руки Веневитинова. Найденный при раскопках Геркуланума, этот античный перстень был подарен поэту Зинаидой Волконской. Принимая подарок, Веневитинов сказал, что наденет перстень только, когда будет жениться или когда будет умирать. Овеянный легендой, перстень поэта экспонируется сейчас в Литературном музее, что в Нарышкинских палатах на Петровке.

П.Д. и М.Ю. Барановские были моими духовными наставниками. Однако это наставничество не носило харак-

тер «послушания», хотя мои «духовники» и жили на территории монастыря. В тихой «келье» Барановского мне чаще приходилось слышать не «акафисты», а «анафемы». Нередко я узнавал здесь такие факты из нашей недавней истории, что доверять памяти не решался и, придя домой, подробно записывал содержание бесед. С годами составила целая книга, в которую вошли беседы с Барановским.

Вспоминаю литературные «среды» у П.Д. Барановского. Хозяин любил и читал по памяти большие отрывки из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова Кирилла Туровского в новую неделю после Пасхи», «Моления Даниила Заточника». Книгой книг для Петра Дмитриевича было «Слово о полку Игореве», которое он знал наизусть. Для меня чтение Петром Дмитриевичем «Слова» каждый раз было откровением.

— «Великий княже Всеволоде!.. Ты бо можешши Волгу веслы раскропяти, а Донъ шеломы выльяти... Ты бо можешши посуху живыми шерешеры стреляти, удалыми сыны Гльбовы».

Петр Дмитриевич прервал чтение «Слова» и спросил меня:

— «Что такое «шерешеры»?»

Я ответил, что академик Д.С. Лихачев в своих примечаниях к «Слову» точного определения «шерешер» не дает. Он предполагает, что «шерешеры» происходят от греческого слова, означающего копье.

— Шерешеры... Вот держите. — И Петр Дмитриевич протянул мне маленький, размером в детский кулак, глиняный горшочек с узким и коротким горлышком. По словам Барановского, в горшочек заливали специальную горючую смесь и затыкали паклей. Затем, вставив стрелу в горлышко, зажигали паклю и стреляли из лука в стан врага.

— Так это же знаменитый «греческий огонь», которым греки сжигали корабли противников.

— «Греческий огонь», но применяемый «посуху», как сказано в «Слове». — И Петр Дмитриевич положил горшочек на книжную полку, где было еще несколько «шерешер», но другой формы.

— Откуда у вас это? — спросил я.

— Из раскопок. Горшочек, который я вам показывал, найден мною при обследовании фундаментов церкви Михаила Архангела в Смоленске. Эта церковь, кстати, выстроена по повелению князя Давыда Ростиславича Смоленского, того самого, который упоминается в «Слове». Строил ее гениальный зодчий Древней Руси Петр Милонег. В

скобках замечу, — сказал Барановский, — Петр Милонег — мой любимый зодчий, имя которого достойно стоять в одном ряду с именами великих современников.

Помню, как мы — группа экскурсантов во главе с П.Д. Барановским — приехали в родной его Смоленск, а оттуда в Талашкино. Здесь бывали И.Е. Репин, М.А. Врубель, С.В. Малютин, В.М. Васнецов, В.Д. Поленов, Н.К. Рерих. Они помогали хозяйке Талашкина М.К. Тенишевой в благородном ее начинании — возрождении кустарных народных промыслов, сами много и плодотворно работали.

За разговорами о «Слове», о возрождении народных традиций в искусстве, о наметившемся росте национального самосознания, мы неспешно пришли к церкви Святого Духа, украшенной знаменитой мозаикой Н.К. Рериха «Спас Нерукотворный». Выждав, когда яркий взгляд «Спаса» проник в каждого из нас, Барановский с чувством и с толком прочитал слова Рериха, запись которых хранится в талашкинском музее «Теремок»: «Из древних чудесных камней сложите ступени Грядущего».

— Пророческие слова! — сказал Петр Дмитриевич. — Памятники Отечества — это святые, без которых нет доступа нам в будущее.

В памяти осталась и другая поездка с П.Д. Барановским — в Киев. С этим городом у него было связано многое. Он предлагал сразу же после освобождения Киева от фашистов восстановить Успенский собор Киево-Печерской Лавры. Тогда к нему не прислушались. Нашли причины отказаться от его проекта реставрации. Кончилось тем, что бульдозерами расчистили руины Успенского собора, смели в отвал смальту от мозаик и остатки древних фресок. Однако поторопились. Теперь в этом все убедились. Супруги-реставраторы Грековы восстановили разрушенную фашистами церковь Спаса на Ковалеве в Новгороде и спасли фрески, пролежавшие в сырой земле долгие годы. Мозаики и фрески Успенского собора тоже можно было спасти. Спустя сорок лет киевляне вернулись к идее Барановского. Принято решение о восстановлении собора Киево-Печерской Лавры. Жаль, нет Барановского. Он сделал бы это лучше всех.

В ту нашу поездку в Киев вспомнилось еще посещение Кирилловской церкви, где в 1194 году был похоронен один из главных героев «Слова» — великий князь Святослав.

Мы вошли под своды храма, помолчали.

— Видите, — указал Петр Дмитриевич на фреску, — это Ангел свивает небо. Всё разом, обе половины... Этот образ, думается, имел в виду и Автор «Слова», когда писал: «О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти

воспел... летая умом под облаками, свивал славу обеих половин этого времени...».

На долю П.Д. Барановского (а прожил он девяносто два года) выпало «свивать славу обеих половин» нашего яростного, порубежного века. В 1912 году за проект реставрации собора Болдинского монастыря под Дорогобужем, построенного великим зодчим Федором Конем, выпускник Московского строительного-технического училища двадцатилетний крестьянский сын Петр Барановский был награжден золотой медалью Русского Археологического общества. Потом была служба помощником архитектора на Тульском чугуноплавильном заводе, в Управлении строительства Среднеазиатской железной дороги в Ашхабаде и одновременно учеба на искусствоведческом факультете Московского археологического института. Не миновала Барановского и Первая мировая война. Он был мобилизован в 3-ю инженерную дружину и служил начальником команды, строившей укрепления на Западном фронте. В этой должности П.Д. Барановский встретил Октябрьскую революцию. Почти вся 3-я инженерная дружина самовольно разехала по домам, а он опломбировал склады и стал охранять их. Такой уж он был человек — преданный долгу до конца. Вскоре прибыли представители советской власти, и он передал им спасенные от разграбления склады.

Весной 1918 года П.Д. Барановский, с золотой медалью закончив институт, получил диплом историка архитектуры и был рекомендован известными учеными В.К. Клейном и В.А. Городцовым для педагогической работы. За несколько месяцев Барановский написал диссертацию о памятниках Болдинского монастыря. Учитывая важность научных открытий, ему было присвоено профессорское звание, он был избран членом-корреспондентом Всероссийской Академии истории материальной культуры, позднее упраздненной.

В конце 1918 года началось восстановление памятников Ярославского Спасо-Преображенского монастыря, разрушенных во время бело-эсеровского мятежа. Это были памятники того самого монастыря, где было найдено «Слово о полку Игореве»! Руководить реставрацией назначили профессора в солдатской шинели — П.Д. Барановского. С тех пор он постоянно находился на передовой по изучению и реставрации памятников Отечества.

Три пуда соли. Именно столько смог взять ее с собой молодой профессор Барановский, отправляясь в 1921 году в экспедицию по реке Пинеге и ее притокам. Деньги в то время на Севере ничего не значили. На соль можно было

выменять хлеб, нанять подводу или лодку, рассчитаться с рабочими.

— Дождался я лета и поехал, — рассказывал Петр Дмитриевич. — Один поехал. Специально подгадал под очередной отпуск и поехал, как заядлый охотник. Мне предстояло «настрелять» такой «дичи», какой кабинетные специалисты по архитектуре еще и в глаза не видели.

Петр Дмитриевич снял со стеллажа объемистую папку с материалами Выйско-Пинежской экспедиции. Достав карту Архангельской области, он показал отмеченные красным карандашом пункты остановок: Пинега, Вонга, Поча, Чакола, Пиринема, Кеврола, Чухченема, Сура, Вяя.

— В то время меня больше всего интересовали деревянные шатровые храмы, своего рода «предтеча» каменной церкви Вознесения в Коломенском, о которой летописец сказал: «Бе же та церковь вельми чудна высотой, и красотою, и светлостью». В прибрежных селах по Пинеге, — продолжал Барановский, — оказалось столько церквей «чудных вельми», что я решил во что бы то ни стало пройти по реке до самых верховьев. Приезжаешь в село, а там — две три шатровые церкви-красавицы, трехэтажные дома-хоромы. Строили северяне так, чтобы самим всю жизнь красотой любоваться и чтобы внукам завет оставался.

Перед нами лежали пожелтевшие от времени фотографии и листы бумаги, на которых вычерчены в масштабе дома и поражающие своим разнообразием резные крыльечки — гордость и «визитная карточка» каждого хозяина.

— А это крыльцо мне особенно понравилось, — говорит Барановский. — Я даже сделал макет.

— Крыльцо-то у вас из кедровых палочек, а ведь на Севере кедра нет, — заметил я.

— Был у меня такой период в жизни — «сибирский». Времени было предостаточно, вот я и смастерил это крыльцо, — ответил Петр Дмитриевич и, чтобы переменить тему, достал большой конверт с рисунками резных украшений колодезных журавлей. — Более двух десятков я их тогда зарисовал и еще столько же коньков крыш. Наиболее часто встречающиеся изображения на столбах колодцев и коньках крыш — голова коня или петух — образы красного солнышка, отзвуки языческих верований наших предков.

— А на этом конверте у вас почему-то стоят три восклицательных знака, — обратился я к хозяину.

— Здесь у меня хранятся особо важные документы. Памятника этого уже нет, но точные научные обмеры сохранились. Две недели я трудился над ними. Выйский шатровый храм — неповторимое явление во всем мировом деревянном зодчестве.

П.Д. Барановский обмерил, вычертил и сфотографиро-

вал выйский храм во всех деталях. Теперь, когда этот уникальный памятник по невежеству местных властей уничтожен, остается надежда на его грядущую «реабилитацию» и воссоздание вновь по материалам Выйско-Пинежской экспедиции.

— Тяжело сознавать, что потомки тех, кто своими мозолистыми руками воздвиг это чудо света, сами порушили славу своих пращуров. — Петр Дмитриевич достает письмо очевидца, на глазах которого канатами зацепили за главу храма и трактора повалили в обрыв исполина, простоявшего на русской земле три с половиной века. — Под карнизом кровли выйского храма, — продолжает Барановский, — была вырезана красивыми буквами надпись. Расстояние от земли до нее — около пятнадцати метров. Разобрать буквы я не мог, а прочесть обязательно надо было.

— Неужели пришлось строить леса?

— Какие там леса! У меня времени было в обрез. Вместе с другими мужиками я залез по специальным выступам внутри шатра до самой главы. Там мужики обвязали меня веревкой и через люк, как с горки, спустили по скату шатра. Топором я отбил доски с надписью, и меня с ними спустили на землю. А когда снял с надписи прорись, меня мужики снова подняли, и я водрузил доски на место.

Петр Дмитриевич развернул длинный ряд склеенных листов бумаги. Любуясь резной надписью, которая сама по себе произведение искусства, мы прочитали: «Лета 7108 (1600) августа в 6 день поставлен бысть сей храм церковь во имя пророка Ильи при государе царе и великом князе Всея Руси Борисе Феодоровиче, сыне его Феодоре и патриархе Иове».

— А потом, — сказал Петр Дмитриевич, — когда я обмерил выйский храм и снял эту прорись, был трудный путь домой.

Бережно я взял из папки переломленную надвое старую фотографию, на которой мой хозяин, чем-то похожий на героев Джека Лондона, стоит у лодки, загруженной экспедиционными материалами.

— Вот в этой лодке, — рассказал Петр Дмитриевич, — мы проделали весь путь до села Пинега, где я сел на последний пароход, уходящий на зимовку в Архангельск. Страшно даже вспомнить то путешествие. Мой проводник, местный житель, согласившийся за пуд соли быть кормчим, долго, видно, потом вспоминал меня. Поездка эта нам обоим чуть не стоила жизни. Вначале плыли хорошо. Потом ударили холода. Плыть стало трудно. Светлого времени было мало, и мы все время рисковали разбиться на порогах, где нашу лодку кидало, словно перышко. За

долгий путь мы совсем обессилели. Пинега к устью стала широкой. Деревень на берегу не было видно, и нам негде было обогреться и пополнить съестные припасы. Да еще беда — стали мучить нас галлюцинации. Однажды к вечеру плывем, а впереди высокий крутой берег. Голодные, глаза слипаются от усталости, сами окоченели от холода. И вдруг мне почудились огни деревни впереди. «Гляди, — толкаю я своего кормчего, — деревня!» Тот напряженно вглядывается, ревет от радости. Ломая прибрежный лед, мы с трудом пристали к берегу. Выскочили из лодки и, перегоня друг друга, бросились вперед. Бежим, оглашая лес треском сучьев, а огни все дальше и дальше уходят от нас. Понял я тогда, что это обман зрения. В лесу мы могли потеряться и замерзнуть. Собрал я остатки сил и еле смог уговорить моего обезумевшего спутника вернуться назад. У него совсем уже не было сил. Мне пришлось погрузить его, как куль, на дно лодки, устланное медвежьими шкурами, и плыть вперед. Эту ночь я никогда не забуду. Приплыли мы в Пинегу с последним гудком парохода, отдавшего швартовые. Казалось, больше на Север меня не заманишь никакими калачами. Однако все в жизни пропорционально интересу. Не утерпел я и на будущий год опять поехал в экспедицию по северным деревням. Ничего не знаю чудеснее русской деревянной архитектуры! — закончил свой рассказ Петр Дмитриевич.

Есть основания предполагать, как считал П.Д. Барановский, что деревянное шатровое зодчество было на Руси еще в дохристианскую пору. После крещения Руси архитектурные сооружения, где помещались языческие жертвенники, очевидно, не всегда уничтожались. Ведь это было неразумно, если учесть трудности всякого строительства в ту пору. Достаточно было уничтожить самих идолов, освятить помещение и поставить на нем символ новой веры — крест. Возможно, этим и объясняется вращение в новую христианскую культуру старых типов архитектурных сооружений. Изображение шатровых церквей встречается в глубокой древности — в одной из псковских рукописей XII века и на ряде икон XIV века. На Севере «шатры» были распространены повсеместно — от Кольского полуострова и до Аляски.

В середине XVII века при патриархе Никоне вышел строгий указ шатровых церквей не строить. Патриарх усматривал в этом отход от буквы древнего православия, дескать, Византия шатровых церквей не знала. Никон предписал строить только пятиглавые церкви, символизирующие Христа и четырех евангелистов. Северных земель, отдаленных от Москвы, этот патриарший указ практически не коснул-

ся. Там народ вплоть до XX века продолжал строить «по пригожеству, как мера и красота скажет», как строили их отцы и деды.

Испокон веку лес был для русских людей подлинной стихией. Да будет вам известно, — океан русского леса составляет почти треть лесных просторов мира. С ним была связана вся жизнь русского человека. Он его кормил, одевал, обувал. Недаром народная пословица говорит: «Возле леса жить — голода не видеть».

Русский человек рождался в рубленой бревенчатой избе. Еще лежа в деревянной зыбке, он слышал, как шумит лес за окном, точно волны прибоя. С радостью первого открытия присматривался он к игре света на прожилках досок соснового потолка дома, на золотистые капли смолы, стекавшие с бревен. Первые игрушки, которые он брал из рук родителей, тоже были из дерева. Впервые севши за стол, он и на нем видел деревянные изделия — чашки, ложки, солоницы, кружки. А едва овладев грамотой, он, беря хлеб с деревянного блюда, по слогам читал слова, вырезанные по кромке хлебницы: «Хлеб-соль ешь, а правду режь».

Взявшись за работу, русский человек всю жизнь имел дело с деревом: корчевал лес под пахотный клин, гнал смолу, выжигал уголь, заготавливал дрова, драл лыко. «Кабы не лыко да береста, и мужик бы развалился», — говорит пословица. Лес был основой народных промыслов. И поэтому права поговорка про мужика: «Летом он рыбачит, а зимой бурачит», занимается ремеслом, что в науке именуется термином «прикладное искусство». Прикладным оно называется оттого, что человек приложил к вещам, вышедшим из-под его рук, свое сердце, душу, свою любовь и даровал им жизнь.

Срубить храм на Руси было делом не только святым, но и каким-то особым, не писанным никаким законом соревнованием мастеров-плотников друг перед другом. Прежде чем положить под первый венец серебряную, а то и золотую монету, служили торжественный молебен при стечении всего окрестного люда. По окончании работы в храме устраивалась торжественная свадьба с хороводами, песнями. Церковь была для северян, не знавших крепостного права, праздничным дворцом. Самый бедный крестьянин во время венчания именовался князем, а невеста его — княгинюшкой.

В квартире П.Д. Барановского было много картин, акварелей, рисунков, фотографий северных пейзажей. Самой дорогой реликвией была северная икона «Преображение Господне» XVII века. В верхней части иконы было изображено шествие праведников в рай. Этот рай был изоб-

ражен художником с приметам Севера — река, похожая на Пинегу, на берегах — дома, рубленные «в лапу», нивы с колосющимся хлебом, северные яркие цветы, и в небе — жаворонок. Внизу, под иконой, Петр Дмитриевич прямо на обоях процитировал древний панегирик:

«О светло-светлая и украсно украшенная Земля Русская!
И многими красотами удивлена еси...»

На рабочем столе П.Д. Барановского вместо пресса для бумаг лежал барельеф шестикрылого Серафима, найденный им на развалинах Болдинского монастыря. Это была память о музее, который он создал у себя на родине и который погиб в Великую Отечественную войну.

П.Д. Барановский одним из первых в стране оценил художественную значимость деревянных богов и начал собирать их в Верхнем Поднепровье.

Созданный П.Д. Барановским и М.И. Погодиным Музей деревянной скульптуры в Болдинском монастыре насчитывал более сотни первоклассных произведений народного искусства. Основу коллекции составляли деревянные боги, собранные в Дорогобужском, Рославльском, Ельнинском уездах. Среди них были шедевры, восхищавшие самых строгих ценителей искусства.

П.Д. Барановский и М.И. Погодин прекрасно понимали, что собранная ими коллекция деревянной скульптуры имеет всемирное значение. По художественной значимости скульптура Смоленщины не уступала знаменитым «пермским богам». Устроители Болдинского музея готовили к изданию книгу о смоленской скульптуре. Война помешала осуществить их замысел. В огне пожарищ погибли шедевры, могущие составить славу любой национальной школе ваяния. После смерти М.И. Погодина и П.Д. Барановского каталог и фотографии деревянной скульптуры, погибшей в Болдинском монастыре, поступили в архив Института истории искусств Министерства культуры СССР и ждут своего исследователя.

«Где хоронить дорогого Петра Дмитриевича?» — так заканчивалась заготовленная телеграмма, которую должны были отправить в Москву летом 1931 года участники Беломорско-Онежской экспедиции.

Дело обстояло так. Экспедиция подходила к концу. Времени оставалось мало, а в селе Пияла надо было еще обмерить, сфотографировать, зарисовать ряд памятников. Петр Дмитриевич очень боялся за их судьбу, и не напрасно. Большая часть этих памятников погибла от рук не в меру ретивых ниспровергателей старины. Особенно тщательно Барановский делал тогда обмеры уникального пильского собора. Оставалось сделать всего несколько за-

меров. Для экономии времени он решил идти не по матицам потолка собора, а прямо по доскам. Только он вступил на них, весь потолок рухнул с десятиметровой высоты, так как гвозди проржавели и повисакивали из своих гнезд. Барановский оказался под грудой толстых досок. Когда их разобрали, Петр Дмитриевич был уже бездыханен. Тогда и составили злополучную телеграмму. Но отправить ее из глухого села оказалось не так-то просто. Когда через четыре часа вернулись к Барановскому, он пришел в сознание.

— Так уж было суждено, — вспоминал Петр Дмитриевич, — это была не последняя моя экспедиция. Две недели я пролежал в медпункте села Чекуево, а как стал подниматься с постели, то непременно захотел посмотреть, что из древностей осталось в закрытом соборе. «Сходи, — говорю своему коллеге, — посмотри, что там есть полезного». А он отвечает, что, мол, ничего там нет. Тогда поковылял я сам. Зашел в собор — действительно пусто. Кругом грязь, птичий помет. Вижу — внизу, под всякой рухлядью, — резная доска. Вытащил я ее и ахнул. Передо мной был истинный шедевр — резная дверь XII века — экспонат, достойный украшать любой музей народного творчества.

Чекуевская находка лучше всех припарок помогла тогда Барановскому окончательно подняться на ноги. Телеграмма о его смерти сохранилась в архиве у Петра Дмитриевича, и он воистину оправдал народное поверье: прожил после несостоявшихся похорон много лет. Ну, а что касается резной двери из села Чекуево, то она и по сей день в музее «Коломенское». Музейные экспонаты тоже имеют свои истории. Кстати, то, что можно увидеть в Коломенском: дом Петра I из Архангельска, башню Николо-Карельского монастыря с Беломорья, башню Братского острога с Ангары, — все это было привезено и собрано Петром Дмитриевичем. Он был организатором и первым директором музея «Коломенское». Его советчиками и помощниками в создании музея были известные люди, в 1920—1930-е годы оказавшиеся не у дел. Среди них — поэт старой Москвы художник Аполлинарий Васнецов.

Однажды к Барановскому пришла женщина и предложила взять у нее картину с изображением церкви Иоанна Предтечи в Дьякове, что рядом с Коломенским.

— Так это же большая ценность, я не смогу вам сполна за нее заплатить, — сказал Петр Дмитриевич.

— Что вы, никакой платы и не надо. Возьмите, лишь бы не пропала. Внук поступил в архитектурный техникум, а там учат, что церкви, как памятники архитектуры, ника-

кой цены не имеют. Вот и боюсь, как бы внук не изорвал картину.

Так Петр Дмитриевич стал обладателем редкостного произведения искусства. За картину «Церковь Иоанна Предтечи в Дьякове» ее автор Константин Маковский получил золотую медаль и заграничную командировку. В 1930-е годы, когда во всеуслышанье объявили, что можно, оказывается, жить без святынь, цена на эту картину упала в глазах несведущей молодежи до нуля. Теперь этой картине цены нет. Петр Дмитриевич сохранил ее и спустя годы передал тому, кому она принадлежит, — народу.

География научных экспедиций П.Д. Барановского обширна — от Соловков и до Баку, от Львова и до Иркутска. Начиная с 1929 года, в течение нескольких десятилетий, Петр Дмитриевич плодотворно работал над темой: «Связи в архитектуре Древней Руси с Кавказом, Византией и балканскими славянами». Ему принадлежат выдающиеся открытия на территории Кавказской Албании (V—XII века) в Азербайджане. В селе Лекит он открыл древний базиликальный храм, а в селе Кум — Круглый храм V—VII веков.

Работоспособность у П.Д. Барановского была редкостной. Помню, несколько активистов Общества охраны памятников собрались вечером у Петра Дмитриевича. Надо было срочно написать и утром представить начальству письмо о катастрофическом состоянии памятников русского деревянного зодчества и мерах по их спасению. Часа́м к трем из нас дух вон — не работа, а сплошной митинг. Петр Дмитриевич, видя это, отошел в сторонку, сел и спокойненько пункт за пунктом все написал — и констатацию, и проект постановления. Нам его работа показалась чересчур сухой, неэмоциональной. Однако бумагу Петра Дмитриевича приняли, распечатали и разослали на места, а нашу завернули по первому разряду.

Неподалеку от центра Москвы, на крутом берегу Яузы, стоит один из древнейших форпостов столицы, некогда прикрывавший ее с юга. Это Спасо-Андроников монастырь. Он был основан около 1360 года. Первым его игуменом был прп. Андроник — ученик прп. Сергия Радонежского — вдохновителя Куликовской победы. Здесь русские войска в 1380 году, уходя на битву с ордами Мамай, прощались с Москвой. Сюда они вернулись победителями.

В стенах Андроникова монастыря в XIV веке жили или бывали основатель обители — видный политический деятель Древней Руси митрополит Алексей, великий князь Московский Дмитрий Донской, выдающийся иконописец

Даниил Черный. Позже здесь был похоронен основатель русского театра Федор Волков.

Трудно сказать, кто из больших русских писателей и деятелей культуры не побывал в Андрониковом монастыре за его многовековую историю. И все же первым в этом ряду должен быть назван гениальный Андрей Рублев. Земно поклонившись в воротах монастыря, он уходил отсюда в 1405 году расписывать вместе с Феофаном Греком и Прохором с Городца Благовещенский собор Московского Кремля, а тремя годами позже, в мае 1408 года, — Успенский собор во Владимире. В 1420-х годах «андрониковские старцы» Андрей Рублев и Даниил Черный — «мужи в добродетели совершенны» — руководили артелью художников, работавших в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры. К этому времени относится создание Рублевым всемирно известной иконы «Троица», написанной «в похвалу» Сергию Радонежскому. Последней работой гениального мастера, «всех превосходящего в мудрости зелне», были росписи в Андрониковом монастыре.

П.Д. Барановский был одним из инициаторов создания в Андрониковом монастыре музея имени Андрея Рублева. В середине 1940-х годов об этом трудно было даже мечтать, так как все строения монастыря были заняты под коммунальные квартиры. И все же Петр Дмитриевич со своими единомышленниками, первым из которых следует назвать Давида Ильича Арсенишвили, добились своего. В 1947 году Постановлением Совета Министров СССР территория бывшего Спасо-Андроникова монастыря была объявлена музеем-заповедником. Это была большая победа, свидетельствующая о росте национального самосознания народа.

Андрей Рублев умер во время московского морового поветрия. Смерть тогда нещадно косила всех. Но неужели потом, когда утихла моровая стихия, Андрей Рублев остался без могильной плиты и эпитафии?

Петр Дмитриевич и Мария Юрьевна Барановские искали в архивах возможные упоминания об Андрее Рублеве. Было установлено, что еще в XVIII веке в Андрониковом монастыре сохранялась надгробная плита над могилой Андрея Рублева. Вместе со своим другом Даниилом Черным он был погребен под старой соборной колокольной, не дошедшей до нашего времени. Не может быть, чтобы надгробная плита с могилы Андрея Рублева пропала. Петр Дмитриевич искал ее. Нетрудно понять, сколько материалов по этому вопросу Барановский «перелопатил» и каким он был специалистом по эпитафике.

— И вот однажды, — рассказывал мне Петр Дмитриевич, — к концу дня, когда рядом со Спасским собором

рабочие закончили прокладывать траншею, я увидел вывороченную ими могильную плиту.

Плита показалась Барановскому «подозрительной». Эпитафия на плите была во многих местах сколота. Петр Дмитриевич попробовал ее прочитать, но это не удалось, — наступила темнота.

Барановский углем натер плиту и передал надпись на большой лист бумаги. Придя домой, Петр Дмитриевич приступил к расшифровке эпитафии и просидел за этим занятием до утра. Сбитые буквы не позволили прочитать весь текст. Однако не вызывало сомнения, что это была надгробная плита старца, «рекомого Рублев». Закончив работу, Петр Дмитриевич, окрыленный находкой, поехал в Андроников монастырь. Когда он приехал, то плиты уже не нашел.

— Где плита? — спросил он у рабочих.

— Какая плита?

— Та, которая лежала вчера вечером здесь!

— Видите, какая слякоть! — сказали рабочие. — Что мы, грязь должны месить? Мы вашу плиту на щебенку пустили и дорожку, по которой вы шли к собору, посыпали.

11 февраля 1948 года П.Д. Барановский сделал доклад в Институте истории искусств АН СССР, в котором изложил свои изыскания. По Барановскому выходило, что Андрей Рублев умер 29 января («на память Игнатия Богоносца») 1430 года.

Торжественное открытие Музея имени Андрея Рублева состоялось в 1960 году. Во всем мире тогда праздновалось 600-летие со дня рождения великого художника Древней Руси, который в своем творчестве отразил черты русского национального характера и оказал огромное влияние на всю духовную культуру народа.

В период Великой Отечественной войны фашисты уничтожили многие памятники культуры. Секретным приказом рейха предписывалось оставить нас без исторического наследия. «Рабы не имеют своей истории», — говорилось в фашистском приказе.

П.Д. Барановский, будучи экспертом Чрезвычайной комиссии по расследованию фашистских злодеяний на временно оккупированной территории, вошел в Чернигов с войсками, освободившими город. На месте церкви Параскевы Пятницы он увидел руины. До войны считалось, что это сооружение в стиле украинского барокко построено в XVII веке. Каково же было удивление Петра Дмитриевича, когда он обнаружил, что церковь Параскевы Пятницы в своей основе древнее здание, сложенное из плоского кирпича-плинфы, употреблявшегося в домонгольс-

кую эпоху. Тогда и возникло у реставраторов предположение, что памятник этот — современник «Слова о полку Игореве». Петр Дмитриевич не ошибся в своем предположении. Чтобы доказать это и восстановить памятник в его первоизданном виде, понадобилось несколько лет напряженного труда. Реставрация началась, когда еще шла война. Люди в Чернигове жили в землянках. Не хватало кирпича, чтобы сложить печи. И в то же время на виду у всего города из руин поднимался памятник архитектуры. Петр Дмитриевич рассказывал, как однажды разъяренная толпа черниговских женщин привела к нему человека, который наворовал плинфы, и сложил себе печку в баньке. Если бы наше самосознание было как у тех женщин военной поры, тогда не мучил бы нас стыд за ничем не оправданный снос в 30-х годах Страстного и Чудова монастырей, старинных московских особняков, связанных с памятью Пушкина и Лермонтова.

Имена доморощенных геростратов у нас, к сожалению, не предаются огласке, но общественность их помнит и давно занесла в позорный поминальник. Такую «московскую летопись» с конца 1920-х годов вел П.Д. Барановский. В его архиве хранился пожелтевший от времени журнал «Огонек» за 1930 год. На обложке новогоднего номера журнала главный редактор Михаил Кольцов, рьяно борющийся за снос древних памятников Москвы, поместил фотографию руин взорванного шедевра древнерусской архитектуры — собора Симонова монастыря. Характерна и подпись в духе времени. Дескать, на месте храма мракобесия построим дворец науки и культуры. Только почему именно «на месте храма»?

В свете всего происходящего ныне особенно отчетливо видно, что многим из нас не хватает бойцовских качеств П.Д. Барановского. Он мог, когда этого требовали интересы охраны памятников, не только остаться в меньшинстве, но и не согласиться со всеми. Это не упрямство, а высшей пробы принципиальность гражданина Отечества.

Полистав наши газеты и журналы, обязательно найдем там тревожные сигналы о неблагополучии с охраной памятников Отечества. Обрывается цепь преемственности поколений. Это наносит непоправимый ущерб воспитанию молодежи. Прав Леонид Леонов, когда говорит в своих «Раздумьях у старого камня»: «Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, — из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие».